

Коллекция всемирного наследия

❧ 50 ❧

ВЕЛИКИХ ЧУДЕС СВЕТА

В Древнем мире было известно лишь семь чудес света. Но за истекшие столетия человечество создавало все новые и новые выдающиеся памятники культуры. Список «чудес» был существенно расширен. Сегодня он насчитывает более сотни объектов. Однако эта книга рассказывает лишь о «самых-самых» великих чудесах архитектуры, науки и техники, составивших золотой фонд мирового культурного наследия.

50 великих чудес света

А. Ю. Низовский
50 великих чудес света
Альтамира

Альтамира – обширная известняковая пещера на севере Испании, близ г. Сантандер, в Кантабрийских горах, получившая всемирную известность своими древнейшими наскальными рисунками. Ее называют «Сикстинской капеллой первобытного искусства».

* * *

Пещера, вход в которую еще в древности был засыпан обвалом, была случайно обнаружена в 1868 г. Спустя несколько лет ее исследованием занялся испанский археолог и спелеолог дон Марселино де Саутуола. Во время одного из посещений пещеры девятилетняя дочь Саутуолы неожиданно обнаружила на низком потолке бокового грота удивительные рисунки. Изучив их, ученый пришел к выводу: росписи Альтамиры – дело рук первобытного человека.

Открытие этого ярчайшего памятника палеолитического искусства стало настоящей сенсацией. Весь научный мир сначала резко выступил против выводов Саутуолы. Тогда, в третьей четверти XIX в., не знали искусства старше древнеегипетского или кельтского, поэтому предполагалось, что любые предшествующие формы, которые еще могут быть открыты, неизбежно будут гораздо более примитивными. Нелегко было поверить в то, что уже 20 тысяч лет назад в Европе существовало искусство, достойное восхищения.

Альтамирские рисунки без сколько-нибудь серьезного изучения и без доказательств были осуждены как подделка, и на два десятилетия удивительная живопись Альтамиры была забыта. Между тем открытия настенных изображений в пещерах Европы множились. Одновременно множилось число различных скульптур и орнаментированных предметов, залегающих в культурном слое пещер. Об Альтамире вспомнили лишь в 1897 г., когда французский археолог Эмиль Ривьер сумел доказать подлинность петроглифов, обнаруженных им на стенах пещеры Ла Мут (Дордонь, Франция). Их древнее происхождение доказывалось уже тем, что вход в пещеру был завален породами четвертичного периода.

Это заставило многих ученых пересмотреть свою позицию. Открытие рисунков в Альтамире стало началом изучения пещерной живописи времен палеолита. Многие десятки подобных пещер с палеолитическими рисунками были обнаружены позднее на территории Франции и Испании.

Рисунки Альтамиры свидетельствуют о том, что первобытные охотники были далеко не такими примитивными, какими они представлялись ранее. Эти современники мамонтов и шерстистых носорогов поднялись на такой художественный уровень, который оставался недостижимым для последующих поколений людей в течение многих тысячелетий. Но, в отличие от позднейших художественных эпох, о том времени не осталось ни письменных сообщений, ни косвенных упоминаний, поэтому о смысле и назначении этого искусства специалисты могут лишь догадываться по размещению рисунков, гравюр и скульптур, по сюжетам

изображений, а также на основании археологических находок.

Пещеры Альтамиры тянутся более чем на 280 м в длину и состоят из множества просторных залов. Со времен палеолита длинный входной коридор служил, как это показали раскопки, складским помещением. Обнаруженные там инструменты из камня и оленьего рога, как и декоративные изображения на обломках костей, были созданы в период с 13 000 по 10 000 г. до н. э. По мнению археологов, свод пещеры обвалился в начале неолита.

Изображения Альтамиры относятся к мадленской культуре позднего палеолита. Их возраст насчитывает 15,5 тысячи лет. Почти сразу от входа в мягкой глине пещерных стен появляются сплетения процарапанных линий, постепенно переходящие в головы и тела животных. В третьем зале черными контурными линиями изображены лошади и бизоны. Наряду с нарисованными и высеченными на скале фигурами зверей здесь есть и такие рисунки, которые формами отдаленно напоминают человеческие тела. Рядом видны красно-коричневые отпечатки ладоней и знаки разнообразных форм, смысл которых не разгадан.

Самая интересная часть пещеры – «Зал Животных» (9 x 18 м), расположенный прямо за входом. Рисунки живо и с большой точностью воспроизводят различные позы играющих животных – бизонов, быков, лошадей, ланей, кабанов. Длина фигур достигает 2,25 м. Рисунки выполнены черной, красной и желтой красками, древесным углем, а также вырезаны заостренным каменным орудием. Они прекрасно сохранились. Чтобы рассмотреть их подробнее, приходится ложиться на пол.

Первобытные художники искусно использовали естественные рельефные выступы на скальной поверхности, что усиливало пластический эффект изображений. Несколько уверенных штрихов – и неровности скалы превращаются в мастерски исполненные изображения лежащих бизонов.

Для фресок чаще всего применялись различные минеральные красители. Желтая, красная и коричневая краски обычно готовились из охры, черная и темно-бурая – из окиси марганца. Белая краска вырабатывалась из каолина, различные оттенки желто-красного цвета – из лимонита и гематита, древесный уголь давал чернь. Вяжущим веществом в большинстве случаев была вода, реже жир. В Альтамире были обнаружены и большие морские раковины, в которых хранились краски.

Почти девять десятилетий знаменитые пещеры Альтамиры были доступны для обозрения. Здесь был устроен первоклассно оборудованный музей. Но оказалось, что выдыхаемый посетителями углекислый газ и тепло человеческих тел в сочетании с искусственным светом настолько вредят наскальным картинам, что пещеры пришлось закрыть для массового туризма. Теперь попасть туда можно, только имея заранее полученное специальное письменное разрешение.

Пирамиды долины Бойн

Приблизительно в 40 км к северу от столицы Ирландии Дублина расположен огромный доисторический комплекс из 40 погребений. Его иногда называют «королевским кладбищем Бру-на-Бойн». Он занимает территорию в 10 кв. км. С трех сторон могильник окружает река Бойн, делающая здесь большую петлю, – вероятно, люди, избравшие это место для погребения своих предков, были убеждены, что воды священной реки

защитят их могилы. Как бы то ни было, но эти огромные курганные насыпи дошли до наших дней. И это при том, что сооружения в долине Бойн на 1000 лет старше знаменитого Стоунхенджа и на 500 лет – египетских пирамид в Гизе. А впечатляют эти колоссы ничуть не меньше, чем Стоунхендж.

* * * 37 небольших курганных насыпей окружают три огромных гробницы – Ньюгрейндж, Даут и Наут. Их размеры исчисляются десятками метров в диаметре. Все они относятся к типу так называемых коридорных гробниц: в погребальную камеру, расположенную под насыпью, ведет длинный, узкий коридор, сооруженный из массивных каменных блоков. Исследователи подсчитали, что на сооружение каждой такой гробницы древним жителям долины Бойн потребовалось не менее 50 лет.

Кем и когда были построены эти «пирамиды»? Их возраст составляет около 5000 лет. Они были сооружены в эпоху неолита, когда в долине реки Бойн поселились первые земледельцы. На лесных полянах и рощистях они сеяли пшеницу и ячмень, на приречных лугах и в дубравах выпасали овец и свиней. Несмотря на внешнюю простоту быта, эти люди были квалифицированными строителями и астрономами, они были организованны и, судя по всему, жили в мире, так как на протяжении столетий никто не мешал им сооружать их гигантские гробницы. Они не оставили после себя никаких письменных свидетельств, и мы ничего не можем сказать по поводу устройства их общества – возможно, они имели каких-то авторитарных вождей или жили «в народоправстве» и обладали высокой степенью самоорганизации; возможно, у них царил матриархат, а возможно, было полное равенство. Некоторые исследователи полагают, что они использовали труд рабов для сооружения гробниц, а другие уверены, что «ирландские пирамиды» созданы руками свободных людей. Как бы то ни было, но к 2750–2250 г. до н. э. жители долины Бойн возвели постройки, которые считаются сегодня самыми большими и наиболее важными памятниками мегалитического искусства в Европе.

Века проходили за веками. Ушедших в небытие неолитических создателей Бру-на-Бойн сменили бикеры (от английского the Beaker – «кубок», «чаша») – так археологи окрестили культуру бронзового века, носители которой делали характерные глиняные кубки. Бикеры считали Бру-на-Бойн священным местом, где обитают древние духи чужого народа, с которыми лучше не ссориться. Так, из уважения или страха, но гробницы в долине Бойн остались нетронутыми – наоборот, их окружил еще больший ореол почитания. Впрочем, известно, что бикеры тоже хоронили здесь своих мертвых – в одном из погребений рядом с кремированными человеческими останками археологи нашли характерный глиняный кубок. Сегодня это захоронение является единственным известным погребением бикеров в Ирландии.

Спустя 3000 лет после постройки гробниц в долину Бойн пришли кельты. К этому времени Ньюгрейндж, Даут и Наут, вероятно, уже выглядели как огромные естественные холмы, и неудивительно, что кельтские вожди избрали самую большую из гробниц – Наут – в качестве места для строительства замка. С вершины этой «пирамиды» можно было оглядывать окрестности на много верст вокруг. Чтобы лучше укрепить

замок, кельты окружили его двумя концентрическими рвами и валом, для чего им пришлось разрушить входы в гробницу, так что мы уже никогда не узнаем, как они выглядели. Но мы знаем, что кельты все же проникли внутрь гробницы – об этом свидетельствуют надписи на стенах коридоров, сделанные так называемым огамическим письмом, которым пользовались древние кельты. Новые хозяева долины Бойн также оставили здесь свои погребения – всего их известно 35. Одно из них особенно любопытно: археологи обнаружили в нем останки двух юношей, похороненных вместе с набором игральные костей. Что это – могила азартных игроков, казненных в назидание другим, или двух друзей, которым близкие положили в могилу кости, чтобы они могли играть в свою любимую игру и в загробной жизни?

Новый этап истории долины Бойн приходится на VIII–XII в. н. э. К этому времени многие небольшие гробницы эпохи неолита уже исчезли без следа. Часть из них была пущена на строительный материал для новых построек. В этот период замок на вершине Наута перешел во владение клана О'Нил и стал столицей одного из 120 королевств Ирландии. Один из первых правителей этого королевства носил имя Конгаллах Кногбха. Это имя происходит от древнего названия Наута – Кногбха, или Кнок Буа, что в переводе с гэльского (кельтского) языка означает «холм Буа». В этом названии некоторые исследователи видят указание на некоего Буа – древнего героя или божества, с которым, возможно, связана гробница Наут.

В эпоху раннего Средневековья люди боялись входить в таинственные коридоры гробниц Бру-на-Бойн. Они были убеждены, что эти коридоры ведут в подземный мир, туда, где обитает загадочный народ Туату де Даннан – мифическая раса сверхъестественных людей, ушедших под землю с приходом кельтов. Однако археологи нашли на стенах коридоров процарапанные чем-то острым надписи VIII–IX вв., в которых упоминаются имена неких Конана, Теймтеннаха и Снедгеса. Эти смельчаки, очевидно, презрели опасности, угрожавшие им со стороны страшных подземных жителей, и попытались все же проникнуть в тайны гробниц.

Последняя фаза истории Бру-на-Бойн связана с норманнами. Они пришли в Ирландию из Англии в 1169 г., но только в 1175 г. добрались до долины Бойн. В это время земля, на которой находятся гробницы, принадлежала монахам – цистерцианцам. Как-то уладив дело с монахами – то ли силой, то ли договорившись, – норманны перестроили замок на вершине Наута и превратили его в свой опорный пункт. Остается не вполне ясным, кто возвел здесь небольшую часовню во имя Девы Марии – норманны или цистерцианцы. Археологи обнаружили остатки руин этой часовни, осколки цветных оконных витражей и плитки пола, на которых сохранились латинские надписи. Судя по всему, норманны даже не подозревали, на вершине чего стоит их замок – они были убеждены, что это всего-навсего естественный холм.

Норманнское пребывание было недолгим. Укрепившись на территории Ирландии, они перевели свой гарнизон в более удобное место. Долина Бойн опустела. Постепенно ее освоили крестьяне, здесь появились фермы и хутора. Огромные холмы стали настолько привычной частью здешнего пейзажа, что уже никто не обращал на них внимания.

В 1699 г. на холмы Бру-на-Бойн пришли рабочие, которым потребовался щебень для строительства дороги. И каково же было их

удивление, когда после нескольких ударов кирок из-под земли стали выступать фрагменты огромных древних сооружений!

Это открытие вызвало переполох среди ученых. Еще не понимая до конца, что именно таят в себе холмы Бру-на-Бойн, они предположили, что загадочные постройки относятся к кельтской эпохе. Некоторые даже считали их еще более поздними. Не было единого мнения и по поводу назначения построек. В XVIII столетии английский исследователь Чарлз Валланси определил одну из трех «пирамид» Бру-на-Бойн – Ньюгрейндж – как «Пещеру Солнца». Валланси был убежден, что ее сооружение связано с древними календарными обрядами, и, в частности, с праздниками весеннего и зимнего солнцестояния. Большинство современников высмеяли эту теорию, но как оказалось – напрасно!

Полномасштабные исследования Ньюгрейнджа, начатые в 1967 г. археологической экспедицией под руководством профессора Майкла Дж. О'Келли, показали, что Ньюгрейндж действительно ориентирован таким образом, что утром 21 декабря, в день зимнего солнцестояния, лучи встающего над горизонтом солнца проникают через вход и в течение 17 минут освещают внутренность погребальной камеры. Это явление О'Келли впервые наблюдал в 1969 г., и с тех пор его можно видеть ежегодно – гробница Ньюгрейндж сегодня отреставрирована и открыта для посетителей. Несомненно, что такая ориентация гробницы не является случайной. Древние строители тщательно спланировали это огромное сооружение таким образом, чтобы солнечный свет в день зимнего солнцестояния мог освещать могилы предков, покоящиеся в погребальной камере Ньюгрейнджа. Следовательно, еще в III тысячелетии до н. э. (сооружение Ньюгрейнджа датируется 3200–2500 гг. до н. э.) жители Древней Ирландии обладали высокими астрономическими познаниями?

Как выясняется – не только астрономическими. Они были и прекрасными инженерами. С технической точки зрения ирландские «пирамиды» являются даже более сложными сооружениями, чем построенные на 500 лет позже египетские. Диаметр гробницы Ньюгрейндж, например, составляет 90 м, высота – около 15 м. 20-метровой длины коридор ведет в погребальную камеру, основу которой составляют огромные, 20–40-тонные вертикально поставленные кольцом монолиты. Устройство погребальной камеры чем-то напоминает Стоунхендж, только здесь каменное кольцо сверху прикрыто насыпью из земли и щебня. Внутри погребальной камеры сохранилась большая чаша ритуального назначения, а в стенах пробиты ниши, где когда-то покоился кремированный прах похороненных здесь людей.

Вход в гробницу отмечал круг из камней высотой от 1,5 до 2,5 м. Еще один круг из 97 вертикально стоящих камней окружал по периметру саму гробницу. Все эти камни, а также стены коридора и погребальной камеры покрыты орнаментом, состоящим из зигзагообразных линий, треугольников, концентрических кругов, но наиболее часто встречается изображение загадочной тройной спирали. Этот символ был широко распространен в неолитическом искусстве и, как предполагают исследователи, был связан с циклом смерти и возрождения. Большинство изображений спирали располагается при входе в гробницу, как бы обозначая границу между миром мертвых и миром живых.

По мнению некоторых исследователей, образ спирали является метафорой змеи, которая, сбрасывая весной кожу, как бы рождается для новой жизни. Другие видят в ней символ солнца. Третьи считают, что спираль обозначает путь в подземный мир, мир духов, куда души умерших уходят, как в водоворот. Согласно еще одной гипотезе, спираль – символ бесконечности бытия, а согласно другой – спираль служит ловушкой для злых духов. Даже сегодня среди некоторых племен Африки и Америки бытует поверье, что злые духи могут передвигаться только по прямой линии, поэтому если они попадут в спираль, то станут подобными мухе в сетях паука. Спираль как декоративный мотив встречается и на гораздо более поздних памятниках Ирландии – в книжных миниатюрах, на каменных крестах и в плиточном узоре полов средневековых церквей. В этой связи любопытной кажется связь змеи-спирали с культом св. Бригитты, распространенным в раннесредневековой Ирландии. Некоторые специалисты считают, что это – отголоски дошедшего до VI–VIII вв. н. э. древнего культа неолитической богини-матери. С этим же культом, возможно, связана легенда о св. Патрике, избавившем Ирландию от змея. Не отражает ли эта легенда в иносказательной форме борьбу христианских миссионеров с пережитками древних языческих верований? Как бы то ни было, орнаментированные камни Ньюгрейнджа являются одним из наиболее важных памятников мегалитического искусства в Европе.

Самой большой «пирамидой» Бру-на-Бойн и самым большим искусственным сооружением Древней Европы является Наут. Окружность его насыпи составляет 914 м – почти километр! Центральную насыпь окружает кольцо из 127 вертикально стоящих камней (вес некоторых из них достигает 5 т) и 15 меньших могил различного типа.

Наут, подобно Ньюгрейнджу, являлся больше чем могилой: это было место вечной жизни предков. Поэтому неудивительно, что древние обитатели долины Бойн приложили огромные усилия для сооружения этих домов мертвых: ведь предки должны были всегда оставаться с ними и оберегать свой народ. Можно только догадываться о том, какие усилия были затрачены на то, чтобы принести с берегов реки Бойн в плетеных корзинах десятки тысяч тонн окатанных водой камней, за десятки километров доставить сюда огромные каменные глыбы. Сооружение гробниц длилось так долго, что их первые строители, вероятно, стали их первыми «обитателями».

Археологические исследования Наута связаны с именем профессора Джорджа Йогана. Начав раскопки в 1962 г., он вел их на протяжении 24 сезонов, причем за это время была исследована всего лишь треть памятника. Но и того, что было найдено, вполне хватило для сенсации: оказалось, что в недрах этого огромного круглого кургана, состоящего из слоев торфа, камня, глины, сланца и земли, таятся целых две погребальные камеры, к которым ведут два коридора каждый протяженностью более 30 м!

На первый коридор археологи наткнулись спустя пять лет после начала раскопок – до этого они преимущественно занимались раскопками малых могил вокруг Наута. Однако потребовалось еще 15 лет напряженной работы, прежде чем профессор Йоган вступил в совершенно нетронутую

погребальную камеру (западную), в которой последний раз человек побывал 5000 лет назад. Такое событие редко кому выпадает в жизни! А 30 июля 1983 г. состоялось еще одно открытие: археологи обнаружили вторую (восточную) погребальную камеру. Так же, как и первая, она оказалась совершенно нетронутой.

Исходя из факта существования погребальной камеры в Ньюгрейндже, археологи вправе были рассчитывать найти нечто подобное и в Науте. Но открытие двух камер, сооруженных из гигантских каменных плит, стало совершенной неожиданностью. Еще большей неожиданностью явилось открытие в подземельях Наута огромного количества орнаментированных камней. Сегодня находки в Науте составляют около 25 % всех известных памятников западноевропейского неолитического искусства. Они принадлежат к числу наиболее замечательных художественных достижений доисторической Европы.

Петроглифы Наута отличаются большим разнообразием. Многие из гравированных камней напоминают карты звездного неба, на других можно видеть различные антропоморфные изображения. Чаще всего встречается символический орнамент в виде зигзагов, извилин, концентрических кругов или комбинаций этих мотивов. Здесь также можно видеть характерные для неолитического искусства тройные спирали – символы смерти и возрождения.

Как и Ньюгрейндж, Наут также ориентирован таким образом, чтобы солнечный свет мог попадать внутрь погребальных камер в определенные времена года. Этими временами являются дни весеннего и осеннего равноденствия: один из коридоров Наута озаряется солнечным светом 21 марта, другой – 23 сентября. Мы не знаем, почему люди, строившие Наут, хотели, чтобы прах их предков освещался солнцем именно в эти дни, но ясно, что причина для этого была достаточно серьезной. Она потребовала от древних обитателей долины Бойн не только тщательной планировки гробницы, но и предварительного накопления хороших астрономических знаний. Может быть, этот народ поклонялся солнцу? Или они верили, что солнечные лучи, проникающие в погребальную камеру, воскрешают духов умерших и те выходят из мрачных подземелий, чтобы вместе с живыми встретить наступление нового времени года?

Мы этого не знаем. Как не знаем и того, кто именно похоронен в «пирамидах» долины Бойн. Археологи нашли в камерах Наута останки приблизительно 200 человек. Вероятно, еще около 100 человек были погребены в Ньюгрейндже. Были ли эти люди теми, кого принято называть элитой – вождями, жрецами, мудрецами, духовными и политическими руководителями? Или здесь хоронили старейшин – глав родов и семей? Возможно, свет на многие тайны долины Бойн прольют исследования третьей «пирамиды» – Даута, к раскопкам которой археологи только-только приступили. И кто знает, какие еще открытия преподнесет ученым легендарная Бру-на-Бойн...

Пирамиды и сфинкс в Гизе

На покрытой песком известняковой возвышенности они вздымаются, как настоящие каменные горы: справа – пирамида Хуфу, или Хеопса; в центре – пирамида Хафра, или Хефрена, с остатками облицовки у вершины; слева – пирамида Менкаура, или Микерина. У подножия пирамид

лежит их тысячелетний страж – Большой сфинкс.

* * * Египетские пирамиды считались первыми из семи чудес Древнего мира. Эти фантастические сооружения во все времена привлекали к себе внимание людей. Сохранились тысячи описаний пирамид, относящихся к самым разным векам, сделанных разными письменами и на разных языках. В высеченных на камнях надписях, оставленных древними греками и римлянами, часто высказывается сожаление, что вместе с ними не могут видеть это чудо их умершие родственники: «Я, Панольбиос из Гелиополя, любовался гробницами царей и вспомнил своих».

Одна римлянка выразила свои чувства в стихах:

*Видела я без тебя пирамиды, о брат мой любимый,
Все, что смогла, – о судьбе твоей горькие слезы роняя
В скорби о нашем былом, жалобу здесь написала.*

«Во Египте же за рекою Нилом, идеже столпы древние фараоновы могилы учинены великаго дива, яко горы учинены; снизу широки, а сверху заострены», – писал в 1651 г. русский путешественник Арсений Суханов. Другой русский путешественник, А. С. Норов, посетивший Египет в 1834–1835 гг., отмечал: «...По странной игре оптики, замеченной уже многими путешественниками, пирамиды по мере приближения к ним кажутся как бы менее огромными, чем издали; это происходит, по моему мнению, оттого, что издали они имеют лазоревый цвет дальности, резко обозначающий их на пустынном пространстве и на ясном горизонте; но с приближением к ним они принимают желтоватый цвет тех камней, из которых они построены, и таким образом сливаются с тем же желтым цветом песчаной пустыни, которая их окружает... Чтобы судить о непомерной огромности пирамид, надобно подойти к самой их подошве... надобно стать не на углах пирамиды, а посередине одной из ее сторон... Тут огромность ее подавляет самое воображение; хотя эти отесанные камни показывают труд чьих-то рук, но вы едва верите, чтоб это было сделано руками человеческими».

Как же были построены эти гигантские сооружения? Во все века люди задавали себе этот вопрос. Пирамиды в Гизе, вне всякого сомнения, имеют единое направление осей и строго сориентированы по сторонам света. Самое значительное отклонение не превышает и десятой доли градуса. А ведь известно, что в ту эпоху египтяне не знали компаса. Не знали они ни полиспастов, ни подъемных кранов, ни даже железных инструментов.

На самом деле никакой загадки здесь нет. До наших дней дошли сообщения древних авторов, подробно рассказывавших о постройке пирамид. Сохранились многочисленные древнеегипетские изображения, наглядно воссоздающие технику этого строительства.

Вот что писал 2500 лет назад знаменитый историк Геродот, лично бывавший в Египте и много беседовавший с тамошними жрецами:

«...До времени царя Рампсинита, рассказывали далее жрецы, при хороших законах Египет достиг великого процветания. Однако его преемник Хеопс вверг страну в пучину бедствий. Прежде всего он повелел

закрыть все святилища и запретил совершать жертвоприношения. Затем заставил всех египтян работать на него. Так, одни были обязаны перетаскивать к Нилу огромные глыбы камней из каменоломен в Аравийских горах (через реку камни перевозили на кораблях), а другим было приказано тащить их дальше до так называемых Ливийских гор. Сто тысяч человек выполняло эту работу непрерывно, сменяясь каждые три месяца. Десять лет пришлось измученному народу строить дорогу, по которой тащили эти каменные глыбы, – работа, по-моему, едва ли не столь же огромная, как и постройка самой пирамиды. Ведь дорога была 5 стадий (1 стадия = 177,6 м. – *Примеч. ред.*) длины, а шириной 10 оргий (1 оргия = 1,8 м. – *Примеч. ред.*), в самом высоком месте 8 оргий высоты, построена из тесаных камней с высеченными на них фигурами. Десять лет продолжалось строительство этой дороги и подземных покоев на холме, где стоят пирамиды. В этих покаях Хеопс устроил свою усыпальницу на острове, проведя на гору нильский канал. Сооружение же самой пирамиды продолжалось 20 лет. Она четырехсторонняя, каждая сторона ее шириной 8 плефров (1 плефр = 29,6 м. – *Примеч. ред.*) и такой же высоты, и сложена из тесаных, тщательно прилаженных друг к другу камней. Каждый камень длиной по крайней мере 30 футов...

...Построена же эта пирамида вот как. Сначала она идет в виде лестницы уступами, которые иные называют площадками, или ступенями. После того как заложили первые камни, остальные поднимали при помощи помостов, сколоченных из коротких балок... Так поднимали с земли камни на первую ступень лестницы. Там клали камень на другой помост; с первой ступени втащивали на второй помост, при помощи которого поднимали на вторую ступень. Сколько было рядов ступеней, столько было и подъемных приспособлений. Быть может, однако, было только одно подъемное приспособление, которое после подъема камня без труда переносилось на следующую ступень. Мне ведь сообщали об обоих способах – почему я и привожу их. Таким образом, сначала была окончена верхняя часть пирамиды, затем соорудили среднюю и напоследок самые нижние ступени на земле.

Царствовал же этот Хеопс, по словам египтян, 50 лет, а после его кончины престол наследовал его брат Хефрен. Он поступал во всем подобно брату и также построил пирамиду, которая, впрочем, не достигает величины Хеопсовой. Я сам ведь ее измерил. Под ней нет подземных покоев и не проведен из Нила канал, как в той, другой пирамиде, где вода по искусственному руслу образует остров, на котором, как говорят, погребен Хеопс. Самый нижний ряд ступеней он велел вывести из многоцветного эфиопского камня и построил пирамиду на 40 футов ниже первой, при таких же, впрочем, размерах. Обе пирамиды стоят на том же самом холме высотой около 100 футов. Царствовал же Хефрен, по словам жрецов, 56 лет.

Затем царем Египта, по словам жрецов, стал Микерин, сын Хеопса. И этот царь также оставил пирамиду, хотя и значительно меньше отцовской: каждая ее сторона на 20 футов короче 3 плефров. Она также четырехугольная и наполовину построена из эфиопского камня».

Как мы видим, описание достаточно подробное и, кстати говоря, не единственное. Это к тому, что в XX в. появилось множество

«пирамидологов», смачно исследующих «секреты пирамид», которые они тут же, на ходу, сами и сочиняют. Геродот для них, естественно, не авторитет. Попутно «пирамидологи» пытаются связать свои «секреты пирамид» с «тайнами Атлантиды», о которой им, как и всем остальным, известно только из одного-единственного сообщения Платона, полученного от египетских жрецов. Но тогда совсем непонятно, почему на развернутые свидетельства Геродота и других античных авторов опираться нельзя, а на неясное свидетельство Платона – можно? Вопрос, впрочем, риторический...

Геродот интересовался и тем, во сколько обошлось египтянам строительство пирамид:

«На пирамиде египетскими письменами было обозначено, сколько редьки, лука, чеснока съели рабочие. И, как я очень хорошо помню, переводчик, который читал мне надпись, объяснил, что на все это было израсходовано 1 600 талантов серебра. Если это верно, то сколько же денег пошло на железные орудия, на хлеб и одежду для рабочих, так как строительство всех этих сооружений продолжалось 20 лет и, кроме того, немало времени понадобилось на ломку и перевозку камней и сооружение подземных покоев».

Греческий талант в разных весовых системах весил от 35,9 до 37,6 кг. 1600 талантов серебра – это значит от 40 300 до 60 100 кг, что при тогдашней стоимости драгоценных металлов представляло собой 4000–6000 кг золота. Во времена Геродота за талант серебра можно было купить в Афинах 3000 поросят, или 36 000 л ячменя, или же построить военный корабль. Строительство Парфенона в Афинах обошлось в 700 талантов. Здесь же только редька, чеснок и лук, съеденные строителями одной пирамиды Хуфу, стоили вдвое дороже, чем весь Парфенон!

Пирамида Хуфу, или Хеопса, на самом деле является чудом света. Это самое большое каменное сооружение Древнего мира. Подсчитано, что на ее строительство пошло около 2 250 000 хорошо отесанных и плотно пригнанных каменных блоков, весом около 2,5 т каждый. Отдельные блоки весили до 30 т. Вес пирамиды составляет 6,5–7 млн т. По мнению специалистов, ее не уничтожила бы даже атомная бомба, сброшенная на Хиросиму.

От подножия до вершины пирамида достигает высоты 137,3 м. До того как она утратила верхушку, ее высота составляла 146,7 м. Вплоть до XIX в. пирамида Хеопса являлась самым высоким сооружением в мире. Лишь в 1880 г. ее на 20 м превзошли башни Кельнского собора, а в 1889 г. – Эйфелева башня.

Стороны квадратного основания пирамиды составляют 230,4 м, а до потери облицовки – 232,4 м. При наклоне граней 51°52' первоначальный ее объем был равен 2 520 000 куб. м. Сейчас он примерно на 170 000 куб. м меньше, так как в течение веков пирамиду использовали как каменоломню.

Что таит в себе этот гигант? Попытки проникнуть в тайну пирамид предпринимались на протяжении множества столетий. В IX в. правитель Каира халиф Ал-Мамун приказал пробить проход в северной грани пирамиды Хуфу. Напрасно советники предостерегали его, говоря, что пирамиды находятся под охраной могущественных духов, которые погубят каждого, кто попытается в них проникнуть; остался он глух и к мнению специалистов по осаде крепостей, утверждавших, что проникнуть в

пирамиды выше человеческих возможностей. Халиф приказал доставить к северной стене пирамиды стенобитные орудия. Впоследствии оказалось, что его выбор был удачным: именно здесь, после нескольких недель бесплодных попыток, его рабочим удалось попасть в один из внутренних коридоров. Они достигли погребальной камеры фараона, где обнаружили пустой гранитный саркофаг без крышки. И тогда оказалось, что грабители гробниц успели здесь неоднократно побывать еще за несколько тысяч лет до халифа...

Первым из европейцев внутрь пирамиды Хуфу проник в 1837 г. английский полковник Ричард Уильям Говард Виз (1784–1853). Он обнаружил иероглифическую надпись, в которой упоминалось имя того, для кого предназначалась пирамида – фараона Хуфу. Возможно, ее написал какой-то каменотес, чтобы было ясно, на какую стройку этот блок отправлять. Надпись была сделана красной краской, и иероглифы разборчивы. В 1946 г. в заупокойном храме при пирамиде была сделана вторая находка. Это – фрагмент стелы, подтверждающий то, в чем никто уже не сомневался, а именно – что пирамида строилась для фараона Хуфу. На стеле написано его имя: «Относящийся к небосклону – Хуфу».

Но где же все-таки мумия царя? Кто проник в гробницу и опустошил ее? Древние грабители? Да, и они тоже. Но скорее всего мумия Хеопса, как и других фараонов, погребенных в пирамидах Гизы, не пролежала здесь и 100 лет. Еще Геродот писал о том, что о Хуфу и его преемниках у египтян оставалась самая недобрая память: «Египтяне так ненавидят этих царей, что только с неохотой называют их имена». Мумии Хеопса и его преемника Хефрена были попросту выброшены из гробниц, вероятно, в середине XXVI в. до н. э. «После их смерти народ взбунтовался и выбросил их мумии из пирамид», – свидетельствует Диодор Сицилийский. Вероятно, тогда же гробницы были основательно разграблены, а в последующие века они использовались для повторных погребений, которые снова разграблялись...

Первоначальный вход в пирамиду Хуфу расположен на северной стороне на высоте 25 м над основанием. Сейчас внутрь ее ведет другой вход, расположенный примерно на 15 м ниже прежнего. Этот узкий и низкий горизонтальный коридор протяженностью около 40 м пробили древние грабители пирамид, и относится он, возможно, ко временам смут, наступившим после падения Древнего царства.

Пирамида Хуфу скрывает в своих недрах три камеры, соответствующие трем этапам ее строительства, поскольку царь желал в любой момент располагать готовой гробницей. Первая камера вытесана в скале на глубине примерно 30 м ниже основания пирамиды. Размеры ее составляют 8 x 14 x 3,5 м. Она осталась незаконченной, так же как и вторая, устроенная в центре пирамиды, точно под вершиной, на высоте примерно 20 м над основанием. Ее размер – 5,7 x 5,2 м, сводчатый потолок достигает высоты 6,7 м. Эту камеру иногда называют «усыпальницей царицы».

Третья камера – усыпальница царя. В отличие от двух других, она полностью закончена, в ней был установлен саркофаг. Эта камера сооружена на высоте 42,3 м над основанием и несколько южнее оси пирамиды; ее протяженность с востока на запад – 10,4 м, с севера на юг – 5,2 м; высота – 5,8 м. Камера облицована отшлифованными и тщательно

пригнанными друг к другу гранитными плитами. Эти плиты так хорошо отшлифованы и так плотно пригнаны друг к другу, что между ними не просунешь и булавку.

Чтобы облегчить давление огромной массы камня на погребальную камеру, над ее потолком в нескольких рядах кладки были оставлены пустоты – так называемые разгрузочные камеры. Потолок усыпальницы царя образуют девять монолитных блоков, весящих около 400 т. Над потолком находятся пять разгрузочных камер, общая высота которых – 17 м, самая верхняя заканчивается двускатной крышей из огромных блоков, которые принимают на себя тяжесть примерно миллиона тонн камня.

Стоящий в западном углу усыпальницы саркофаг шире, чем вход в погребальную камеру. Он вытесан из цельной глыбы коричнево-серого гранита, без каких-либо изображений и надписей, и довольно сильно поврежден. Его поместили сюда еще во время строительства. Саркофаг этот выглядит так, будто его отлили из металла.

Из построек, окружавших пирамиду Хуфу, сохранились лишь развалины заупокойного храма и три маленькие пирамиды-спутницы. Остатки храма открыл в 1939 г. египетский археолог Абу Сейф. Он располагался к востоку от пирамиды, и его фасад имел протяженность 100 египетских локтей (52,5 м). Перед ним был устроен двор, окруженный 38 квадратными гранитными столбами, 12 таких же столбов стояло в вестибюле перед святилищем. По обе стороны от него при раскопках были найдены два выдолбленных в известняке углубления, в которых когда-то стояли «солнечные ладьи» фараона. К сожалению, эти сухопутные «доки» оказались пусты, но в 1954 г. археологи были вознаграждены находкой еще двух таких углублений, в одном из которых покоилась сделанная из кедра «солнечная ладья» – самый древний сохранившийся корабль мира. Длина ее составляет 44 м. После того как ладья была извлечена и подвергнута консервации, ее поместили в специально построенный павильон рядом с пирамидой.

Пирамида Хафра (Хефрена) ненамного уступает пирамиде Хуфу по величине и возрасту. Ее построили в середине XXVI в. до н. э. Тогда она достигала 143,5 м в высоту и была лишь на 3,2 м ниже пирамиды Хеопса. «Хафра велик» – таково было ее официальное название.

Сейчас высота от подножия до вершины пирамиды составляет 136,5 м. Стороны ее квадратного основания первоначально составляли 215,3 м, сейчас – 210,5 м. Объем пирамиды – 1 629 200 кубометров. При более крутом наклоне стен ($52^{\circ}20'$) пирамида Хафра кажется даже выше пирамиды Хуфу. Этот оптический обман усиливается тем, что она стоит на самом высоком месте Гизы.

Первым (условно, разумеется), кто проник внутрь пирамиды Хефрена, стал итальянец Джованни Батиста Бельцони. Это произошло 2 марта 1818 г. Но здесь его ждало разочарование: на стенах погребальной камеры красовались имена древних грабителей-арабов – Мухаммед Ахмед, Ахман, Мухаммед Али, Ахмед...

Погребальная камера находится почти на оси пирамиды. Ее размеры 14,25 x 6,8 м. В ней до сих пор стоит пустой гранитный саркофаг с разбитой крышкой, обнаруженный Бельцони в 1818 г.

«Божественен Менкаура» называлась меньшая из трех пирамид Гизы – пирамида фараона Микерина (Менкаура). Она отстоит на некотором расстоянии от гробниц Хуфу и Хафра. Ее основание составляет 108,4 x 108,4 м, высота – 62 м. Первоначально она была метра на четыре выше. В отличие от остальных, пирамида Менкаура сооружена не на скальном основании, а на искусственной террасе из известняковых блоков.

Геродот рассказывает легенду о том, как оракул из города Буто предсказал царю Менкаура, что ему осталось править всего шесть лет. Тогда фараон «приказал изготовить множество светильников. По ночам царь велел зажигать их, стал пить вино и непрестанно веселиться днем и ночью. Так поступал он, превращая ночи в дни, чтобы уличить оракула во лжи и сделать из шести лет двенадцать». Несмотря на то что Менкаура, по сообщениям египетских источников, процарствовал 63 года, по пирамиде и постройкам вокруг нее создается впечатление, будто Менкаура на самом деле предчувствовал свою раннюю кончину.

Пирамида Менкаура некогда была прекраснейшей из всех пирамид. На треть высоты ее покрывала облицовка из красного асуанского гранита, затем шли белые плиты из турецкого известняка, а вершина тоже была красная, гранитная. Такой двухцветной пирамида оставалась еще в XVI в., пока ее не разграбили египетские мамлюки. Сегодня гранитная облицовка сохранилась лишь в нижней части пирамиды, где ее защитили наносы песка.

Погребальная камера размерами 6,5x2,3 x3,5 м первоначально должна была располагаться всего в 6 м под основанием, однако на втором этапе строительства ее опустили на более безопасную глубину. Для возведения пирамиды использовались намного более крупные блоки, чем в пирамидах Хуфу или Хафра, – очевидно, фараон хотел ускорить строительство, и поэтому камень обрабатывали не очень тщательно. Но, несмотря на спешку, до окончания работ Менкаура не дождался. Он умер, когда пирамида достигла высоты примерно 20 м. О том, что ее достраивал уже преемник Микерина, фараон Шепсескаф, свидетельствует надпись, найденная в развалинах заупокойного храма возле пирамиды: «Шепсескаф, царь Верхнего и Нижнего Египта, для своего отца, царя Верхнего и Нижнего Египта, Осириса Менкаура». Помимо этого, здесь была найдена богатая коллекция скульптур, лучшие из которых сейчас хранятся в Египетском музее в Каире и в Музее изящных искусств в Бостоне. Среди них – большие рельефы царя Менкаура и скульптурный портрет, изображающий Менкаура и его главную жену.

Ансамбль пирамид сегодня немыслим без знаменитого Большого сфинкса. Нет и, вероятно, не было в мире статуи, превышающей его своими размерами. Основу сфинкса составила естественная известняковая скала, которая по своей форме напоминала фигуру лежащего льва. Она была обработана в виде колоссального сфинкса, причем недостававшие части были добавлены из соответствующим образом обтесанных известковых плит. Замечательное творение техники соединилось в этой статуе с прекрасным художественным замыслом.

История сфинкса хранит множество загадок. Так, Геродот, посетивший Египет и оставивший подробные описания чудес этой страны, о сфинксе не упоминает совсем. Он, вероятно, вообще не знал о его

существовании – может быть, сфинкс был засыпан песком, либо его просто не существовало во времена Геродота (484–425 гг. до н. э.). Первым, кто упомянул о нем, был римский историк Плиний (23–79 гг. н. э.).

Сфинкс – образ, пришедший из греческой мифологии. Так греки именовали чудовище с женской головой, львиным телом и птичьими крыльями. Оно было порождением стоголавого великана Пифона и его жены-полузмеи Ехидны. От них же произошли и другие знаменитые мифические чудовища: Цербер, Гидра и Химера. Сфинкс, по преданию, жил на скале близ греческого г. Фивы (не путать с египетскими Фивами!) и предавался довольно однообразному развлечению: задавал людям одну и ту же незамысловатую загадку: «Кто ходит утром на четырех ногах, в полдень на двух, а вечером на трех?» Тех, кто не мог дать верного ответа, Сфинкс убивал. Так он губил людей, пока его загадку не разгадал царь Эдип: «Это человек! Во младенчестве он ползает на четвереньках, в зрелом возрасте ходит на двух ногах, а в старости опирается на клюку». Тогда несчастное чудовище бросилось в море, поскольку судьбой было предопределено, что верного ответа оно не переживет.

В древнеегипетской традиции фараона было принято изображать в образе человека-льва – тело льва, царя пустыни, символизировало силу правителя, его сверхчеловеческую сущность. Эти изображения были первыми царскими статуями, стоявшими вне храмов и, таким образом, доступными для обозрения народных масс, на которых они должны были производить впечатление сверхъестественной и потому неодолимой силы фараона. Назывались такие статуи шесеп-анх – «живой образ». Возможно, из этого родилась греческая транскрипция «сфинкс».

Хотя египетский сфинкс загадок не задавал, сама огромная статуя, стоящая у подножия пирамид в Гизе, многие годы оставалась воплощенной загадкой. Ученые задавались вопросами: кого эта статуя изображает, когда создана, как была вытесана?

После 100 лет исследований египтологи раскрыли настоящее имя сфинкса. Арабы называли статую Абу'ль Хол – «Отец ужаса». Филологи установили, что это – народная этимология древнего имени «Хорун». За этим названием скрывалось несколько еще более древних, а в конце этой цепочки стояло древнеегипетское Хоремхет (по-гречески Хармахис), что означает «Хор на небосклоне». Хором именовался обожествленный правитель, а небосклон в древнеегипетской традиции означал место, где после смерти правитель сливается с богом солнца. Полное имя сфинкса означало: «Живой образ Хафра». Т. е. сфинкс был создан более 4500 лет назад и изображал царя Хафра (Хефрена) с телом льва и с символами царской власти.

Несмотря на гигантские размеры, лицо сфинкса передает основные портретные черты фараона Хафра. Насколько можно судить по другим его скульптурным портретам, внешность царя в образе сфинкса передана весьма реалистически, с ярко выраженными индивидуальными чертами (например, широкие скулы и большие оттопыренные уши). Как следует из надписи у ног статуи, она была создана еще при жизни Хефрена; следовательно, сфинкс не только самая большая, но и самая древняя монументальная статуя в мире.

Размеры сфинкса колоссальны: длина от передней лапы до хвоста – 57,3 м, высота – 20 м, ширина лица – 4,1 м, высота головы – 5 м, длина носа – 1,71 м. Первоначально лицо сфинкса было окрашено в кирпично-красный цвет, полосы немеса – полосатого платка, спускающегося с затылка на плечи, – были синие и красные.

До наших дней сфинкс дошел сильно поврежденным, с изуродованным лицом. Исчез украшавший лоб гигантской фигуры урей – символ царской власти в виде приподнявшейся кобры, которая, по верованиям египтян, охраняет фараонов и богов. Царский платок-немес частично обломан. От «божественной» искусственной бороды, которую носили египетские цари и знать, остались лишь обломки, найденные у ног статуи. Раны на лице сфинкса нанесены долотом в XIV в. – его изуродовал некий мусульманский фанатик, стремившийся исполнить завет пророка Мухаммеда, запрещающий изображать человеческое лицо. К этим повреждениям добавились следы от пушечных ядер. Почему-то принято считать, что это – следы пребывания в Египте наполеоновской армии, хотя это египетские мамлюки использовали голову сфинкса как тренировочную мишень для своих пушек.

Но, несмотря на разрушительную силу времени, сфинкс продолжает сторожить некрополь фараонов в Гизе. И это великолепное произведение Древнего Египта, вероятно, будет стоять до тех пор, пока будут стоять сами пирамиды.

Колоссы Мемнона

Заупокойные царские храмы Древнего Египта отличались огромными размерами. Особенно велик был храм фараона Аменхотепа III, или, как его именовали греки, Аменофиса III. Из аллеи сфинксов, которая некогда соединяла храм с берегом Нила, происходят два сфинкса, стоящие теперь на набережной Невы в Петербурге. Кроме сфинксов, единственными дошедшими до нас остатками этого храма являются две гигантские, высеченные из песчаника статуи фараона Аменхотепа, стоявшие перед центральным пилоном. Эти 21-метровой высоты статуи греки называли «колоссами Мемнона».

* * * Предание рассказывает, что Мемнон, царь Эфиопии, сын богини утренней зари Эос и стоглавого Тифона, был родственником троянского царя Приама. Никто из смертных не мог сравняться с ним красотой. Подобно утренней звезде, он сиял в своих золотых доспехах, выкованных самим богом Гефестом.

Во главе эфиопского войска, пройдя через Египет, Мемнон явился к стенам осажденной Трои на помощь Приаму. Закипела яростная битва. Впереди троянцев бился Мемнон, впереди греков – Ахилл. Но он избегал встречи с Мемноном. Ахилл знал, что если он убьет Мемнона, то вскоре погибнет и сам от стрелы Аполлона.

Мемнон напал на старца Нестора. Но разве мог престарелый герой сражаться с юным Мемноном? Поворотил Нестор своих коней и хотел спастись бегством. Но напруг свой лук Парис, сын Приама, и поразил стрелой одного из коней Нестора.

Видя, что ему грозит неминуемая гибель, Нестор призвал на помощь своего сына Антилоха. Верный сын решил лучше погибнуть, чем дать Мемнону убить отца. Схватил громадный камень Антилох и метнул его в

Мемнона. Но сына богини Эос защитил от удара шлем, выкованный Гефестом. Мемнон ударил копьем в грудь Антилоха, и тот упал мертвым, заплатив своей жизнью за жизнь отца.

Зарыдал старец Нестор, увидав гибель сына. Мемнон же хотел снять доспехи с убитого Антилоха. Нестор бросился на защиту трупа своего сына. Яростно бились греки и эфиопы вокруг тела Антилоха.

Нестор призвал на помощь и могучего Ахилла. В ужас пришел Ахилл, узнав, что погиб Антилох. Он любил его больше всех героев, после Патрокла он был его лучшим другом. Забыв обо всем, забыв о том, что и сам он должен погибнуть вслед за Мемноном, Ахилл бросился в бой.

Увидев приближающегося Ахилла, Мемнон бросил в него громадным камнем, но камень отскочил, ударившись о щит. Ахилл же ранил Мемнона копьем в плечо. Не обратил Мемнон внимания на рану. Обнажили мечи герои и бросились друг на друга. Они были равны друг другу силой, оба были сыновьями богинь, на том и другом сверкали доспехи, выкованные богом Гефестом.

С высокого Олимпа смотрели на этот поединок матери героев, богиня Эос и богиня Фетида. Они молили Зевса – каждая за своего сына. Взял Зевс золотые весы, положил на них жребий героев и взвесил их. Низко опустился жребий Мемнона: сулил ему рок пасть от рук Ахилла. Зарыдала богиня Эос: она должна была потерять нежно любимого сына.

Взмахнул своим тяжким копьем Ахилл и пронзил грудь Мемнону.

Темным облаком в знак печали покрылась богиня Эос. Послала она на поле битвы своих сыновей, богов ветра, и принесли они тело Мемнона на берега реки Эсеп (ныне Чаталдере, Турция). Там оплакали его нимфы и соорудили ему гробницу. Эфиопы же – воины Мемнона – были превращены богами в черных птиц. С тех пор каждый год прилетают они на берега Эсеп к гробнице Мемнона и там оплакивают своего царя...

Много веков спустя, проникнув в глубь Египта и увидев на берегах Нила огромные статуи фараона Аменхотепа, греки решили, что одна из этих статуй – окаменевший Мемнон. Видимо, в их восприятии египетское название священной постройки «менну» слилось с именем легендарного царя Мемнона. Но более всего греков поразило чудесное свойство одной из статуй: когда на нее падали лучи восходящего солнца, статуя издавала звуки, подобные звукам арфы, у которой обрывают струны. Так родилось предание о том, что когда Эос появляется на горизонте, ее сын Мемнон начинает стонать и жаловаться, и звуки его голоса, в котором не было ничего человеческого, до глубины души потрясали всех, кому приходилось их услышать...

Об этом феномене сообщали римские географы Страбон и Павсаний. Много лет спустя жалобы Мемнона захотели послушать император Адриан и его супруга Сабина (130 г.). Звуки, которые они слышали, потрясли их до глубины души.

Впоследствии император Септимий Север приказал восстановить верхнюю часть статуй с помощью песчаниковых плит, и тогда звук пропал. До сих пор нет еще достаточно ясного научного объяснения этому явлению, хотя в его былом существовании сомневаться не приходится.

Петра

Петра – один из самых необычных и странных городов Земли. О нем с восхищением писали Диодор Сицилийский, Эратосфен, Евсевий Кесарийский, Страбон, Птолемей. Здесь места хорошо известны по Библии. Неподалеку расположена гора Небо, на которой умер Моисей после того, как вывел из Египта еврейские племена в землю обетованную. Ближе к Петре тянется узкое и длинное ущелье Зик, стены которого поднимаются на высоту 100 м. Именно здесь Моисей ударом жезла извлек воду из скалы. Небольшая высохшая речка, в каньоне которой расположена Петра, носит сегодня название Вади-Муса – «река Моисея».

*** Дорога в Петру идет на юг от Мертвого моря, по направлению к Акабе, известному и единственному иорданскому курорту на Красном море. Когда-то здесь проходила легендарная дорога благовоний. Позднее на этой земле возникло государство Эдом, известное по Библии как заклятый враг Израиля. В эти времена и появилось на месте нынешней Петры первое укрепленное поселение, получившее название Села – «камень, скала». Позднее это имя было переведено на греческий язык – Петра («камень»).

На рубеже IV–III тысячелетий до н. э. в этих местах расселились племена арабов-набатеев, ранее кочевавших по Аравийской пустыне. Соприкоснувшись с эллинистическо-римским миром, бывшие кочевники проявили исключительные способности к восприятию и переработке культурных достижений. От арамейцев они переняли письменность, приспособив ее к своей фонетической системе, и на ее основе создали письмо, которое стало прототипом современной арабской письменности. А в окруженной отвесными скалами труднодоступной котловине набатеи основали свою столицу – Петру.

На протяжении более чем 500 лет набатеи терпеливо высекали храмы, мавзолеи и жилища в окружавших Петру розово-красных скалах. Попастъ в город можно было только по узкому ущелью, где сотня-другая хорошо вооруженных воинов могла бы сдержать натиск целой армии. Римляне, пытавшиеся завоевать царство набатеи, вначале потерпели крах: Петра оказалась неприступной. Знаменитый полководец Скавр, испытанный в многочисленных битвах и привыкший к победам, вынужден был снять осаду с Петры. Но скоро набатеи поняли, что для них выгоднее пойти на союз с римлянами. В I в. н. э. их царство фактически стало римским протекторатом, а при императоре Траяне оно было присоединено к римской провинции Аравия.

Землетрясение 363 г. разрушило большую часть Петры. Постепенно жители покинули ее, и долгое время в городе не бывал никто, кроме кочевников-бедуинов. В XII в. крестоносцы построили неподалеку от Петры крепость. После победы Салах-ад-дина над христианами ее жители были обращены в ислам.

Открытие Петры связано с именем швейцарского путешественника и исследователя Иоганна Людвиг Буркхардта. В 1812 г., переодевшись купцом, так, что на первый взгляд его никак нельзя было отличить от паломников-мусульман, он пробирался из Алеппо в Египет через Акабу. Недоверчивым бедуинам швейцарец представлялся как «шейх Ибрагим», паломник, возвращающийся из Иерусалима в Каир. По пути он неожиданно узнал, что знаменитая Петра, легендарный скальный город, который он

тщетно разыскивал долгие годы, расположена совсем близко...

Все началось с того, что неподалеку от селения Эль-Карак Буркхардт нашел несколько медных монет. На них по-гречески было написано «Петра». От местных жителей путешественник узнал, что в этих местах часто находят золотые и серебряные монеты. Ювелиры охотно покупают их.

Буркхардту было известно, что Петра располагалась в горном районе, среди высоких скал, до которых трудно добраться. Древние географы достаточно точно описывали местоположение города. Но ни по географическим, ни по историческим данным Эль-Карак никак не мог быть древней Петрой. И Буркхардт решил как можно тщательнее исследовать окрестные места – каждое поселение, каждую долину. Огромный город не мог бесследно исчезнуть с лица земли!

Поиски, сопряженные с немалыми трудностями и риском, привели Буркхардта в долину Вади-Муса. Еще в Сирии ему говорили, что в этой долине якобы таятся несметные богатства. Путешественника сопровождал лишь один проводник – бедуин. Верхом они пробирались через абсолютно пустынную местность, минуя заброшенные арабские деревни. В одной из них Буркхардт увидел несколько глыб мрамора, лежащих на дороге. Откуда они здесь?

Продолжая свое путешествие, оба всадника вступили на тропу, с обеих сторон стиснутую отвесными скалами. Ущелье становилось все уже и уже. Наконец расстояние между высокими, более чем 100-метровой высоты, отвесными скалами из красного песчаника сузилось до 2 м. Голубое небо виднелось только через узкий просвет. Луч солнца не заглядывал сюда. Ни кустика, ни травинки меж камней.

Примерно через 300 шагов ущелье расширилось и вышло к глубокому оврагу, отделявшему тропу от отвесного склона горы. На дне его струился мелководный ручей Вади-Муса. На берегах ручья Буркхардт заметил остатки каменной облицовки. А еще дальше – акведук, перекинутый между скалами, развалины, ниши, выдолбленные в скалах... В некоторых нишах сохранились постаменты для статуй.

Просвет между скалами увеличивался. Ошеломленный Буркхардт шел, не в силах оторваться от невероятного зрелища, которое разворачивалось перед ним: отвесные скалы все гуще и гуще покрывались рельефными украшениями, карнизами, низкими дверными проемами, и все это связывалось воедино, образуя огромный и таинственный ансамбль.

Неожиданно ущелье распахнулось. От яркого света Буркхардт на секунду зажмурился, а когда открыл глаза, то у него перехватило дыхание: прямо перед ним на фоне скалы возвышался древний храм. Огромный, изумительно стройный, таинственно мерцающий розовато-красным светом. Гармония и изящество пропорций, розовый цвет песчаника, из которого храм был сделан, и, наконец, его прекрасная сохранность – все было поразительно. Никому бы и в голову не пришло, что в этом Богом и людьми забытом месте скрывается великое творение великих мастеров!

Буркхардт, словно в фантастическом сне, двинулся к храму. Здесь его ждало еще одно потрясение: то, что он сначала принял за храм, было искусно высеченным прямо в скале двухъярусным фасадом высотой около 40 м. А самым храмом являлась скрывавшаяся за ним пещера – огромный

зал высотой в 8 м, вырубленный прямо в скале.

Монументальный и одновременно изящный фасад храма в изобилии украшали колонны, статуи и рельефные женские фигуры в развевающихся одеждах. На нижнем портике сиял солнечный диск с рогами коровы – символ египетской богини Исиды. На верху портиков виднелись скульптуры львов– охранителей. Внутри стены зала были гладкие, так же как и потолок, и лишь ту, на которой располагался вход, украшала резьба. Высеченные в скале галереи вели во внутренние палаты с колоннами. В каждой палате – колоссальные статуи. В полутьме Буркхардт рассмотрел фигуру женщины, сидящей на верблюде. А рядом – небольшие залы-усыпальницы...

«Что это?» – спросил изумленный Буркхардт проводника. «Это дворец фараона, который здесь жил когда-то. А потом все поумирали, и дворец превратили в гробницу в память о нем».

Выйдя из храма, они прошли еще шагов двести. Среди утесов появлялись все новые и новые высеченные в скалах храмы, дворцы и гробницы. Все фасады имели пирамидальную форму, но отличались чрезвычайно разнообразным декором. Иногда было трудно понять, где кончалась скала и начинался храм или дом.

Но вот скалы расступились, освобождая место для большого амфитеатра. Все его сиденья – а их не менее 3000 – были тоже высечены в скале. Арена посыпана гравием, и, если бы ветер не разметал его в разные стороны, можно было подумать, что лишь вчера на ней состоялось очередное представление. Судя по размерам, театр мог вмещать до 4000 зрителей.

Недалеко от театра – триумфальная арка, явно римских времен. Далее простиралась долина, густо усеянная развалинами домов, храмов, мавзолеев, горами камней, обломками колонн. Одних только гробниц Буркхардт насчитал не менее 250. И все они, судя по архитектуре, относились к различным историческим периодам.

Так была открыта Петра – легендарный скальный город. Сегодня это один из самых популярных туристических объектов Ближнего Востока. Тысячи людей приезжают сюда, чтобы воочию увидеть таинственный город народа набатеев, вышедшего из пустыни, осевшего здесь и за очень короткий промежуток времени создавшего поразительные произведения искусства.

Дорога в Петру и в наши дни осталась такой же сложной, как во времена Буркхардта. Знакомство с городом начинается с узкой тропы, к которой с двух сторон подступают отвесные скалы, словно смыкающиеся на высоте 100–150 м и образующие подобие тоннеля. Солнце не заглядывает в этот каньон; лишь синеющая полоска неба напоминает о том, что стоит ясный солнечный день. Через некоторое время скалы меняют оттенок, из коричневых превращаясь сначала в светло-коричневые, а затем в бурые и розово-красные. В полумраке глаза вдруг начинают различать довольно большие ниши для статуй. Чем дальше, тем больше ниш в скалах, причем иногда они уже расположены по две-три, а некоторые с обеих сторон обрамлены пилястрами.

Наконец ущелье вдруг расширяется, и в глаза ударяют особенно яркие после тьмы каньона лучи солнца. Невольно зажмуриваешься, а когда

открываешь глаза, трудно сдержать восхищенный возглас: перед вами – гармоничное, легкое, стройное и вместе с тем огромное здание, словно излучающее розовато-красный свет. Что это? Храм? Дворец? Кому он принадлежал?

Это – Эль-Хазне, знаменитый скальный храм-мавзолей, «Сокровищница фараона», как называют ее арабы. Мавзолей создан скорее всего во II в. – возможно, в связи с посещением Сирии императором Адрианом. Точное назначение сооружения до конца не выяснено. Есть предположение, что первоначально это был храм богини Исиды. Во всяком случае, многие черты памятника говорят о том, что его могли построить мастера, знакомые с приемами зодчества Александрии Египетской.

Мавзолей Эль-Хазне – пример величайшего мастерства древних архитекторов и камнерезов. Стоит задуматься о том, с помощью каких приемов они высекали фасад, на основании каких расчетов, каких предварительных проектов. Но ответов нет, и можно строить лишь предположения.

Огромная поверхность скалы была стесана. Но для этого следовало соорудить строительные леса, а деревьев в этой местности почти нет. При отсутствии лесов можно было, не стесывая сразу всю поверхность, воспользоваться неровностями скалы и идти по ней, как по ступеням. В этом случае и каменотес, и резчик начинали с самого верха, вырубая первую ступень, а затем спускались все ниже и ниже. Но как в этом случае они могли определять нужные масштабы сооружения? Ведь одно дело размечать будущую постройку и вырубать ее, стоя на строительных лесах, и совсем другое – делать то же самое, повиснув над пропастью. Во всяком случае, опыт и умение архитекторов и резчиков по камню, создавших этот великолепный скальный мавзолей, вызывают почтительное преклонение.

За мавзолеем ущелье расширяется, и взору открывается незабываемая панорама. Территория Петры занимает большую площадь. От центра, где хорошо сохранились руины многочисленных зданий, уже не скальных, а выстроенных традиционным способом, из камня, она простирается на несколько километров. В центре города располагались рынок, курия – здание городского совета – и жилые дома. Главная улица, протянувшаяся с востока на запад через весь город, была проложена во времена римского владычества. По обеим ее сторонам тянется величественная колоннада. Западный конец улицы упирался в большой храм, а восточный заканчивался трехпролетной триумфальной аркой.

Высокие скалы, окружающие плато, сверкают в косых лучах солнца всеми оттенками красного цвета. Громадная, высотой в несколько сот метров, отвесная стена украшена великолепными, богато декорированными фасадами скальных сооружений, некоторые из них имеют по несколько этажей. Вот Эд-Дейр, вырубленный в скале на вершине утеса монастырь – огромное здание шириной около 50 м и высотой более 45 м. Судя по вырезанным на стенах крестам, храм какое-то время служил христианской церковью. А неподалеку – высеченная в скалах копия трехэтажного римского дворца. Четыре ее двери ведут в пустые маленькие комнаты, назначение которых по-настоящему до сих пор неизвестно, хотя во всех туристских путеводителях это здание именуют Дворцовой усыпальницей. Далее еще одно сооружение, заметно выделяющееся своей

величественностью среди других высеченных в скалах зданий Петры, – Урновая усыпальница, которая, как гласит греческая надпись на стене, в 446 г. использовалась в качестве христианской церкви.

В отвесных скалах высечены и жилые помещения (иногда в несколько этажей), и могильные склепы, уходящие в глубь скал. Некоторые скальные помещения являлись храмами. Единственный сохранившийся в Петре не скальный, а «наземный» храм Каср эль-Бинт был построен в I в. до н. э. Он посвящен Великой богине-матери, или, как ее называют арабы, Аль-Уцца. Святилище представляло собой сооружение размерами 27 x 27 м, с четырехколонным портиком.

Скальных склепов с архитектурным оформлением фасадов сохранилось в Петре несколько сотен. Древнейшими из них (от IV в. до н. э.) являются более простые и небольшие по размеру фасады, увенчанные по карнизу зубцами. Для более поздних сооружений характерны сложнейшие фасадные композиции, среди которых выделяется мавзолей римского центуриона, скульптурное изображение которого установлено высоко на фасаде в нише, рядом со статуями его сыновей. Лучше всего сохранились каменные фасады трехъярусных «царских» усыпальниц. Из-за цветного узора на фасадах эти усыпальницы иногда называют шелковыми гробницами.

В сооружениях Петры нет двух одинаковых фасадов. Огромный многовековой опыт создания скальных гробниц, передававшийся из поколения в поколение, позволял строителям каждый раз создавать абсолютно оригинальное произведение. Nabateйские мастера легко восприняли античные формы и обогатили ими свои традиционные архитектурные приемы.

Петра – один из самых популярных туристических объектов Ближнего Востока. Тысячи людей приезжают сюда, чтобы воочию увидеть легендарный город народа набатеев, вышедшего из пустыни, осевшего здесь и за очень короткий промежуток времени создавшего поразительные произведения искусства.

Аксумские стелы

Название Эфиопии происходит от древнегреческого слова «айтьопс», или «эфьопс» – «люди с обожженными лицами». Так древние греки называли людей, живших на западном побережье Красного моря и на территории к югу от Египта. Другое распространенное название этой страны – Абиссиния. Оно возникло от наименования одного из аравийских племен – хабеш, переправившегося в Эфиопию через Красное море где-то до 500 г. до н. э. Слово «Аль-Хабаша» используется до сих пор арабами для обозначения Эфиопии.

* * * Средневековые эфиопские ученые полагали, что их страна была древнейшей цивилизованной страной на земле, что их предки заложили основы, на которых возникли все остальные цивилизации, в том числе египетская. Начало истории Эфиопии действительно теряется в глубине веков. О нем рассказывают только многочисленные легенды, в которых правда настолько переплетена с вымыслом, что отделить одно от другого практически невозможно. Пожалуй, только одно можно утверждать с полным правом – древняя столица Эфиопии, Аксум (по имени которой и всю страну часто именовали

Аксумом), некогда была центром одного из самых могущественных государств Древнего мира. Это было государство, которое оставило после себя величественные архитектурные памятники, которое создало огромный флот, покорило огромные территории и контролировало оба берега Красного моря.

О существовании Эфиопии было хорошо известно древним грекам и римлянам. Эта страна упоминается в «Естественной истории» Плиния Старшего и в «Географии» Помпония Мелы. Геродот часто упоминает о «долгоживущих айтиопес» и называет «самыми высокими, красивыми и очень справедливыми людьми». Арабский историк Мани, живший в III в. н. э., писал, что ему известны четыре великие империи: Вавилон, Рим, Египет и Аксум.

Главный город страны, Аксум, украшали дворцы и храмы, приводившие в восторг и изумление даже повидавших мир греческих и арабских путешественников. Тогда же появились в великой африканской столице и гигантские Аксумские стелы – одно из главных чудес Аксума и в то же время одна из самых больших его загадок...

На центральной площади Аксума, на небольшом холме, выложенном серыми плитами, высится колонна из светло-серого базальта высотой около 20 м и шириной 2 м. Она врыта прямо в землю. На его наружной стороне вырезаны ярусы фальшивых окон, внизу – «дверь» с замысловатым засовом. Сам обелиск со своими «окнами» и «дверями» очень напоминает небоскреб. Обелиск увенчивает древняя аксумская эмблема – диск и полумесяц.

Центральная стела окружена тремя конусообразными обелисками меньшего размера. Другие величественные колонны– стелы, высеченные из цельных базальтовых глыб, возвышаются в центре Аксума, в «парке стел», или лежат вдоль дороги, поверженные временем. Высота самой большой сохранившейся до наших дней стелы – 33,5 м. Есть стелы поменьше – от 21 до 5 м. На обелисках полностью отсутствуют какие-либо надписи, их предназначение неясно, но они производят огромное впечатление. Оккупировавшие в 1936–1941 гг. Эфиопию итальянцы, увидев стелы Аксума, были столь поражены, что отправили самый большой обелиск в Рим, где он сегодня и находится.

Всего в Аксуме сохранилось более 200 базальтовых монолитов, непохожих друг на друга: то изысканно-стройных, идеально отполированных и богато украшенных, то примитивных и грубых. В любом случае это итог колоссального, поистине титанического труда, продолжавшегося многие десятилетия.

Как и зачем создавались эти гигантские стелы?

«Наши предки умели плавить камень, – утверждают нынешние потомки древних жителей Аксума, – они разливали его в длинные деревянные формы, а когда камень остывал, обтесывали, полировали и превращали в гигантские стелы».

«Эти стелы делали люди-циклопы, которые населяли эфиопское нагорье задолго до того, как здесь появились наши прародители, – убеждены другие. – Великаны вырубали их из скал неподалеку от города и на собственных плечах переносили сюда, на площадь».

Нигде в мире, кроме Аксума, нет подобных каменных стел. Впрочем, некоторые традиции возведения таких памятников были у народов Южной Аравии, и прежде всего сабейцев. Бесспорно, что аксумиты поддерживали теснейшие контакты с сабейцами, чье огромное влияние на культуру Аксума никто не отрицает. Между тем именно в Южной Аравии было принято сооружать плоские обелиски из плохо обработанного камня над могилами павших воинов. Не отсюда ли берут свое начало Аксумские стелы?

Своими очертаниями основание крупнейшей из стел удивительно напоминает аксумские дворцы. Может быть, стелы – это своеобразный «дом мертвых», вариант эфиопской «пирамиды»?

В пользу этого предположения говорит открытие, сделанное в 1950-х гг. совместной французско-эфиопской археологической экспедицией. Ей удалось открыть гигантское по своим масштабам сооружение, на котором, как выяснилось, и стояли стелы. «Холм», из которого они вырастали, оказался увенчанным огромной, длиной в 115 м платформой, сложенной из обтесанных базальтовых плит. На склонах холма были сооружены три террасы, которые создавали иллюзию ступенчатого основания. Стало ясно, что стела – лишь верхняя, венчающая, часть поистине фантастического по своим размерам сооружения, скрытого под землей.

Почти все аксумские дворцы и крепости, храмы и жилые дома возводились на гигантских каменных плитах, которые, положенные одна на другую, создавали видимость массивного ступенчатого фундамента. Таким образом, стела – это «макет» аксумского дворца, «дом мертвых», поставленный на такое же ступенчатое основание, как и «дома живых». Стела передает в уменьшенном масштабе все детали древней аксумской архитектуры.

Это открытие дало серьезный повод предполагать, что стелы повторяют не только формы аксумских зданий, но и соответствуют высоте царских дворцов. Оказалось, что в Аксуме существовали настоящие «небоскребы» древнего мира – дворцы в 4, 6, 12 и 14 этажей, при этом высота 14-этажного дворца достигала около 40 м! На каком же уровне развития должно было находиться древнее эфиопское государство, чтобы организовать подобное строительство? И что могли представлять собой царские дворцы и храмы Аксума?

К сожалению, уже в XX в. было безвозвратно утрачено то, что могло вполне наглядно представить нам образ столицы древней Эфиопии. В 1938 г., во время агрессии Италии против Эфиопии, итальянские самолеты разбомбили руины храма Святой Марии – Такха-Марьям, находившегося неподалеку от парка Стел. Сохранились только общие описания этого великолепного сооружения. Скорее всего, в древние времена это был не храм, а дворец, роскошная резиденция владык Аксума, лишь много столетий спустя обращенная в храм.

Дворец стоял на каменной платформе размерами 120 x 80 м. В этом огромном здании было более 1000 залов и комнат. Полы покрывали зеленые и белые мраморные плиты, паркет из редких пород красного и розового дерева. Стены были облицованы панелями из полированного эбенового дерева и темным мрамором, на фоне которого рельефно

выделялись инкрустации из позолоченной бронзы. Резные косяки дверей и наличники окон, бронзовая скульптура и керамика, покрытая глазурью и расписанная замысловатым орнаментом, украшали интерьер. Здание увенчивали бронзовые изваяния единорогов.

По богатству убранства дворец правителей Аксума не имеет себе равных в тропической Африке. Причем, судя по остаткам фундаментов, Такха-Марьям был отнюдь не самым грандиозным дворцом Аксума и, вероятно, еще не самым богатым.

Воссоздать облик величественного архитектурного ансамбля, каким являлась древняя столица Эфиопии, сегодня в полной мере уже вряд ли удастся. Но бесспорным остается огромный вклад, который внесен Аксумом в культуру Древнего мира.

Храм Соломона в Иерусалиме

На вершине горы Синай Бог дал Моисею десять заповедей и Закон своему народу. А символом присутствия Бога среди людей отныне должен был служить ковчег Завета – окованный золотом ларь из акациевого дерева, украшенный двумя золочеными фигурами крылатых херувимов, в котором хранились золотой сосуд с манной небесной, жезл Аарона и скрижали с Божьими заповедями.

Для хранения ковчега по повелению Бога была сооружена скиния – специальный шатер, ставший «образом и тенью небесного». Скиния стала первым на Земле храмом единого Бога.

* * * Из пустынь Синая ковчег Завета был принесен евреями в землю обетованную. Благодаря исходявшим от него сверхъестественным проявлениям народ Израиля был непобедим. Сила ковчега осушила реку Иордан, вызвала мор среди филистимлян.

400 лет Израиль пользовался скинией как местом пребывания Бога среди них. Мысль построить вместо нее храм принадлежала царю Давиду. Однако Бог не пожелал, чтобы Давид строил храм: «ты пролил много крови и вел большие войны; ты не должен строить дома имени Моему» (1 Пар. 22—8). Намерение Давида осуществил его преемник, царь Соломон.

Хотя Бог отклонил намерение Давида строить храм, все же во время своего царствования Давид собрал огромный запас золота, серебра и разнообразных строительных материалов («и множество железа для гвоздей к дверям ворот и для связей, и множество меди без весу») и разработал планы будущей постройки. Как свидетельствует Библия, сам Бог указал, каким должен быть этот храм, и дал «все сие в письмени от Господа» (1 Пар. 28—19; Исх. 25—9). Дом, который следовало выстроить для Господа, должен был быть «весьма величествен, на славу и украшение пред всеми землями» (1 Пар. 22—5).

Строительство храма началось в 969 г. до н. э. в правление царя Соломона. Местом для него была избрана вершина горы Мориа в Иерусалиме. Работы продолжались семь лет. В постройке храма принимали участие 30 тысяч израильтян и 150 тысяч хананеев. Весь строительный материал готовился заранее и доставлялся к месту постройки, где работы велись в тишине, которую не нарушал ни один звук: «ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в храме при строении его» (3 Цар. 6—7).

Храм был построен из больших отесанных камней и кедровых балок. Внутри стены были отделаны золотом и резными панелями из ливанского кедра, полученного в дар от тирского царя Хирама. Соломон вовсе не стремился к тому, чтобы воздвигнуть нечто гигантское и невообразимое, в духе египетских фараонов. Его храм служил скорее святилищем, чем местом для массовых богослужений. Он был построен по планам прежней скинии, но с увеличенным в два раза масштабом. Длина храма составляла 27,5 м, ширина – 9 м и высота – 14 м.

Храм был обращен лицом на восток. Западную его часть протяженностью 9 м составляла Святая Святых, отделенная от остальной части храма завесой. К восточной стороне здания примыкал притвор, одинаковой ширины с храмом и длиной 4,5 м. По обеим его сторонам стояли два медных столба, каждый 1,8 м в диаметре и свыше 10 м высотой. На северной, южной и западной сторонах к стенам храма были сделаны пристройки в три яруса, которые служили комнатами для священников.

Храм был окружен «большим двором» и «внутренним двором». Возможно, что в «большом дворе» находились царские палаты. Перед храмом стоял медный жертвенник высотой 4,5 м. Он отмечал то самое место, где Авраам некогда готовился принести в жертву своего сына Исаака. Сегодня здесь высится мечеть Купол Скалы. Неподалеку от жертвенника стояла медная умывальница – «море литое», предназначавшаяся для омовения священников во время жертвоприношений. Диаметр 4,5 м и глубиной 2,4 м, она опиралась на 12 медных быков. Кроме этой большой умывальницы, было еще 10 меньших для омовения жертвоприношений – пять на северной и пять на южной стороне.

В 976 г. до н. э. Соломон торжественно перенес ковчег Завета в святая святых построенного им Иерусалимского храма. Золотые цепи ограждали реликвию, многочисленная золотая утварь таинственно мерцала в полумраке. Возле завесы стоял золотой жертвенник, пять золотых светильников и пять столов с хлебами предложения были установлены на северной и столько же – на южной стороне.

Храм Соломона стал славой Израильского царства. Подсчитано, что стоимость золота, серебра и других материалов, использованных при его постройке, в пересчете на современные деньги составила от 2 до 5 млн долларов. В то время это была самая дорогая постройка в мире. Золото Иерусалимского храма стало объектом зависти других царей Востока.

Соломонов храм простоял около 400 лет. Уже спустя пять лет после смерти Соломона он был разграблен, а в 587 г. до н. э. его разрушил вавилонский царь Навуходоносор. Однако ковчег Завета не упоминается в числе реликвий и сокровищ, захваченных в храме Соломона. Судьба его так и осталась неизвестной.

Оставшихся в живых после захвата Иерусалима жителей Навуходоносор отправил на берега Евфрата, «на реки вавилонские». Когда Вавилон пал под натиском персов, царь Кир II вернул евреев на родину и повелел возвести в Иерусалиме новый храм. Было приказано вернуть золотую и серебряную утварь и другие ценности, похищенные Навуходоносором.

Второй Иерусалимский храм, или храм Зоровавеля, называемый так по имени его строителя, возведенный после возвращения израильтян из вавилонского плена, простоял 500 лет (520—20 гг. до н. э.). Селевкидский царь Антиох IV (175—163 гг. до н. э.) повелел установить в этом храме статую Зевса и был искренне удивлен, почему весь город решительно выступил против «высокой греческой культуры», таким своеобразным способом насаждаемой. Результатом стали массовые восстания и последовавшая за ними 25-летняя Маккавейская война, в результате которой Израиль ненадолго снова обрел политическую независимость.

В 63 г. до н. э. к стенам Иерусалима подошла армия римского полководца Гнея Помпея. После трехмесячной осады римляне вошли в город. Ворвавшиеся в храм воины с удивлением увидели, что священники продолжают совершать богослужение, невзирая на смертельную опасность. И все время, пока продолжались последние бои, духовенство не покидало святыни и погибло вместе с последними защитниками храма.

Влекомый любопытством, Помпей захотел осмотреть знаменитый храм: ведь о религии иудеев ходило столько всевозможных легенд! Говорили, например, что в скрытом завесой «дебире» – святая святых храма – хранится золотое изображение ослиной головы. Другие рассказывали, что там держат людей для жертвоприношений. И каково же было изумление Помпея и его воинов, когда завеса отодвинулась, и там вместо привычных язычникам идолов оказалась... пустота!

На рубеже нашей эры царь Ирод Великий построил на горе Мориа новый храм. Однако, прежде чем начать строительство, он должен был разрушить старый храм Зоровавеля, что могло вызвать возмущение народа. Тогда Ирод собрал тысячу священнослужителей (левитов), обученных строительному делу. Они разобрали древний храм и начали строить новый с помощью 18 тысяч подручных-каменщиков.

Строительство нового храма началось в 20 г. до н. э. и продолжалось 83 года. Это было поистине великолепное сооружение. Как писал Иосиф Флавий, при восходе солнца храм блистал так ярко, отражая солнечные лучи, что никто не мог смотреть на него, а издали он выглядел как сверкающая снегами горная вершина. Террасы храма были сложены из огромных, тщательно подогнанных гранитных глыб до 20 м в длину. Местами они образовывали сплошную стену высотой около 150 м. Эта стена заканчивалась двойной колоннадой, окружавшей «Двор для язычников», из которого по девяти лестницам можно было подняться к девяти золотым и серебряным воротам. Они вели во Двор для женщин и Двор для израильтян. Над ними располагался «Двор для священников», а еще выше поднимался 50-метровый фасад храма.

Все сооружения были украшены белым мрамором и золотом, и даже шипы на крыше храма, устроенные для того, чтобы голуби не садились на нее, были золотыми.

Этот роскошный храм просуществовал всего шесть лет: в 70 г. римляне полностью разрушили город. Сегодня единственным остатком Иерусалимского храма является знаменитая Стена плача. Протяженностью 156 м и высотой 56 м, она представляет собой фрагмент ограды храма, построенной во времена Ирода. Стена сложена из огромных каменных монолитов, среди которых встречаются глыбы высотой 5 м и более. По

установившейся традиции, к Стене плача по субботам приходят евреи; припав к древним камням, они молятся о прощении грехов и скорбят о разрушенном храме. Впрочем, по библейской традиции главный храм – это все-таки тот, который человек строит в своем сердце.

Вавилонская башня

«И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню высотой до небес; и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли» (Быт. 11:3–4). Одно время считалось хорошим тоном скептически относиться к этому и всем прочим текстам Библии. Однако открытия археологов и сообщения древних авторов неопровержимо свидетельствуют: Вавилонская башня существовала!

* * *

Время правления царя

Навуходоносора II (604–562 гг. до н. э.) было периодом наивысшего расцвета Нововавилонского царства. Царь Вавилона победил египтян, разрушил Иерусалим и полонил евреев, окружил себя беспримерной даже в те времена роскошью и превратил свою столицу в неприступную твердыню. Он строил Вавилон на протяжении всех 43 лет своего правления. При нем началась реконструкция храмов Эмах, Нинурты и богини Иштар. Он обновил стены канала Арахту, построил деревянный мост на каменных опорах через Евфрат и канал Либил-хигалла, отстроил южную часть города с ее роскошными дворцами, перестроил и украсил храмовый комплекс Мардука, верховного бога Вавилона – Эсагилу.

О своих работах Навуходоносор оставил памятный текст, записанный клинописью на глиняном цилиндре. В нем подробно перечислены восстановленные и сооруженные заново храмы, дворцы, крепостные стены:

«Я окружил Вавилон с востока мощной стеной, я вырыл ров и укрепил его склоны с помощью асфальта и обожженного кирпича. У основания рва я воздвиг высокую и крепкую стену. Я сделал широкие ворота из кедрового дерева и обил их медными пластинами. Для того чтобы враги, замыслившие недоброе, не могли проникнуть в пределы Вавилона с флангов, я окружил его мощными, как морские волны, водами. Преодолеть их было так же трудно, как настоящее море. Чтобы предотвратить прорыв с этой стороны, я воздвиг на берегу вал и облицевал его обожженным кирпичом. Я тщательно укрепил бастионы и превратил город Вавилон в крепость».

В этом же тексте сообщается о строительстве в Вавилоне зиккурата – той самой Вавилонской башни, сооружение которой, по сообщению Библии, не было завершено из-за того, что ее строители говорили на разных языках и не могли понять друг друга.

О том, что Вавилонская башня (ее называли «Этеменанки» – «Дом краеугольного камня неба и земли») действительно существовала, свидетельствуют раскопки археологов: был обнаружен ее гигантский фундамент. Она представляла собой традиционный для Двуречья зиккурат, башню при главном городском храме – Эсагиле. Как установили ученые, на всем протяжении бурной истории Вавилона башню неоднократно разрушали, но каждый раз ее восстанавливали и украшали заново.

Один из самых первых зиккуратов был сооружен на этом месте еще до эпохи великого царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.), и еще до Хаммурапи он был разрушен. На смену ему пришла другая башня, также разрушившаяся со временем. Сохранилась надпись царя Набупалассара, в которой говорится: «Мардук повелел мне башню Этеменанки, которая до меня ослаблена была и доведена до падения, воздвигнуть, фундамент ее установив на груди подземного мира, а вершина ее чтобы уходила в поднебесье». А его преемник Навуходоносор добавляет: «Я приложил руку к тому, чтобы достроить вершину Этеменанки так, чтобы поспорить она могла с небом».

Грандиозный вавилонский зиккурат, построенный ассирийским зодчим Арадахдешу, располагался на священном участке земли в юго-западном углу Эсагилы. Он имел семь ярусов. Диаметр основания составлял 90 м, высота – около 100 м.

Зиккурат увенчивался святилищем, облицованным сверкающими на солнце голубовато-лиловыми глазурованными кирпичами. Оно было посвящено главному вавилонскому богу Мардуку и его супруге, богине утренней зари. Здесь стояли только позолоченные ложе и стол, где Мардук вкушал принесенные ему подношения (как известно, все знатные люди на Востоке, а также греческая и римская знать возлежали во время принятия пищи). Святилище увенчивали золоченые рога – символ верховного вавилонского божества.

Стоявшая в Нижнем храме, расположенном у основания зиккурата, статуя бога Мардука была отлита из чистого золота и весила почти 2,5 т. Жители Вавилона говорили Геродоту, что сам Мардук посещает зиккурат и поживает в нем. «Но мне, – пишет рассудительный историк, – это представляется весьма сомнительным...»

На строительство Этеменанки ушло 85 миллионов кирпичей. Колоссальный массив башни возвышался посреди горделивых храмов и дворцов Вавилона. Ее белые стены, бронзовые ворота, грозная крепостная стена с целым лесом башен – все это должно было производить впечатление мощи, величия, богатства. Геродот видел это святилище в 458 г. до н. э., т. е. примерно через полтора столетия после сооружения зиккурата; в ту пору оно еще, несомненно, было в хорошем состоянии.

С вершины Этеменанки была хорошо видна почти такая же башня Эуриминанки, храм бога Набу в соседнем городе Барсиппе. Ее руины, скрытые под холмом Бирс-Нимруд, долгое время принимали за развалины Вавилонской башни. Дело в том, что комплекс Эсагилы с башней Этеменанки к середине IV в. до н. э. обветшал, и Александр Македонский, избравший Вавилон своей столицей, приказал разобрать его и возвести заново. Однако внезапная смерть Александра в 323 г. до н. э. помешала осуществиться этим планам. Лишь в 275 г. царь Антиох I Сотер восстановил Эсагилу, но башня Этеменанки так и не была отстроена заново. При раскопках археологи нашли только ее основание. Тогда и было окончательно установлено, где же в действительности находилась Вавилонская башня.

Сады Семирамиды

«Висячие сады» Вавилона, создание которых приписывалось полумифической царице Семирамиде, почитались греками как одно из семи чудес света. Сегодня ученые склонны полагать, что сады все-таки следует связывать с именем царя Навуходоносора II, правившего Вавилоном в 604–562 гг. до н. э. и прославившегося как неутомимый строитель.

* * *

В 1899 г. немецкий археолог Роберт Кольдевей начал раскопки легендарного Вавилона. В один прекрасный день в южной части города он наткнулся на остатки весьма своеобразного, совершенно необычного сводчатого сооружения. Кольдевей был озадачен. Во-первых, за все время раскопок в Вавилоне он впервые встретил подземные сооружения, во-вторых, в Двуречье еще никому не приходилось встречаться с подобной формой сводов; в-третьих, здесь был колодец, состоявший из трех совершенно необычных шахт. Наконец, в-четвертых, свод был выложен не только кирпичом, но и камнем, причем таким камнем, какой до того встретился Кольдевею среди руин Вавилона лишь один раз – у северной стены района Каср.

Совокупность всех деталей позволяла увидеть в этом сооружении на редкость удачную для того времени конструкцию как с точки зрения техники, так и с точки зрения архитектуры. Очевидно, сооружение это предназначалось для каких-то совершенно особых целей. Кольдевей предположил, что перед ним остатки водоразборного колодца с ленточным водоподъемником, который в свое время предназначался для непрерывной подачи воды. Но куда поступала эта вода?

И тут Кольдевею осенило! Он вспомнил, что все древние источники – начиная с произведений античных писателей Иосифа Флавия, Диодора, Ктесия, Страбона и кончая клинописными табличками – содержат лишь два упоминания о применении камня в Вавилоне: при постройке северной стены района Каср и... при создании знаменитых «висячих садов» Семирамиды!

Так перед археологами открылись остатки этих великолепных садов, которые прославились на века и вошли в число семи чудес Древнего мира.

Надо сказать, что почти все наши сведения о легендарной Семирамиде весьма недостоверны и спорны. Мы обязаны им в основном греку Ктесию, лейб-медику персидского царя Артаксеркса II – свидетелю весьма ненадежному, известному своей бурной фантазией. Так, колоссальное изображение персидского царя Дария в Бехистуне, по утверждению Ктесия, является изображением Семирамиды, окруженной сотней телохранителей!

В многочисленных легендах Семирамида предстает как храбрая воительница, обладающая большим художественным вкусом строительница, в отношениях с мужчинами – одновременно жестокая и слишком ласковая.

В Сирии и Финикии рассказывали, что Семирамида была дочерью лунной богини-русалки Атаргатис, родившейся от связи с человеком. К досаде богини, ее дочь родилась в нормальном человеческом облике, без русалочьего рыбьего хвоста. Раздосадованная Атаргатис убила своего возлюбленного и целиком превратилась в рыбу.

Согласно сообщению Диодора Сицилийского, Семирамида была покинута своими родителями и вскормлена голубями. Впоследствии она вышла замуж за одного придворного, у которого ее и отобрал царь. Она носила такую одежду, что «нельзя было понять, мужчина она или женщина». После того как Семирамида передала престол своему сыну, она обратилась в голубя и улетела из дворца.

Семирамидой легендарную царицу называли греки, а настоящее ее имя было Шаммурамат. Она жила около 800 г. до н. э. Возможно, она была вавилонской принцессой. После смерти своего мужа, царя Ассирии Шамши-Адада V, она взяла власть в свои руки и правила до тех пор, пока ее сын Адад-Нерари III не достиг совершеннолетия. Во время ее правления государство укрепилось, а благодаря завоеванию Мидии его границы достигли Каспийского моря. Даже после того как ее сын взойшел на трон, она сохранила за собой титул царицы и ее имя упоминали в документах и высекали на памятниках рядом с именем правящего царя.

Имя Семирамиды связывают со знаменитыми «висячими садами» Вавилона. Однако, согласно другим, более надежным сведениям, «висячие сады» были подарены Навуходоносором II своей жене Амитис (Амитиде), дочери мидийского царя, и произошло это спустя 200 лет после смерти Семирамиды.

Это было высокое четырехъярусное сооружение с прохладными покоем на террасах, засаженных цветами, кустами и деревьями, орошавшихся при помощи огромного водоподъемного колеса, которое вращали рабы. Своды каждого из четырех ярусов опирались на колонны высотой 25 м. Остатки этих сводов обнаружил столетия спустя Кольдевей. Террасы, выложенные плоскими каменными плитами, были застланы камышом и залиты асфальтом. Поверх был насыпан толстый слой земли, достаточный для того, чтобы здесь могли расти не только цветы и кусты, но и большие деревья. Внутри сооружения была устроена удивительная для тех времен водоподводящая система.

Прообразом «висячих садов» послужили ступенчатые зиккураты Месопотамии, включая знаменитую Вавилонскую башню. Ведь их террасы-уступы тоже нередко озеленяли с помощью искусственных насаждений. Однако в садах Навуходоносора эта техника достигла наивысшего совершенства.

Царь Навуходоносор строил свою столицу на протяжении всех 43 лет своего правления. Улицы Вавилона, торжественная Дорога процессий, дворцы и 53 храма поражали своим сказочным величием. Подробные описания города, построенного Навуходоносором, оставили Геродот и Ктесий. Изумленный Геродот сообщает, что две оборонительные стены Вавилона с многочисленными башнями – внешняя и внутренняя – были столь широки, что по ним могли свободно разъехаться две колесницы, запряженные четверкой лошадей. Через каждые 50 м вдоль стен стояли сторожевые башни. На внутренней стене их было 360, на внешней – 250. Это было самое грандиозное из всех когда-либо существовавших на свете городских укреплений. Неудивительно, что в первоначальном списке семи чудес света стены Вавилона заняли почетное второе место – после египетских пирамид. Однако построенный вскоре Фаросский маяк в

Александрии затмил собой город царя Навуходоносора, и стены Вавилона из списка семи чудес были исключены. А сады Семирамиды – остались. Несомненно, очень красивые, несомненно, поражающие воображение, эти сады были своего рода чудом техники того времени, но не больше, и вряд ли их можно сравнивать с другими постройками в том же Вавилоне, которые Геродот, однако, к «чудесам света» не отнес.

Врата Иштар и Дорога процессий в Вавилоне

Во времена Навуходоносора Вавилон имел семь ворот, носящих имена главных богов страны. Особенно красивы были Врата богини Иштар, служившие началом знаменитой «Дороги процессий», ведущей к Эсагиле с ее «Вавилонской башней». Они и поныне вместе с остатками двенадцатиметровых стен представляют собой самое примечательное из всего того, что сохранилось от древнего Вавилона.

* * * «Айбур-Шабу, улицу в Вавилоне, я для процессии великого господина Мардука снабдил высокой насыпью и с помощью камней из Турминабанды и Шаду сделал Айбур-Шабу от ворот Иллу до Иштарсаки-пат-тебиша пригодной для процессий его божества; соединил ее с той частью, которую построил мой отец, и сделал дорогу великолепной», – сообщает в одном из клинописных текстов царь Навуходоносор.

Знаменитая Дорога процессий («Айбур-Шаба») в Вавилоне действительно была самой великолепной дорогой в Древнем мире. Ведь она была сооружена не для перевозок грузов и передвижения людей – по ней в свое святилище Эсагилу раз в год шествовал сам великий бог Мардук. А брала свое начало Дорога процессий от знаменитых Врат богини Иштар, чье голубовато-синее майоликовое убранство ослепительно сверкало в лучах горячего солнца.

Богиня Иштар, которой были посвящены врата, в вавилонском пантеоне являлась покровительницей любви и красоты. Ее отождествляли с планетой Венерой и считали супругой Мардука. У разных народов Месопотамии в разные времена она была известна под именами Бэлит – «Госпожа», Царпаниту, Анунит, Нанна, Иннина. Культ Нанны-Иштар зародился еще во времена шумеров, в г. Уруке, небесной покровительницей которого она являлась. Урук был одним из семи главных городов Вавилонии, и семерка богов-покровителей этих городов воплощала собой единство страны. Каждому из этих богов были посвящены одни из ворот Вавилона. Самые главные, парадные, ворота были посвящены богине Иштар: ведь она была супругой Мардука, и именно от этих ворот солнечный бог начинал свое шествие в свое обиталище на земле – Эсагилу.

Ворота Иштар были двойными: внутренние, главные, ворота были в два раза больше наружных. Сводчатый вход защищали две высокие, массивные, квадратные в плане башни– бастионы, облицованные глазурованным кирпичом. На синем блестящем фоне четко выделялись 575 цветных рельефов с изображениями священных животных: идущих быков – белых с желтой гривой и желтых с красной гривой, а также загадочных зверей «сирруш» – полужмей-полуптиц с лапами льва, раздвоенным языком, с рогом на плоской голове и телом, покрытым чешуей.

Уже перед воротами брала свое начало торжественная Дорога процессий. В черте города ее продолжением служил проспект Айбур-Шаба.

Ежегодно в канун Нового года здесь устраивались многолюдные процессии с золотой статуей Мардука, возглавлявшиеся жрецами Эсагилы. Картина эта, вероятно, была необычайно красочна.

Дорога была вымощена квадратными плитами из розового камня размерами метр на метр, а по обочинам – плитами белого ливанского известняка, которые лежали на кирпичном настиле, покрытом слоем асфальта. Края плит украшала инкрустация из красного камня, а все стыки между плитами были залиты асфальтом. На внутренней стороне каждой плиты была высечена надпись: «Я – Навуходоносор, царь Вавилона, сын Набополасара, царя Вавилона, вавилонскую улицу замостил для процессии великого господина Мардука каменными плитами из Шадуг. Мардук, господин, даруй нам вечную жизнь».

Ширина улицы составляла 23 м. На всем ее протяжении с обеих сторон тянулись семиметровые крепостные стены, выложенные из голубого глазурованного кирпича. С обеих сторон на шествующих взирали 120 львов в угрожающих позах, с развевающимися желто-красными гривами и оскаленными пастьми. Эти рельефные изображения украшали стены через каждые два метра.

Былое величие парадных ворот и главной дороги Вавилона было сполна оценено после того, как немецкими учеными среди развалин города были найдены целые горы кирпичей, покрытые цветной эмалью. Штуку за штукой извлекали их археологи из недр, отсортировывали и пересчитывали. Около 100 тысяч обломков ворот Иштар на речных судах были отправлены в Басру. Там их перегружали на пароход и через Персидский залив отправляли в Гамбург. Путешествие ящиков с кирпичами заканчивалось в Переднеазиатском музее в Берлине.

Здесь после многолетней работы с использованием подлинных кирпичей из Вавилона были в натуральную величину воссозданы изумительные ворота Иштар, досконально повторяющие первоначальный облик этого сооружения. Здесь же сегодня можно видеть восстановленную часть «Дороги процессий» в том виде, как она когда-то выглядела: окруженная стенами из голубого глазурованного кирпича, с которых глядят изображения хищных львов. Стоящие в огромном зале музея, они сегодня служат объектом паломничества туристов. А развалины «настоящих» ворот еще и сегодня на 12 м возвышаются над руинами Вавилона. Вместе с остатками стен они представляют собой самое примечательное из всего того, что сохранилось от величайшего города древности.

Храм Артемиды Эфесской

Тому, кто попадет в Эфес, может показаться удивительным, что в античные времена он считался одним из крупнейших портовых городов. Сегодня море отступило от его стен на несколько километров. А около 5000 лет назад это место привлекло к себе карийцев, основателей Эфеса, именно потому, что располагалось на берегу удобной бухты.

Уступив в XII в. до н. э. это место грекам-ионийцам, карийцы оставили в память о себе древний культ богини плодородия Кибелы – Великой богини, Матери-Земли. Культ карийской богини постепенно слился с культом греческой Артемиды – покровительницы дикой природы и охоты. В честь Артемиды, дочери Зевса, вечной девственницы и защитницы матерей, жители Эфеса возводили свои жертвенники и храмы.

* * *

По преданию, Артемида была сестрой-близнецом Аполлона. По верованиям древних греков, Артемида заботилась обо всем, что живет на земле и растет в лесу и на поле. Она опекала диких зверей, стада домашнего скота, она вызывает рост трав, цветов и деревьев. Не оставляла Артемида своим вниманием и людей – она давала счастье в браке и благословляла рождение детей. Греческие женщины традиционно приносили жертвы Артемиде – покровительнице чадородия.

В честь Артемиды жители Эфеса построили близ города, на месте, где прежде располагалось святилище карийской богини плодородия, огромный храм, ставший одним из семи чудес Древнего мира. Средства на строительство пожертвовал знаменитый богач, лидийский царь Крез. Проект храма разработал архитектор Харсифрон из Кносса. При нем были возведены стены храма и установлена колоннада. После смерти зодчего строительство продолжил его сын Метаген, а заканчивали постройку уже архитекторы Пеонит и Деметрий.

В 550 г. до н. э., когда законченное постройкой огромное беломраморное здание открывалось перед взорами горожан, оно вызывало удивление и восхищение. К сожалению, нам неизвестно, как именно был украшен храм. Известно только, что в создании скульптурного убранства храма принимали участие лучшие мастера греческого мира, а статуя богини Артемиды была сделана из золота и слоновой кости.

Когда во время археологических раскопок был обнаружен фундамент храма, появилась возможность более или менее точно восстановить облик всего сооружения. Святилище Артемиды составляло в длину 105 м, в ширину 51 м. Крышу храма поддерживали 127 колонн 18-метровой высоты, установленные в восемь рядов. По преданию, каждая из этих колонн была даром одного из 127 греческих царей.

Храм Артемиды использовался не только для проведения религиозных церемоний. Он был одновременно финансовым и деловым центром Эфеса. Храм был полностью независим от городских властей и управлялся коллегией жрецов.

Согласно легенде, в 356 г. до н. э., в ночь, когда в Пелле, в столице Македонии, родился будущий Александр Великий, некий тщеславный гражданин Эфеса по имени Герострат поджег великий храм, желая таким образом прославиться. Имя Герострата с тех пор стало нарицательным и все-таки вошло в историю, хотя по решению городского собрания оно должно было навечно исчезнуть из памяти людской. В официальных списках о нем говорится просто как об «одном безумце».

К началу III в. до н. э. храм был полностью восстановлен в прежнем виде. Во время нападения готов в III в. н. э. он был разграблен и частично разрушен, а во времена византийского императора Феодосии I, когда в 391–392 гг. н. э. были запрещены все языческие культы, храм Артемиды в Эфесе закрыли. Постепенно его стали разбирать на части и использовать как источник строительных материалов для новых построек, в результате чего храм исчез с лица земли. Сейчас на месте этого «чуда света» высится одна-единственная колонна.

Персеполь

В 1767 г. вернувшийся из семилетнего путешествия по странам Передней Азии ганноверец Карстен Нибур, состоявший на службе у датского короля Фредерика I, привез в Европу множество сенсационных по тем временам сведений «о древностях Аравии и других прилегающих к ней стран». В их числе были копии клинописных текстов, обнаруженные в 70 милях северо-восточнее Шираза. Здесь находились гигантские развалины города, в котором Нибур опознал Персеполь – знаменитую столицу Персидской державы, сожженную Александром Македонским.

*** 36 лет правил Персией «царь царей» Дарий I из династии Ахеменидов. В 500-х гг. до н. э. его власть достигла апогея. Персидское царство утвердилось в Передней Азии и распространилось далеко за ее пределы. Вавилония, Ассирия, Малая Азия, Египет, Мидия, Армения, Сирия и Средняя Азия вошли в его состав. Пик славы ахеменидского Ирана был кратковременным (539–330 гг. до н. э.), но грозным и блистательным.

Около 515 г. до н. э. по повелению Дария I на плоскогорье Мерв-Дашт, у подножия горы Кух-и Рахмат (гора Милосердия) была заложена новая столица страны – Парса, или, как ее называли греки, Персеполь – «город персов», призванная символизировать мощь и блеск огромной державы Ахеменидов. По имени этого города сначала греки, а затем и весь мир стали именовать Иран Персией – до тех пор, пока в 1936 г. иранское правительство не обратилось ко всем странам с просьбой называть страну Ираном. В Средние века руины Персеполя назывались Тахт-и Джемшид – «Трон Джемшида», по имени мифического героя иранского эпоса.

Более полувека строился город. Ежегодно здесь трудилось более 3000 человек, в том числе сотни военнопленных. Со всех концов огромной империи – Вавилона, Малой Азии, Египта и Мидии – в Персеполь были свезены лучшие каменотесы, кирпичники, скульпторы, резчики. В результате столица Персии затмила своим размахом и роскошью все, что было создано в былые века в других странах Востока.

Постройки Персеполя занимали территорию в 135 тыс. кв. м. С трех сторон город окружала двойная крепостная стена (с четвертой стороны высилась неприступная горная скала), за которой располагались резиденция царя, многочисленные парадные и хозяйственные помещения, казармы гвардии «бессмертных», конюшни. Все эти постройки были возведены на гигантской искусственной террасе размерами 500 x 300 м, облицованной громадными блоками, которая возвышается над окружающей равниной на 13 м.

Оборонительные стены Персеполя имели толщину 4,5–5,5 м и высоту от 11,5 до 15 м. Попасть в город можно было по широкой парадной лестнице из двух маршей в 111 ступеней, сложенных из массивных блоков белого известняка. Лестница вела к «Вратам всех стран» («пропилеям Ксеркса»), украшенным изображениями четырех колоссальных человеко-быков, над головами которых надписи на древнеперсидском, эламском и вавилонском языках сообщали о царях-строителях Персеполя – Дарии и Ксерксе. В юго-западном углу террасы располагался другой вход – служебный, по которому доставляли животных, продукты и т. д.

Центральное сооружение Персеполя – его знаменитая «ападана». Такое название получило оригинальное творение персидских зодчих: многоколонный парадный зал с целым лесом легких, стройных колонн, увенчанных тяжелыми капителями в виде бычьих фигур.

Ападану в Персеполе, которая стала одним из самых величественных зданий Древнего мира, начали сооружать в 492 г. до н. э. при Дарии I, а завершена она была лишь в 481 г. до н. э. уже при Ксерксе I. Впоследствии в фундаменте здания археологи нашли два каменных ящика с золотой и серебряной закладными табличками весом по 9,6 кг каждая, на которых на трех языках начертаны клинописные надписи. Эти тексты свидетельствуют, что здание было заложено Дарием, хотя в надписях на лестнице ападаны ее сооружение приписывается Ксерксу. В надписях на глазурованных кирпичах, украшающих внешнюю стену ападаны, Ксеркс заявляет, что он завершил работу, начатую отцом.

Ападана, толстые стены которой были сооружены из кирпича-сырца, представляла собой огромный квадратный зал размером 60 x 60 м (3600 кв. м). Римский историк и географ Страбон пишет, что на роскошных обедах здесь пировало по 15 тысяч человек, для которых резали тысячу голов рогатого скота. В зал вели деревянные, обшитые золотом входные двери (во время раскопок был найден кусок золотой пластинки, содранной с одной из них). С трех сторон ападану окружали 12-колонные портики, по углам возвышались массивные четырехугольные башни с лестницами, которые вели на крышу. Потолок зала и портиков поддерживали 72 тонкие и изящные каменные колонны высотой более 20 м. До нашего времени от этого «леса колонн» уцелело лишь 13.

Пол ападаны был поднят на 4 м выше уровня платформы, поэтому в зал вели две широкие лестницы, украшенные многочисленными рельефами. Среди этих изображений – Дарий I на троне, за которым стоит его сын и наследник Ксеркс; сцена торжественного приема Дарием сатрапа Мидии; сцены борьбы царя с крылатыми грифонами. Когда-то эти рельефы имели вставки из бронзы и пасты и были раскрашены в яркие цвета.

Ападану украшал и знаменитый майоликовый фриз с изображением царских телохранителей, ныне находящийся в Лувре. Греки называли этих гвардейцев Дария «бессмертными», так как их всегда было ровно 10 тысяч. Образы этих могучих и бесстрастных воинов празднично-торжественны. Так же статично и торжественно выполнены рельефы, украшающие лестничные марши. Их заполняют идущие мерной поступью воины царя Дария: солдаты эламских полков с копьями и луками, персидские «бессмертные» с копьями и щитами, мидийцы с короткими мечами-акинаками и луками. Вслед за эламской гвардией воины несут царский трон, ведут царских коней и тянут царские колесницы.

На других рельефах в несколько ярусов изображено шествие 33 покоренных народов, каждый из которых ведет сатрап – глава провинции, назначавшийся из числа знатных персов. Если эти рельефы растянуть в одну линию, они заняли бы 400 м в длину. Это настоящий этнографический музей с изображением всех характерных особенностей одежды и черт лица различных племен и народов: здесь мидийцы, ведущие под уздцы коней, несущие золотые вазы и кубки; эламиты с прирученными львицами и

золотыми кинжалами; нубийцы с жирафами; вавилоняне с быками; армяне с конями и пышно украшенными пиршественными рогами – ритонами; арабы с верблюдами.

Специальные коридоры связывали ападану с дворцами Дария и Ксеркса (в надписи Дария его дворец назван «тачара», а в надписях Ксеркса употребляется название «хадиш»). Как и дворцы Ассирии, резиденции персидских владык были украшены огромными рельефами. У входов во дворцы стояли крылатые быки внушительных размеров. Золотые обшивки и многоцветные изразцы украшали залитые светом покои.

На настенных рельефах дворца Дария изображены целые шеренги слуг, несущих кубки, чаши, бурдюки с вином, ягнят, молодых оленей для царского стола. Судя по одежде, это персы и мидийцы. Здесь же сохранилось и изображение самого Дария в длинной одежде и высокой зубчатой тиаре, которая когда-то была покрыта листовым золотом. Рядом с Дарием изображены два придворных перса в такой же длинной одежде и в тиарах, но более коротких, чем у царя.

Восточную часть резиденции занимает дворец Ксеркса. По своей архитектуре он похож на дворец Дария, и слуги, несущие еду, мало чем отличаются от тех, которые изображены на фасаде дворца Дария. При Ксерксе в Персеполе было сооружено здание гарема, где жили женщины царской семьи.

В 466 г. до н. э. в Персеполе был построен Тронный (Стоколонный) зал. Это самое большое после ападаны здание в городе. Потолок зала держался на 100 колоннах высотой 20 м. Строительство Стоколонного зала, вероятно, было начато еще Дарием, хотя надпись на аккадском языке, найденная в его стенах, относит его сооружение ко времени правления внука Дария – Артаксеркса I. В этом зале располагался дворцовый «музей», где были выставлены наиболее ценные царские сокровища. Как полагают, сюда складывали и подарки, преподносимые царю. У северного входа в Тронный зал изображен царь, борющийся с чудовищем, у которого голова, туловище и передние лапы льва, шея, крылья и задние ноги птицы, а хвост скорпиона. Таких изображений в Персеполе много, и они символизируют борьбу с созданиями Аримана, олицетворявшего зло (в противоположность солнечному божееству Ахура-Мазде, олицетворявшему добро).

Хотя при Артаксерксе I строительство в Персеполе в основном закончилось (лишь при Артаксерксе III был возведен еще один царский дворец), сотни мастеров должны были постоянно следить за сохранностью зданий из сырцового кирпича, чтобы стены не обвалились от частых в период между декабром и мартом ливневых дождей, предохранять дренажную систему от наносов, а также ухаживать за садами, разбитыми на террасе и в окрестностях.

Несмотря на неслыханную роскошь и поистине царское величие, весь этот гигантский ансамбль оживал только один раз в году: весной, в день празднования иранского Нового года – Навруза, совпадавшего с днем весеннего равноденствия. Все остальное время царь проводил в двух других своих столицах – Сузах или Пасаргаде. Тем пышнее и торжественнее были церемонии, устраивавшиеся в Персеполе, когда 21 марта в город прибывал сам царь в сопровождении обширной свиты и 10

тысяч «бессмертных», съезжались все вельможи огромной империи, вожди племен, военачальники и знать, делегации от многочисленных народов, входивших в империю Ахеменидов, – каждая с подарками, символизирующими богатства их стран. Огромная процессия поднималась на террасу дворца по величественным лестничным маршам к подножию ападаны, и этой процессии вторило такое же ритмичное, торжественное и пышное шествие сотен солдат, вельмож, чиновников, жрецов, представителей различных народов, – их названия высечены на стенах лестницы, на стенах ападаны, на стенах дворца. Ритуалу новогоднему празднику вторили и рельефы персепольских дворцов, на которых запечатлены мифы и обряды древних иранцев: борьба между старым и новым годом, между добром и злом, символизируемая битвой царя с чудовищами, надежды на благополучие в наступающем году, праздничные пиршества...

Александр Македонский, завоевав Персеполь в 330 г. до н. э., сжег дотла столицу побежденного персидского царства. Это произошло во время одного пиршества, «когда он, – как говорит Диодор Сицилийский, – уже не владел собой». Предание рассказывает, что во время этого пира афинская блудница Таис в неистовстве схватила факел и швырнула его между деревянных колонн дворца, а пьяный Александр и его свита последовали ее примеру. Рассказы древних авторов об этом пожаре подтверждаются и археологическими раскопками: в руинах ападаны, тронного зала и царской сокровищницы отчетливо видны следы катастрофы – обожженные стены и обугленные остатки различных предметов, а пол Тронного зала покрыт пеплом почти метровой толщины. Это – пепел от кедровых балок, когда-то поддерживавших потолок.

В Средние века остатки Персепольского дворца еще кое–как поддерживались и даже одно время служили резиденцией для местных эмиров, но затем они пришли в окончательное запустение, и среди величественных руин бродили только овцы. Подобно многим другим древним постройкам, дворец Дария служил каменоломней для местных жителей. С каждым десятилетием он разрушался все больше и больше, и только в 1931–1934 гг. Эрнст Херцфельд произвел по поручению Восточного института Чикагского университета первое обследование развалин дворца. После этого были приняты эффективные меры к предохранению остатков резиденции персидских царей от дальнейшего разрушения. Сегодня Персеполь является одним из наиболее хорошо изученных древних городов. В настоящее время его раскопки практически завершены, ведутся работы по реставрации и укреплению зданий.

Статуя Зевса Олимпийского

Олимпия – крупнейший религиозный центр Древней Греции. Само это название связано со священной горой Олимп – обиталищем богов. Этот древнегреческий город, расположенный в живописной долине реки Алфея (Альтиса), у подножия горы Кронос, издавна являлся одним из самых почитаемых святилищ Эллады. Даже после покорения Македонией, а затем Римом роль Олимпии в культурной и религиозной жизни Греции продолжала сохраняться, и слава ее не угасала вплоть до крушения античной цивилизации.

* * * Слава Олимпии определялась не только знаменитыми спортивными состязаниями – олимпиадами, начало которых было положено в основу греческого летосчисления. Здесь со времен глубокой древности существовал знаменитый оракул, где можно было получить предсказания от жрецов Зевса Олимпийского. К оракулу Зевса обращались за советом греки самых различных областей античного мира.

Уже в ранние века своего существования Олимпия служила центром, объединявшим различные, порой враждовавшие друг с другом греческие племена. Это был своеобразный духовный центр, напоминавший грекам разных племен об их родстве. В Олимпию с дарами Зевсу приезжали не только греки Балканского полуострова, но и жители городов-колоний, расположенных вдали от метрополии – на Апеннинском полуострове, в Сицилии, Африке и других районах Средиземноморья.

С Олимпией связаны имена многих древних историков, философов, ораторов. Здесь перед лучшими представителями греческого общества Геродот читал главы своей «Истории». В Олимпии можно было слышать философские беседы Платона и Сократа, приходившего сюда пешком из Афин, речи известного оратора Демосфена. Знаменитый греческий поэт конца VI–V вв. до н. э. Пиндар превозносил Олимпию в своих одах: «Нет другой звезды благороднее солнца, дающей столько тепла и блеска в пустыне неба. Так и мы прославляем те, что из всех игр благородней, – Олимпийские игры».

Существование Олимпии как культового центра уходит в глубокую древность. Еще до нашествия дорийцев на территории Олимпии уже имелись постройки религиозного назначения. Особенно быстро святилище стало развиваться с VIII в. до н. э. – в связи с Олимпийскими играми. Но самые большие строительные работы здесь велись во второй четверти V в. до н. э., после победоносного завершения греко-персидских войн. Именно тогда, в 468–456 гг. до н. э., архитектор Либон из Элиды возвел здесь знаменитый храм Зевса Громовержца, Зевса Олимпийского. Подобно великим храмам Афин, его строительство было связано с решающей победой греков над персами при Платеях (479 г. до н. э.) и принятой вслед за этим программой возрождения греческих святынь.

Древнегреческий географ Павсаний, автор «Описания Эллады», сообщает, что храм Зевса в Олимпии был сооружен на средства из той добычи, которую элейцы получили, захватив Пису и те окружные поселения, которые вместе с писейцами отпали от них. В другом месте Павсаний пишет о приношениях в связи с военными победами в уже выстроенный храм: «С обеих сторон крыши храма в Олимпии стоят позолоченные чаши; статуя Победы, тоже позолоченная, стоит на самой середине фронтона; под статуей Победы прикреплен золотой щит с рельефным изображением Медузы Горгоны. Надпись на щите указывает на тех, кто его посвятил и по какому поводу он посвящен. Она гласит следующее:

*В храм сей щит золотой спартанцы после Танагры
Вместе с союзным своим войском его принесли в дар,
Победив аргивян, афинян, а также ионян.*

Взятой добычи врагов – это десятая часть.

Храм Зевса Олимпийского воплощал в себе один из лучших образцов греческого храма раннеклассического стиля. В его облике, как и в других постройках того времени, архитектурные элементы отличались собранностью масс, строгостью очертаний. Внутреннее пространство храма было разделено двумя рядами колонн на три нефа и имело размер 28 x 13 м. Оно освещалось только через восточную дверь 10-метровой высоты. Поднимались в храм не по ступеням, а по пологому пандусу, ведущему к проходу между центральными колоннами. Пол в нем был выложен сперва галькой из реки Алфей, а позднее, в римское время, – мраморными плитами.

Всякий вступавший в храм оказывался в окруженном парными колоннами преддверии – пронаосе, пол которого украшали мозаики из цветной речной гальки. Отсюда широкий дверной проем вел в святилище, где стояла знаменитая статуя Зевса Олимпийского – одно из семи чудес Древнего мира.

Статуя Зевса открывалась перед входящим не сразу. Ее закрывал шерстяной занавес, протянутый на всю ширину храма. Как свидетельствует Павсаний, занавес был украшен пышными ассирийскими узорами и окрашен финикийским пурпуром. Он не раздвигался, и не поднимался вверх, а на тонких шнурах опускался на пол, и тогда перед вошедшим в храм во всей красе открывалась огромная хризозлефантинная, т. е. сделанная из золота и слоновой кости, статуя Зевса Олимпийского.

Эта статуя, изваянная великим скульптором Фидием, потрясала современников и оставила глубокий след в истории человеческой культуры. Более 60 писателей древности писали про этот выдающийся памятник. В списке чудес света, составленном Антипатром Сидонским (II в. н. э.), ей отведено второе место, а Филон Византийский отмечал, что это произведение Фидия выделяется даже среди остальных удостоившихся этой чести шедевров.

В пластическом образе Зевса, созданном Фидием, нашли свое воплощение те возвышенные чувства греков к богу-громовержцу, которые звучат и в древнегреческой поэзии, в частности, в оде Пиндара:

*Зевс – Спаситель, Высокооблачный,
Ты, восседающий на Кроновом холме,
Ты, осеняющий широко текущий Алфей
И святую пещеру Иды! С мольбою,
Под посвист лидийских флейт,
Припадаю к тебе.*

Павсаний так описывает статую Зевса Олимпийского:

«Бог сидит на троне; его фигура сделана из золота и слоновой кости; на его голове венок как будто бы из ветки маслины. В правой руке он держит Нику (Победу), тоже сделанную из золота и слоновой кости, на ней повязка и венок на голове. В левой руке бога скипетр, изящно расцвеченный различными металлами, а птица, сидящая на скипетре, – это орел. Из золота же у бога его обувь и его плащ; на этом плаще изображены

животные, а из цветов – полевые лилии».

Трон Зевса был изготовлен из золота, драгоценных камней, черного дерева и слоновой кости. Около каждой ножки трона были изображены четыре танцующих Ники, на перекладинах, соединявших ножки, – сцены спортивных состязаний и Геракл, сражающийся с амазонками.

Окружавшие трон барьеры были расписаны братом Фидия – художником Паненом, который работал вместе с великим мастером. Среди изображений на картинах Панена Павсаний упоминает Атланта, держащего свод неба, а также Геракла, Тезея и Перифоя; пишет он и о фигурах Эллады и Саламина с корабельными носами в руках, о Геракле, побеждающем немейского льва, о Гипподамии, о Прометее, закованном в цепи, которого освобождает Геракл, о Пенфесилее и Ахилле, о Гесперидах, несущих яблоки.

Трон Зевса Олимпийского украшали рельефы со сценами гибели дочерей Ниобы: в центре – мать, защищающая от стрел богов дочь, а слева и справа в разнообразных позах агонизирующие жертвы Аполлона и Артемиды. В верхней части трона были изображены Хариты и Горы, на скамье под ногами Зевса – битва Тезея с амазонками, на пьедестале (длиной 9,5 м и шириной 6,5 м) – Гелиос, Зевс и Гера, Гермес, Гестия, Эрот и Афродита, Пейто, Аполлон и Артемиды, Афина и Геракл, Посейдон и Селена. На скамеечке под ногами Зевса была вырезана скромная надпись «Фидий, сын Хармида, афинянин, создал меня».

Статуя была огромна. По реконструкции археолога Ф. Адлера, подлокотники трона и ладонь правой руки Зевса с фигурой Ники находились на высоте капителей колонн первого яруса, а лоб Зевса – на уровне капителей колонн второго яруса. Как заметил Страбон, «если бы бог встал, то мог бы проломить головой крышу».

Гигантская статуя требовала тщательного ухода: слоновая кость чутко реагировала на влажность. Для предохранения от порчи жрецы должны были обильно смазывать ее маслом. «Пол перед статуей выстлан не белым, а черным мрамором, – пишет Павсаний. – Это черное пространство окаймляет несколько приподнятая полоса из паросского мрамора, чтобы задерживать сливающееся сюда масло. Масло очень полезно для статуи Олимпии. Это масло служит средством предохранить слоновую кость от той порчи, которую может принести болотистый воздух Альтиса. На афинском же Акрополе для статуи Афины, так называемой Парфенос (Дева), полезно не масло, а вода: вследствие высокого расположения Акрополя воздух там сухой, и статуя, сделанная из слоновой кости, требует воды и испарений от воды».

Огромное впечатление статуя Фидия произвела на римлян. Завоеватель Греции Павел Эмилий хотел увезти ее в Рим. А император Калигула приказал привезти из Греции изображения богов, прославленные почитанием или художественной ценностью, и в их числе статую Зевса Олимпийского: отняв у них головы, он собирался приставить к ним свою собственную. Однако, как бы то ни было, гигантское изваяние осталось в Олимпии.

Изображение Зевса подвергалось нескольким реставрациям в разные времена; в частности, в эллинистическую эпоху ее реставрировал скульптор Дамафон Мессенский. При Юлии Цезаре ее подновляли после

повреждения молнией.

Случались и попытки хищения отдельных частей скульптуры: так, Лукиан пишет об исчезновении двух золотых локонов, а Павсаний – о краже фигуры атлета.

О дальнейшей судьбе этого выдающегося произведения Фидия известно немного. После 384 г. н. э. сведения о нем исчезают. Позже византийский историк Кедрен сообщал, что в 475 г. статуя находилась в одном из дворцов Константинополя и сгорела там при пожаре.

Мавзолей в Галикарнасе

Галикарнас – родина знаменитого древнегреческого историка Геродота. Вероятно, он был хорошо знаком с обстоятельствами постройки знаменитого Мавзолея в Галикарнасе, однако в своей «Истории» не обмолвился об этом ни словом. Возможно, счел за лучшее промолчать. За него все сказал Проспер Мериме: «Царь Мавсол умел выжимать соки из подвластных ему народов, и ни один пастырь народа, выражаясь языком Гомера, не умел глаже стричь свое стадо. В своих владениях он извлекал доходы из всего... Он накопил огромные богатства. Этими-то богатствами... и объясняется, почему гробница Мавсола была причислена к семи чудесам света».

* * * В древности Галикарнас был столицей Карии и слыл одним из богатейших и красивейших городов на побережье Малой Азии. Великолепные беломраморные храмы, театр, царский дворец, сады, портики украшали улицы и площади города. Гавань Галикарнаса никогда не пустовала – ее наполняли корабли с грузами со всего Средиземноморья. Город славился огромным храмом бога войны Ареса, чья колоссальная статуя из мрамора и позолоченного дерева, изваянная скульптором Леохаром, служила главным украшением святилища. Возле храма Афродиты – богини любви и красоты – бил знаменитый фонтан Салмакина, вода которого, по поверью, обладала волшебными свойствами: она возвращала утраченную любовь и приносила счастье любящим. Но более всего Галикарнас был известен гробницей царя Мавсола – одним из семи чудес Древнего мира.

Мавсол правил Карией в 377–353 гг. до н. э. Сооружать гробницу для себя он начал еще при жизни. Возможно, его вдохновил пример египетских фараонов. По замыслу Мавсола, его усыпальница должна была стать необычайным сооружением. Расположенная в центре города, в окружении его величественных храмов и дворцов, она была призвана напоминать миру о богатстве и могуществе царя еще долгое время спустя после его смерти. Это должна была быть одновременно и гробница, и храм, в котором обожествленному после смерти правителю будут воздавать почести.

Для создания этого храма-усыпальницы Мавсол пригласил лучших архитекторов того времени – Пифия и Сатира, и знаменитых скульпторов – Леохара, Скопаса, Бриаксида и Тимофея. Смерть царя ускорила работы по сооружению гробницы. Царица Артемисия, вдова Мавсола, не жалела ни людей, ни денег для того, чтобы увековечить память мужа.

Строительство гробницы Мавсола было закончено в 350 г. до н. э. Сооружение получилось весьма необычным: оно сочетало в своем облике восточную ступенчатую пирамиду– зиккурат и греческий ионический храм-периптер. Вдобавок архитекторы использовали в нем все три вида

классического греческого ордера – дорический, ионический и коринфский.

Тремя ярусами гробница Мавсола поднималась на высоту 46 м. В ее основании находился массивный прямоугольный цоколь размером 18,9 × 42,3 × 11,1 м, сложенный, как утверждали льстецы, «из проконесского мрамора». На самом деле он был лишь облицован мрамором, а сложен из необожженного кирпича-сырца. На нем стоял храм, окруженный 36 ионическими колоннами, несущими кровлю в виде 24-ступенчатой пирамиды. Вершину пирамиды увенчивала мраморная скульптурная группа – Мавсол с Артемисией на колеснице, запряженной четверкой коней. Постройку окружали мраморные статуи львов и скачущих всадников.

Во внутреннем помещении нижнего яруса располагались гробница Мавсола и Артемисии. Ее перекрытия опирались на 15 дорических колонн. Помещение верхнего яруса, украшенное коринфскими колоннами, служило для поклонения обожествленным царю и царице. Знаменитый архитектор и скульптор Пифий создал для него огромную мраморную статую царя Мавсола, которая дошла до наших дней. Талантливый мастер сумел ярко воплотить в камне то, о чем не стал говорить Геродот и что, вероятно, хорошо знали все галикарнасцы.

Царь Мавсол – жестокий, жадный, тщеславный, настоящий восточный деспот – спустя тысячелетия предстал перед нами как живой. Художник искусно передал мнимое значительное выражение лица, пухлые ленивые губы, злой и пристальный взгляд глубоко посаженных глаз. Очевидно, царица Артемисия, жена Мавсола, не уловила, как тонко скульптор изобразил в лице и взгляде царя его характерные отрицательные черты. Царицу, по-видимому, вполне удовлетворили искусная работа и внешняя величавость, приданная фигуре умершего супруга.

Рядом с фигурой царя стояла статуя самой Артемисии, которая хотела увековечить себя в качестве спутницы мужа и преданной его памяти вдовы. Над ее статуей работал знаменитый Скопас. Чертам царицы он придал подчеркнутое величие: открытый высокий лоб, обрамленный завитками волос, большие, широко раскрытые глаза, чистый овал лица... Вероятно, мастер слегка приукрасил облик царицы. Несколько углубленные глазницы создавали тонкую игру света и тени, и благодаря этим полутонам возникало впечатление мягкого взгляда, затуманенного скорбью.

Статуи Мавсола и Артемисии принадлежат к числу лучших произведений греческого искусства IV столетия до н. э.

Скопас создал и восточную часть широкого фриза, опоясывавшего верхнюю часть основания гробницы по всему периметру. Она посвящена Амазономахии – битве греков с амазонками, легендарными женщинами-воительницами. Сцены сражения полны необычайной жизненности, движения и силы. На южной, восточной и северной сторонах фриза были изображены сцены охоты и битвы лапифов с кентаврами. Эти части фриза созданы скульпторами Леохаром, Бриаксидом и Тимофеем.

По имени царя Мавсола усыпальницу называли Мавзолеем. Впоследствии это название стало нарицательным и вошло во все современные языки.

Спустя 18 столетий землетрясение разрушило Мавзолей до основания. В 1489 г. рыцари-иоанниты использовали его обломки для

постройки замка Святого Петра. После того как рыцари были изгнаны турками с побережья Малой Азии, замок был обращен в крепость Будрун (совр. Бодрум). В середине XIX столетия европейские путешественники обратили внимание на то, что в стены крепости вделаны мраморные плиты с античными рельефами. После длительных и упорных хлопот английскому послу в Турции удалось получить разрешение выломать эти плиты и перевезти их в Лондон. Специалисты Британского музея пришли к заключению: перед ними – знаменитый фриз Скопаса, некогда украшавший гробницу царя Мавсола.

В 1857 г. британский археолог Ч. Т. Ньютон, проведя раскопки на месте, где некогда стоял Мавзолей, нашел рельефные плиты с цоколя гробницы, статуи Мавсола и его жены Артемисии и колоссальную колесницу, венчавшую сооружение. Сегодня они хранятся в Галикарнасском зале Британского музея.

Фаросский маяк

После завоевания Египта в 332 г. до н. э. Александр Македонский основал в дельте Нила город, названный его именем – Александрия. В царствование Птолемея I город достиг богатства и процветания, а александрийская гавань превратилась в оживленный центр морской торговли.

* * * По мере развития судоходства кормчие, приводившие в Александрию корабли с грузами, все острее ощущали потребность в маяке, который указывал бы судам безопасный путь среди мелей. И в III в. до н. э. на восточной оконечности острова Фарос, лежащего в море на расстоянии 7 стадий (1 290 м) от Александрии, архитектор Сострат, сын Дексифана из Книда, соорудил знаменитый маяк, ставший одним из семи чудес Древнего мира.

Для подвоза строительных материалов остров соединили с материком дамбой. Работы заняли всего шесть лет – с 285 по 279 г. до н. э. Увидев эту внезапно выросшую на пустынном острове башню, современники были потрясены. Из списка семи чудес света было немедленно вычеркнуто «чудо № 2» – стены Вавилона, и его место тут же занял Фаросский маяк.

Александрийский поэт Посидипп (ок. 270 г. до н. э.) в одной из своих эпиграмм воспел это удивительное сооружение:

*Башню на Фаросе, грекам спасение, Сострат Дексифанов,
Зодчий из Книда, воздвиг, о повелитель Протей!
Нет никаких островных сторожей на утесах в Египте,
Но от Земли проведен мол для стоянки судов,
И высоко, рассекая эфир, поднимается башня,
Всюду за множество верст видна путнику днем,
Ночью же издали видят плывущие морем все время,
Свет от большого огня в самом верху маяка.*

Перевод Л. Блуменау

Таким маяк оставался и во времена римского владычества. По словам Плиния Старшего, он сиял, «как звезда во мраке ночей». Это монументальное сооружение имело высоту не менее 120 м, а свет его был

виден на расстоянии до 48 км.

Согласно Страбону, маяк был построен из местного известняка и облицован белым мрамором. Декоративные фризы и орнаменты изготовлены из мрамора и бронзы, колонны – из гранита и мрамора. Маяк как бы вырастал из центра просторного двора, обнесенного мощной оградой, по углам которой возвышались мощные бастиионы, напоминающие пилоны древнеегипетских храмов. В них, как и по всей стене, были прорезаны многочисленные бойницы.

Маяк состоял из трех ярусов. Первый, квадратный в плане (30,5 x 30,5 м), ориентированный по сторонам света и облицованный квадрами белого мрамора, имел высоту 60 м. По углам были установлены монументальные статуи, изображающие тритонов. Внутри первого яруса располагались на разных уровнях помещения для рабочих и охраны. Там же находились кладовые, где хранилось топливо и продукты. На одном из боковых фасадов можно было прочесть греческую надпись: «Богам-спасителям – для спасения моряков», где под богами подразумевались царь Египта Птолемей I и его супруга Береника.

Восьмиугольный средний ярус меньшего размера также был облицован мраморными плитами. Восемь его граней были развернуты по направлениям господствующих в этих местах ветров. Наверху по периметру стояли многочисленные бронзовые статуи; некоторые из них могли служить флюгерами, указывающими направление ветра. Сохранилось предание, что одна из фигур протянутой рукой следовала за движением солнца и опускала руку только после его захода.

Верхний ярус имел форму цилиндра и выполнял функции фонаря. Он был окружен восемью полированными гранитными колоннами и увенчан конусообразным куполом, увенчанным семиметровой бронзовой статуей Исиды-Фарии, попечительницы мореплавателей. Впрочем, некоторые исследователи считают, что там находилась статуя морского бога Посейдона.

Световая сигнализация производилась с помощью мощного светильника, помещенного в фокусе вогнутых металлических зеркал. Предполагают, что топливо на вершину доставляли установленные внутри башни подъемные механизмы – в середине маяка имелась шахта, ведущая от нижних помещений вверх к осветительной системе. По другой версии, топливо привозили по спиральному пандусу на телегах, запряженных лошадьми или мулами.

В подземной части маяка находилось хранилище питьевой воды для военного гарнизона, располагавшегося на острове: и при Птолемеех, и при римлянах маяк одновременно служил крепостью, препятствующей входу вражеских кораблей в главный порт Александрии.

Считается, что верхняя часть маяка (цилиндрическая, с куполом и статуей) рухнула во II в., но еще в 641 г. маяк действовал. В XIV в. землетрясение окончательно уничтожило этот шедевр древнего зодчества и строительной техники. Спустя 100 лет египетский султан Кайт-бей распорядился построить на остатках фундамента маяка форт, названный именем своего создателя. Судить о внешнем облике маяка мы можем сегодня лишь по его изображениям на монетах римского времени и немногочисленным обломкам гранитных и мраморных колонн.

В 1996 г. подводным археологам во главе с известным французским ученым Жан-Ивом Эмперером, основателем Центра по изучению Александрии, удалось отыскать на морском дне остатки конструкций маяка, рухнувших в море в результате землетрясения. Это вызвало большой интерес во всем мире. В 2001 г. правительство Бельгии даже выступило с инициативой воссоздания Фаросского маяка на том же самом месте, где 2 200 лет назад он был построен. Однако сейчас здесь по-прежнему высятся стены крепости Кайт-Бей, и правительство Египта не спешит с согласием на ее снос.

Колосс Родосский

Чтобы захватить г. Родос, царь Фригии Деметрий Полиоркет приказал построить огромную, 30-метровой высоты, осадную башню на колесах. Осаждающим удалось пробить стену города. Испуганные родосцы, пав на колени, воззвали к покровителю города – богу солнца Гелиосу, пообещав воздвигнуть его статую выше осадной башни. То ли действительно Гелиос на небесах их услышал, то ли кто-то на земле постарался, но к утру перед крепостной стеной была вырыта глубокая яма. В нее и рухнула злосчастная башня. Царю Деметрию не оставалось ничего другого, как заключить мир с родосцами.

Избавившись от напасти, жители Родоса в 302 г. до н. э. принялись сооружать статую Гелиоса. Эта работа была поручена известному скульптору Харесу, ученику Лисиппа.

Для работы над гигантской статуей мастер использовал хитроумный прием: он окружил место строительства земляной насыпью. Статуя сооружалась из бронзовых деталей, крепившихся на железный каркас. «Сборка» велась снизу вверх – сначала формировались ступни, затем икры и т. д. По мере «роста» скульптуры поднимался и земляной холм вокруг нее. По завершении работы холм был скрыт, и статуя во всей своей красе предстала перед изумленными жителями острова.

Сооружение Колосса завершилось около 280 г. до н. э. На изготовление грандиозного монумента пошло 500 талантов бронзы и 300 талантов железа (соответственно 13 и 8 т). Полую статую, по мере того как она росла, заполняли камнями и глиной, чтобы сделать ее устойчивее. База была сделана из белого мрамора. Колосс достигал в высоту 33 м и был, как клялись родосцы, на 3 м выше той самой злосчастной башни, от которой они с таким трудом избавились.

Это чудо Древнего мира оказалось самым недолговечным – Колосс Родосский простоял всего 60 лет. В результате сильного землетрясения в 220 г. до н. э. он переломился на уровне колен и рухнул, развалившись на части. Отсюда и пошло выражение «колосс на глиняных ногах».

Статуя пролежала на земле более 900 лет, и любопытствующие путешественники отправлялись на Родос лишь затем, чтобы взглянуть на обломки поверженного колосса. Плиний Старший пишет о том, что не многие могли обхватить обеими руками большой палец руки Колосса. В 977 г. нуждавшийся в деньгах арабский наместник острова продал обломки статуи на переплавку. Говорили, что их увезли в Сирию на 900 верблюдах. От огромного монумента до наших дней осталось только одно название – «колосс», которое с тех пор стало обозначать статую или сооружение

громадных размеров.

Основными источниками сведений о легендарном бронзовом великане стали произведения Плиния, Филона и короткие надписи и посвящения. Ни в одном из этих текстов не указано, где стоял Колосс. Нет и описания статуи – только самые общие сведения. Так что неизвестно, как выглядела статуя и где именно она стояла.

Иногда Колосса изображают стоящим, расставив ноги, перед входом в родосскую гавань, а между ног его проходят корабли. Этого быть не могло – ширина устья гавани составляла около 400 м, и ноги 33-метровой статуи никак не могли быть расставлены столь широко. Вряд ли статуя могла стоять и в центре города, возле храма Гелиоса – при этом вокруг него должно было оставаться большое незастроенное пространство, что не подтверждается археологическими раскопками. Скорее Колосс стоял где-то на берегу моря, откуда его издалека могли видеть подходящие к острову корабли. Отчасти это подтверждается тем, что недавно археологи обнаружили на дне древней родосской гавани кисть правой руки статуи.

Как выглядел Колосс? Самое старое его изображение относится к 1556 г. Считается, что Гелиос был представлен в виде стоящего обнаженного юного атлета с лучезарным венцом на голове, но это только предположение. Фигура Гелиоса обычно изображалась с рукой, вытянутой вперед. Но на этот раз скульптор, видимо, придал ей иное положение: расчеты показывают, что иначе рука обломилась бы под тяжестью собственного веса.

Несмотря на то что облик Колосса остается загадкой, существуют проекты его воссоздания. В 2003 г. мэр г. Родос Диоргос Янопулос объявил о том, что уже ведутся переговоры с рядом компаний, готовых принять участие в «проекте нового тысячелетия». Возрожденный Колосс будет установлен в море, недалеко от береговой черты. Правда, трудно понять смысл этой дорогостоящей акции: воссозданный Колосс в любом случае не будет иметь никакого отношения к Колоссу реальному и станет всего лишь приманкой для туристов. Впрочем, для последних подлинность памятника важна далеко не всегда...

Тиауанако

Тиауанако – главный город доинкской Южной Америки. Он расположен в Боливии, в горах Альтиплано, на высоте почти 4000 м над уровнем моря и в 21 км к югу от озера Титикака, через которое проходит современная граница между Перу и Боливией.

* * * Каковы бы ни были происхождение и возраст грандиозных построек Тиауанако, окутывающая их тайна вызывала и продолжает вызывать удивление всех, кто их видел, – со времен конкистадоров до наших дней. Возможно, что это был ритуальный центр, куда ежегодно стекались многочисленные паломники. Они приносили с собой огромные каменные глыбы, из которых собственными руками возводили мощные стены «священного города». Такая версия может пролить свет на одну из многочисленных загадок Тиауанако: как перетаскивали эти глыбы из каменоломен, ближайшая из которых находилась на расстоянии 5 км? Однако она не дает ответа на другой вопрос: почему некоторые постройки так и не были завершены? Может быть, потому, что паломники, начавшие возведение этих монументальных

сооружений, по каким-то причинам однажды ушли и больше никогда не возвращались к своим святыням...

На языке инков название Тиауанако означает «Мертвый город». Так его окрестили уже в сравнительно поздние времена, когда здесь побывал Майта Капак – четвертый правитель империи инков. К этому времени город давно опустел, но его заброшенные святилища продолжали вызывать удивление и трепет. Инки не знали, кто построил Тиауанако. Но они были убеждены, что такие величественные сооружения мог возвести лишь кто-то исключительный и могущественный. В глазах инков таким был только Кон-Тики Виракоча – их верховный бог.

Имя Виракочи, или Кон-Тики Виракочи, – творца мира, людей и всех живых существ – было известно еще в доинкскую эпоху. Древние индейские легенды о сотворении мира рассказывают о том, что в начале вообще ничего и никого не было, кроме всемогущего, вечно существовавшего Виракочи, которого никто не сотворял. Виракоча жил в огромном черном «ничто», которое ему не понравилось, и поэтому он вначале сотворил свет. После этого он сотворил землю. Виракоче было угодно, чтобы земля не была пустой, лишенной всего живого, поэтому он и создал особый род людей-великанов. Впрочем, создатель не был удовлетворен первым творением. Ему показалось, что эти люди слишком велики и неловки и вовсе не красивы. Мало того, они не следовали тем наказам, которые дал им мудрый создатель. Поэтому Виракоче пришлось уничтожить первое, «неудавшееся» племя людей и превратить их в камни.

Вскоре на окаменевших исполинов Виракоча ниспослал огромный потоп. Во время потопа навеки скрылись под водой почти все следы первых людей. Когда воды потопа отступили и земля высохла, Виракоча продолжил свое созидание. Он поселился в Тиауанако, на берегу озера Титикака (говорят, что он жил и на острове Титикака, находившемся посередине одноименного озера). Живя здесь, Виракоча сотворил Солнце, а затем Луну, Венеру, а также другие планеты, звезды и созвездия. В конце концов он попытался сотворить новых людей. Прямыми потомками этих людей считали себя индейцы, населявшие Перу и Боливию.

Виракоча разделил новых людей на племена и народы, определив, на каком месте они должны поселиться. Виракоча сотворил и всех животных, определив для них местожительство. Виракоча составил для людей законы. Он указал людям, как им надлежит жить и почитать его, Виракочу.

После этого Виракоча покинул Тиауанако и отправился на север. Он шел через Анды, обозревая страну, населенную сотворенными им людьми. Он учил индейцев полезным занятиям. И когда наконец Виракоча остался полностью удовлетворен делом рук своих, он покинул Перу и погрузился в волны Тихого океана, на прощание пообещав когда-нибудь вновь вернуться к индейцам...

Культ Виракочи был широко распространен среди индейцев задолго до образования империи инков. Главным центром поклонения Виракоче был город Тиауанако. Считается, что первоначально он назывался Виньаймарка («Вечный город») или Тайпикала, что на языке аймара означает «Срединный камень».

Именно здесь, в Тиауанако, как рассказывают легенды, Виракоча сотворил Солнце, которое, считали индейцы, стало родоначальником династии инкских императоров. Именно здесь сегодня находится один из самых замечательных памятников индейской культуры всех трех Америк – знаменитые на весь мир Ворота Солнца, вытесанные из огромных глыб андезита, весящих много десятков тонн и достигающих 3 м в высоту. Верхняя часть ворот украшена рельефом, в центре которого помещена большая человеческая фигура. От ее головы расходятся солнечные лучи, заканчивающиеся изображениями пумы. На одеянии человека тоже помещены изображения пумы, а также кондоров и рыб. По обеим сторонам от фигуры расположены 48 похожих друг на друга изображений человекокондоров, известных как «птицы-плакальщицы».

Фигура, изваянная на Воротах Солнца, бесспорно, является изображением верховного божества тиауанаков. Большинство исследователей с полным основанием отождествляют ее с Кон-Тики – Виракочей. Этот же бог с Ворот Солнца изображен на тканях, относящихся к доинкской эпохе, и на множестве керамических сосудов, обнаруженных в различных районах Анд.

Ворота Солнца – часть ансамбля Каласасайи, огромной каменной террасы, поднятой примерно на 3 м над поверхностью земли и занимающей площадь около 1300 кв. м. Она окружена четырехгранными каменными столбами с каменной кладкой в промежутках между ними. Некогда на ней возвышалось здание, стоявшее на двух расположенных друг на друге прямоугольных террасах. Артур Познанский, самый известный исследователь Тиауанако, считал его развалинами дворца, где жили жрецы, служившие Виракоче. А весь ансамбль Каласасайи, по мнению Познанского, предназначался для астрономических наблюдений и вычислений, это был гигантский каменный календарь. Каласасайю сегодня нередко называют «индейским Стоунхенджем».

Не могут не вызвать восхищение и огромные антропоморфные монументы, представляющие собой нечто среднее между статуями и стелами. Статуи эти реалистичны, на некоторых из них отчетливо прослеживаются такие характерные черты, как выпирающие ребра, заметно выступающие челюсти и губы, которые подчеркивают их сверхъестественный характер. Интересно, что ни одна из статуй не изображает женщину, несмотря на то что некоторые из них, возможно, были посвящены богиням. Каменные изваяния запечатлели лишь образы воинов в хлопковых одеждах или священников в длинных туниках. Чаще они сидят, хотя некоторые статуи изображают фигуры, стоящие во весь рост, как, например, знаменитая Стела Беннетта, открытая в 1932 г. Это самое большое каменное изваяние доколумбовой Америки. Оно имеет высоту более 7 м. Почти прямоугольная голова статуи увенчана своеобразной «коронай», глаза посажены прямо, из них как бы текут слезы. Руки сложены на груди. Неподалеку от Стелы Беннетта при раскопках была обнаружена каменная голова пумы с синими глазами и красной пастью. Вероятно, что и огромные статуи, изображавшие скорее всего тиауанаковских правителей или жрецов, тоже были раскрашены.

Другие скульптуры, вес которых доходит до 100 т, стоят в Пума-Пунко («Врата пумы») – комплексе, расположенном в километре к

юго-западу от центра Тиауанако. Огромная платформа в Пума-Пунко, созданная из колоссальных каменных блоков – самых крупных из тех, которые применялись в индейской архитектуре Америки, – возможно, представляла собой несущую стену грандиозного храма, основание которого ушло в землю, и он рухнул. Ворота Пума-Пунко высечены из монолитных каменных глыб весом более 150 т.

Никаких жилых зданий в Тиауанако не обнаружено. Хотя площадь, занятая руинами, превышает 450 тыс. кв. м, культовый центр состоял из четырех основных построек, расположенных на площадке размерами 500 x 1000 м. Главная из них, Акапана, представляет собой ступенчатую пирамиду 15-метровой высоты. От нее до наших дней остался только холм с вымощенной 200-метровой площадкой основания, к которой вели ступени. На вершине находился обширный бассейн для хранения воды. Холм был обнесен мощными оборонительными стенами, что дает основание некоторым специалистам считать пирамиду крепостью, использовавшейся как укрытие в случае осады.

Многолетние исследования показали, что Тиауанако были своеобразными «южноамериканскими Афинами» – центром яркой индейской культуры, влияние которой с середины I тысячелетия н. э. распространялось не только на все горное Перу, но и на многие прибрежные районы: от эквадорских границ до северного Чили. Повсюду на этой территории встречаются образцы орнамента, первоначально характерные лишь для Тиауанако, и мотивы, взятые со знаменитых Врат солнца в этом Вечном городе Америки.

Период расцвета тиауанакской культуры приходится на III–X в. н. э. Ее создателями были предки современных индейцев аймара, второго по численности индейского народа Южной Америки, живущего на территории Боливии и Южного Перу.

Считается, что вероятной причиной падения Тиауанако стало колоссальное землетрясение, случившееся в XI–XII вв. Воды озера Тиауанако вышли из берегов и затопили город. Одновременно на него обрушилась лава разбушевавшихся вулканов. Окончательную гибель города вызвали братоубийственные войны, довершившие развал страны. Просуществовав около тысячи лет, культура Тиауанако угасла, уступив место набирающему силу инкскому государству.

Сигирия

Сигирия расположена в 150 км от Коломбо, столицы Шри-Ланки. Уже издали над лесом видна знаменитая 200-метровая «львиная скала», по имени которой (Синхагирия – «львиная скала») эта древняя резиденция ланкийских правителей получила свое название. По сообщению хроники «Махавамса», еще в 266 г. до н. э. король Деванампия Тисса поднялся на скалу и нарек ее этим именем.

Первое время на вершине скалы справлялись религиозные обряды, она служила одновременно и крепостью, и монастырем. А в V в. н. э. ее избрал своей резиденцией легендарный правитель Кассапа, прозванный Отцеубийцей.

Старинные хроники рассказывают, что король Дхатусена, правивший страной с 456 по 478 г., имел двух жен. Младшая жена родила ему сына, названного Кассапой, а вскоре разрешилась от бремени и

старшая жена короля. Второго сына называли Моггаллана.

Мать Моггалланы была царской крови, а мать Кассапы – незнатного происхождения. Но Кассапа был все же старшим сыном, и сложившаяся таким образом ситуация явно вела к острому спору за престолонаследие.

Этот спор разгорелся после того, как дочь Дхатусены, которую король отдал в жены своему племяннику Мигане, занимавшему пост главнокомандующего, поссорилась со своей свекровью. Мигана, которому к тому времени изрядно надоели семейные дразги, жестоко избил жену кнутом. Та прибежала с жалобой к Дхатусене, и вспыльчивый король приказал высечь и сжечь живьем на костре мать Миганы – свою сестру.

Приказ был выполнен, но главнокомандующий королевской армией затаил злобу. Он жаждал мести и для ее осуществления стал раздувать спор между Моггалланой и Кассапой, обещая последнему помочь завладеть тронem. Подстрекаемый Миганой, Кассапа предъявил отцу ультиматум и потребовал передачи ему трона и королевской казны.

Дхатусена отказался. Тогда сын похитил его и замуровал заживо. Моггаллана бежал в Индию, а Кассапа стал королем. Однако соделанное злодеяние сделало его имя ненавистным всей стране. Опасаясь мести, Кассапа перебрался в Сигирию, избрав Львиную скалу своей резиденцией.

Крепость, находившаяся на вершине огромной одинокой скалы, была практически неприступна. Все подступы к ней легко могли быть заблокированы, а окрестности отлично просматривались с вершины. Но Кассапа все-таки проиграл решающую битву, к которой готовился с первого дня своего воцарения. Она состоялась спустя 18 лет, когда Моггаллана вернулся со своей армией из Индии.

Во главе своего войска Кассапа двинулся навстречу противнику, но его слон неожиданно споткнулся и повернул назад (по другой версии, на пути оказалось небольшое болото, и король повернул слона, чтобы обойти топь). Следовавшие за ним шеренги воинов истолковали это как сигнал к отступлению. Сторонники Моггалланы, находившиеся в армии Кассапы, воспользовавшись этим, устроили панику, и таким образом битва была проиграна, не успев начаться.

Кассапа в отчаянии перерезал себе горло, а его сторонники были беспощадно уничтожены Моггалланой, который за свою жестокость получил прозвание «дьявола» («Ракшаса»). После победы он вновь перенес столицу из Сигирии в Анурадхапуру. С тех пор никто больше не селился на Львиной скале.

Так изложены события в «Махавамсе». Этот рассказ передавался впоследствии в различных вариантах, иногда с добавлением многих страшных и маловероятных подробностей. Современные исследователи склонны считать, что главные персонажи этой истории, вероятно, существовали в реальности, однако версия об отцеубийстве скорее всего является легендой. Вместе с тем не подлежит сомнению, что Сигирия создавалась именно как крепость. Об этом свидетельствуют, в частности, остатки оборонительных укреплений вокруг скалы – вала и рва. Но почему Кассапа поселился здесь? Ответы звучат разные. Некоторые авторы предполагают, например, что король стремился достигнуть святости и потому уединился на вершине Сигирии подобно индийским богам, обитающим, согласно мифам, на вершине горы Кайласа.

На долгие годы этот памятник был заброшен и забыт, и только в 1831 г. майор Форбс заново открыл Сигирию, а Г. С. П. Белл в 1894 г. приступил к расчистке леса и первым исследованиям.

«Львиную скалу» окружали великолепные сады с мраморными фонтанами, ручьями и прудами, посреди которых были устроены островки с изящными павильонами. Вода в пруды поступала через систему подземных водоводов. Путь на вершину скалы ведет по крутой тропинке-лестнице, вырубленной в камне строителями короля Кассапы. Некогда вход на нее охранял гигантский каменный лев, от которого уцелели лишь грозные когтистые лапы. Одни только пальцы их вдвое больше настоящего льва. Голова этого исполина, ныне разрушенная беспощадным временем, была видна за много километров. Материалом для скульптуры послужил кирпич, покрытый слоем известки. Все детали выполнены так тщательно, что воспроизведены даже шерстинки на лапах.

Между лапами брала начало широкая лестница, проложенная сквозь тело каменного льва. После того как скульптура рассыпалась, на оголившейся скале укрепили железные лесенки с перилами, по которым наиболее отважные посетители могут подняться на вершину. Тропа ограждена решеткой и стальными прутьями, и все-таки идти по ней опасно. Зато вид, открывающийся сверху, вознаграждает за все тяготы восхождения. Отсюда, с высоты 200 м, открывается прекрасная панорама зеленой долины с синеющими далеко на горизонте горами.

На вершине горы сохранились фундаменты дворца Кассапы. Он был сложен из сотен тысяч кирпичей, доставленных наверх ценой невероятных усилий. Люди, создавшие полторы тысячи лет назад это чудо строительной техники, позаботились даже о дренажной системе, чтобы потоки дождевой воды не уничтожили результатов их труда. Был создан также искусственный пруд, служивший на безводной скале источником водоснабжения.

Но главным сокровищем Сигирии, благодаря которому этот памятник получил мировую известность, являются знаменитые наскальные фрески, обнаруженные в конце XIX в. Уже тогда эти произведения, созданные неизвестными художниками более 14 веков назад, вызвали удивление и восхищение.

Фрески Сигирии изображают прекрасных, необыкновенно изящных женщин. Они практически обнажены. Их тела золотистого и оливкового цвета прикрыты едва заметной, совершенно прозрачной вуалью – «чолис». Кожа светлая, профили греческие, хотя разрез глаз восточный. В красиво уложенных волосах, ушах, на руках, на шее – множество украшений. В тонких руках с длинными пальцами женщины держат цветы лотоса и плоды.

Сохранившиеся фрески находятся примерно на высоте 13 м. Для росписи художники использовали минеральные краски, которые наносились на слой сырой штукатурки. Преобладающие тона – коричневые, красные, светло-желтые – хорошо передают тепло живого тела, а умело подобранные полтона делают изображения объемными. При этом линии и краски остались такими чистыми, словно здесь работали наши современники.

В древности на скале находилось до 500 женских портретов. Ныне из них сохранилось всего около 20. Причиной гибели фресок стала высокая влажность: год за годом в сезон дождей осадки вызывают большие разрушения древних памятников. Сохранились только те, которые находятся под нависающим каменным карнизом, образующим полупещеру.

На людей, побывавших в Сигирии, ее вечно живые красавицы во все времена производили огромное впечатление. До сих пор идут споры о том, кто здесь изображен: небесные девы-апсары? Храмовые танцовщицы? Придворные дамы? Наложницы короля Кассапы? Светский характер портретов вроде бы исключает мысль о небожительницах – судя по драгоценным украшениям и пышным высоким прическам, перед нами представительницы знати. Однако загадочные женщины как будто парят в облаках, что позволяет задуматься все же об их небесной природе...

Так или иначе, но тайна фресок Сигирии остается неразгаданной.

Многие поколения поэтов вдохновлялись прекрасными образами женщин Сигирии. На протяжении полутора тысяч лет потрясенные посетители выражали свои чувства в многочисленных стихах и текстах, запечатленных на поверхности скалы. Сегодня в этой каменной «книге отзывов» насчитывается 685 одних только стихотворных произведений, относящихся в основном к VII–XI столетиям. Характерно, что в записях, оставленных женщинами, чувствуется неприкрытая зависть к красоте таинственных красавиц Сигирии. «Изображение юной женщины с глазами лани на горном склоне вызывает во мне возмущение. Она держит в руке ожерелье и всем своим видом бросает нам вызов», – написала в XI столетии одна из посетительниц. Зато мужчины на все лады восхваляют красоту женщин Сигирии, не стесняются признаваться им в любви и сожалеют о невозможности наяву встретиться с ними:

*Твоя красота поразила мое сердце.
Едва я увидел тебя, мои глаза стали
принадлежать тебе,
Ты похитила их навсегда.
Если ты не примешь любовь мою,
Значит, ты никогда не любила.
Ты отвергла царя, и возлюбленным твоим
стал каменный утес.
Люди проходят мимо тебя, проходят и уходят,
Оставайся же здесь, взирая на них холодным оком.*

*Женщины, подобные вам,
открывают сердце мужчин.
Ты тоже
тело волнуешь,
кровь наполняя желаньем.
Счастливый тот, кто видит
эти розовые пальцы, эти круглые плечи,
золото шеи, губы цвета меди
и длинные, длинные ресницы.*

*О сладкое создание
на горе, твои зубы, как драгоценные камни.
Сияет лотос твоих глаз
и тихо повествует мне о твоём сердце.*

*Увы, их время ушло:
сухие, как цветок,
упавший на скалу,
сердца красавиц,
чьи лики золотые
мой ум пленяют.*

Фрески Сигирии сегодня безоговорочно признаны величайшим памятником сингальской живописи. Без посещения Львиной скалы не обходится ни один из туристических маршрутов по Шри-Ланке.

Чудеса из чугуна

XIX век называют «веком чугуна». Именно в этот период чугун получил свое наибольшее распространение в строительстве, инженерных конструкциях, архитектурных сооружениях и т. д. Но начался «век чугуна» гораздо раньше – более чем за тысячу лет до этого, когда в Древнем Китае впервые был освоен метод выплавки чугуна. И эксперименты с этим новым, необычным в ту пору материалом привели к появлению настоящих чудес.

* * * Технологию выплавки чугуна впервые освоили китайцы – еще в IV в. до н. э. Один из методов получения чугуна состоял в следующем: железная руда укладывалась штабелями в вытянутые в форме трубы тигли, которые обкладывались каменным углем. Затем уголь поджигали. Такая технология наряду с прочими достоинствами исключала присутствие серы. Китайцам были также известны способы понижения температуры плавления железа: они добавляли в него так называемую «черную землю», в которую входило большое количество железистых фосфатов.

В III в. до н. э. китайцы открыли способ выплавки ковкого чугуна путем отжига, на протяжении недели подвергая его воздействию высокой температуры. Полученный таким методом чугун был менее хрупким и не раскалывался от резких ударов. По эластичности он напоминал ковкую сталь, но в то же время обладал гораздо большей прочностью и твердостью. Из такого чугуна китайцы даже отливали колокола.

Широкое распространение чугуна в Древнем Китае повлияло на многие сферы быта. Из чугуна делались лемехи для плугов, мотыги и другие сельскохозяйственные орудия. В обиходе китайцев появились чугунные ножи, топоры, стамески, пилы, шила. В горшках-чугунках готовили еду. Даже игрушки стали делать из чугуна. В гробницах периода династии Хань (II в. до н. э. – II в. н. э.) археологи обнаружили чугунные фигурки различных животных. Были также найдены чугунные формы для отливки различных предметов, например мотыг и топоров.

В XII–XIII вв. китайцы сооружали из чугуна самые причудливые конструкции. Некоторые из них настолько удивительны, что в их реальность невозможно поверить, даже увидев собственными глазами.

Например, чугунные пагоды. Необыкновенно легкие и изящные, эти металлические пагоды украшались гравировкой и чеканкой. Самое известное сооружение подобного рода – знаменитая «Железная пагода» в Даньяне (провинция Хубэй). Она построена в 1061 г., и ее высота составляет 13 м. Но, пожалуй, самым величественным сооружением из чугуна является восьмигранная колонна под названием «Небесная ось, знаменующая добродетель Великой династии Чжоу с ее сонмом земель». Она была воздвигнута по приказу императрицы У Цзэтянь в 695 г. на чугунном фундаменте, окружность которого составляет 51 м, а высота – 6 м. Сама колонна имела 3,6 м в диаметре и 32 м в высоту. На ее вершине был устроен «облачный свод» (высота – 3 м, окружность – 9 м), который, в свою очередь, венчали четыре бронзовых дракона, каждый высотой 3,6 м, поддерживающих позолоченную жемчужину. На сооружение этой конструкции пошло 1325 т металла.

*Размышляю о древней славе,
Вздыхаю о переменах новых времен,
Но Железный Лев все еще стоит,
В то время как руины дворцов
заросли ежевикой, —*

писал китайский поэт эпохи династии Цин (1644–1911). Воспеваемый им Железный Лев, более известный под названием «Великий лев Цзанчжоу», стоит и сегодня, и, чтобы увидеть его, в Цзанчжоу (провинция Хэбэй) стекаются толпы туристов.

Железный Лев – самое крупное в мире цельнолитое сооружение из чугуна (пагоды цельнолитыми не были). Он был воздвигнут по приказу императора Шицзуна (династия Чжоу) в честь его победоносного похода на монголов в 954 г. Высота этого необычного изваяния составляет 5,4 м, длина – 5,3 м, ширина – 3 м, а толщина стенок – от 4 до 20 см. Вес изваяния составляет 50 т. Его отливали по модели, выполненной в натуральную величину из глины, укрепленной деревянным или металлическим каркасом. Исследователи полагают, что первоначально «Великий лев» стоял в буддийском храме и служил пьедесталом для бронзовой статуи Будды, сидевшего на цветке лотоса. Эта статуя скорее всего была уничтожена уже при преемнике императора Шицзуна (ум. в 958 г.), когда в Китае началась кампания борьбы против буддизма. Дорогая и высоко ценившаяся в Китае бронза пошла на переплавку. Что же касается чугунного льва, то он благополучно пережил все невзгоды, хотя в 1803 г. сильнейшая буря изрядно потрепала его. Утративший хвост, с сильно измятой мордой и животом, лев был в 1984 г. тщательно отреставрирован и водружен на двухметровый железобетонный пьедестал, откуда теперь с философским презрением щурится на гомонящую внизу толпу зевак. Сегодня Железный Лев служит главной достопримечательностью Цзанчжоу, и даже местное пиво называется «Пивом Льва».

Колизей

В 75 г. н. э., при императоре Веспасиане из рода Флавиев, на месте искусственного озера в садах Золотого дома Нерона был заложен, а в 80 г. при императоре Тите окончен амфитеатр Флавиев – один из самых

выдающихся памятников эпохи Римской империи. Всему миру он известен под именем Колизей, от латинского слова «колоссеум» – колоссальный. Впрочем, это определение, как считают многие исследователи, первоначально относилось не к амфитеатру, а к стоявшей неподалеку колоссальной 30-метровой статуе императора Нерона, изображенного в образе бога Солнца.

* * *

Ко времени создания Колизея возведение подобных огромных зрелищных площадок с местами для публики не являлось для римских архитекторов и строителей чем-то новым. Большие амфитеатры уже были сооружены во многих городах империи, и имелся большой опыт их строительства. Однако Колизей намного превзошел все эти постройки. Восхищенный римский поэт Марциал называл его восьмым чудом света.

Амфитеатр Флавиев действительно поражает своими размерами. Его овальная арена имеет оси протяженностью 54 x 86 м. Длина осей здания – 156 и 188 м, высота наружной стены – 48,5 м. Колизей одновременно вмещал до 50 тысяч зрителей, которые через 80 входов и выходов могли быстро заполнять и освобождать места.

Это огромное сооружение было построено рабами, среди которых было множество пленных, привезенных в Рим после покорения Иудеи в 70 г. Сложнейшими работами, ведшимися день и ночь одновременно на нескольких строительных площадках, руководил архитектор Квинтий Атерий.

Археологические раскопки последних лет показали, что Колизей стоит на мощном, толщиной в 13 м, каменном фундаменте, который устроили, заполнив осушенный котлован искусственного озера бетоном, чем и объясняются необыкновенная прочность и долговечность амфитеатра. Конструкция Колизея гениальна и, как всегда бывает в таких случаях, проста. Внизу, подобно дну огромной чаши, покоится эллипс арены. От нее отходят 80 радиальных стен, пересекающихся семью кольцевыми, самая высокая из которых – внешняя. Радиальные и кольцевые стены составляют каркас конструкции, на который опираются ряды зрительских мест.

При строительстве Колизея были использованы самые различные материалы: сиденья были мраморными, концентрические стены – из травертина, радиальные – из туфа и бетона, некоторые арки – из кирпича. Наружная стена сложена из травертиновых блоков. Для облицовки применялись мраморные плиты и мозаичные панно.

Внутри амфитеатр имел три уровня: на первом, на широком подиуме, располагались ложа императора и мраморные кресла сенаторов. Далее шли три яруса мраморных скамей, предназначенных для граждан Рима. Еще выше располагались деревянные сиденья и галерея со стоячими местами – для всех прочих. В проемах арок второго и третьего ярусов стояли мраморные статуи. Четвертый, глухой этаж был достроен позднее, во II в. Суровый ритм бесконечно повторяющихся аркад придают зданию особое величие и монументальность.

В жаркие или дождливые дни над ареной натягивался тент, крепившийся на высоких мачтах. Арена имела деревянный, обычно засыпаемый песком (песок по-латыни – «арена», отчего площадка и

получила свое название) подвижный пол, который мог опускаться и подниматься. Иногда она заполнялась водой с помощью подходившего к зданию рукава акведука, и тогда на арене Колизея устраивались морские сражения. Размеры арены Колизея позволяли одновременно выпускать на нее до 3000 гладиаторов.

Открытие Колизея праздновалось 100 дней. На арене нового амфитеатра было убито множество гладиаторов и 5000 диких зверей. Помимо простых боев здесь устраивались сцены охоты с использованием соответствующих декораций, которые с помощью специальных сооружений из подземных галерей поднимались на поверхность деревянной арены.

В 249 г., во время празднеств по поводу 1000-летия Рима, на арене Колизея погибли тысячи гладиаторов, 40 диких лошадей, 20 диких ослов, 60 львов, 10 тигров, 30 леопардов, 10 жирафов, несколько зебр, 32 слона и 6 гиппопотамов. Эти кровавые зрелища были запрещены императором Гонорием в 405 г. Поводом для этого послужил поступок христианского монаха Телемаха, который бросился на арену, чтобы остановить убийство, и был растерзан разъяренной толпой, жаждавшей зрелищ.

После падения империи Колизей долгое время находился в запустении и постепенно разрушался. В Средние века он использовался как феодальный замок, а однажды его приспособили для изготовления селитры. В эпоху Возрождения из амфитеатра в огромном количестве вывозились каменные плиты и блоки для строительства дворцов, храмов и гробниц. В дальнейшем развалины амфитеатра стали убежищем для бродяг и бездомных. Руины Колизея так буйно заросли, что один английский ботаник даже написал научный труд в двух томах под названием «Растения Колизея».

От окончательного разрушения Колизей спас в XVIII в. папа Бенедикт XIV, объявив это место святым из-за пролитой на арене Колизея крови множества христианских мучеников, растерзанных по приказу языческих императоров. На подиуме Колизея был водружен крест и поставлено 12 алтарей, к которым на Пасху ежегодно совершается торжественная процессия. Каждый год на Страстную пятницу папа римский во главе тысяч христиан-католиков проходит здесь крестный путь, вспоминая о страданиях Христовых. В последнее время в этой торжественной процессии у древних стен Колизея принимают участие все больше верующих других христианских конфессий.

Колизей стал символом Рима. И хотя от древнего сооружения до наших дней сохранилось менее половины, оно по-прежнему производит впечатление мощи и несокрушимости. Жители Рима говорят: «Покуда стоит Колизей, будет стоять и Рим, а когда падет Колизей, падет Рим, а с ним и весь мир».

Римские акведуки

Ничто лучше не говорит о характере устройства древнеримских городов, как акведуки. «Акведуки – главное свидетельство величия Римской империи», – утверждал сенатор Юлий Фронтин, заведовавший в начале II в. водоснабжением Рима. Чистая вода из горного источника, как известно, во все времена считалась лучшей питьевой водой. Широкое распространение в римских городах бань – терм, общественных и частных, также требовало много воды.

Необходимость снабжения огромного, с миллионным населением, Рима водой заставляла создавать каналы, шлюзы, резервуары для регулировки воды, длинные акведуки. Эта традиция вскоре распространилась по всей Римской империи. Везде, в Галлии и во Фракии, римляне старались создать максимальные условия комфорта. Каждый римский город обязательно обеспечивался водой в нужном количестве не только для питья, но и для терм (бань), как общественных, так и частных. Вода бралась из колодцев, но большей частью доставлялась из горных источников водопроводами. Там, где на дороге встречались овраги, ущелья или склоны холмов, сооружались каменные арочные акведуки. Эти чисто утилитарные постройки римлян того времени свидетельствуют о высоком уровне их мастерства и достижениях инженерной мысли.

Первый акведук появился в Риме еще в IV в. до н. э., а к III в. н. э., когда население города превысило миллион человек, Рим снабжало водой уже 11 огромных акведуков. Юлий Фронтин гордо заявляет, что «нельзя сравнивать их каменные громады с бесполезными пирамидами Египта или с самыми прославленными, но праздными сооружениями греков».

В I в. н. э. в Риме был воздвигнут грандиозный и прекрасный в своем величии акведук императора Клавдия. «Ничего более удивительного не было на всем земном шаре», – писал о нем видный римский ученый Плиний Старший. Старый акведук Марция, обходивший возвышенности и овраги, имел длину 90 км. Акведук Клавдия, достигавший высоты 27 м, благодаря многим мостам и тоннелям был короче на 30 км. Акведук пересекал сближающиеся около Рима и идущие у городской стены почти рядом Лабиканскую и Пренестинскую дороги. В этом месте под акведуком были сооружены огромные двухпролетные ворота, называемые Порта Маджоре. Сложенные из грубых блоков травертина, они производят впечатление особенной мощности.

Замечательным инженерным и в то же время художественным памятником II в. н. э. является знаменитый акведук через реку Гард на юге Франции, носящий современное название Пон-дю-Гар – Гардский мост.

Гардский акведук был построен для снабжения водой г. Ним (Немаус) – одного из центров богатой и процветающей римской провинции Галлии. Это величественное и гармоничное сооружение является единственной сохранившейся частью протянувшегося на 50 км Нимского акведука. В Ним вода бежала с возвышенности по водопроводным трубам протяженностью до 30 км. Препятствием для прокладки труб водопровода явилась река Гард. Через нее, в 22 км от Нима, и был построен мост в виде трехъярусной аркады высотой 49 м.

Это замечательное инженерное сооружение было создано в конце I в. до н. э. Замысел его строительства связывают с именем римского полководца Марка Агриппы – зятя и ближайшего помощника императора Октавиана Августа.

Длина моста составляет 275 м. Он состоит из трех арочных ярусов. Первый ярус состоит из шести арок, пролеты которых имеют ширину от 16 до 24 м. Центральная арка, соединяющая берега реки, имеет пролет в 24,4 м. Над первым ярусом расположен второй, насчитывающий 11 арок такого же размера. Третий, верхний, ярус, несущий водоводную трубу, состоит из

35 значительно меньших (4,6 м) арок.

Гардский мост – идеальный образец кладки из тесаного камня.

Особую сложность для строителей представляла кладка арок.

Особенностью сооружения является то, что тщательно подогнанные каменные блоки, подобно многим лучшим римским постройкам, были уложены без известкового раствора. На 8-й арке второго яруса начертано имя «Вераний». Возможно, так звали архитектора, строителя моста.

Выстроенный из золотистого камня мост Пон-дю-Гар – прекрасное создание человеческой мысли, объединившей инженерный расчет и требования эстетического вкуса. «Вид этого простого и благородного сооружения, – писал Жан Жак Руссо, – поразил меня тем сильнее, что оно находится среди пустыни, где тишина и одиночество делают памятник еще более потрясающим, а восхищение им более сильным». До сих пор Гардский мост используется как переправа через реку. Красота, ритмичность его аркад, удачное размещение их по ярусам еще более подчеркиваются гармонией с окружающим пейзажем.

В Испании, в г. Сеговия, сохранился акведук, достигающий высоты 30 м. Это одно из самых грандиозных сооружений римской эпохи. Сложенный из насухо уложенных блоков гранита, он производит неотразимое впечатление. Точная дата постройки акведука неизвестна, вероятнее всего, это конец I – 1-я половина II в. н. э., времена правления императоров Веспасиана и Траяна. По акведуку в Сеговию поступает вода из реки Риофрио, и его протяженность составляет 17 км. Огромный, 728-метровой длины пролет, опирающийся на 119 арок, переброшен над предместьями старого города. Другой пролет, 276-метровой длины и высотой 28,9 м, поддерживаемый двумя рядами аркад, пересекает городской центр. Первоначально вода из акведука поступала в большую цистерну, носившую название Касерон, а уже оттуда распределялась по системам городского водопровода.

В XI столетии акведук был частично разрушен маврами, но в XV в. восстановлен. До сих пор это сооружение римской эпохи снабжает водой кварталы Сеговии.

В Северной Африке акведук длиной в 23 км, ведущий в г. Цезарею, имел в отдельных участках аркатурные мосты в три яруса. В нумидийский г. Мактар вода бежала за 9 км, а в Карфаген – за 80 км. Обильное снабжение городов водой позволило строить обширные общественные термы с большими бассейнами не только для купания, но и для плавания, а на площадях устраивать великолепные фонтаны, украшенные статуями.

Пальмира

Из всех многочисленных памятников Сирии наибольшей известностью пользуются руины Пальмиры. Название этого города давно уже стало нарицательным (например, Северной Пальмирой называли Санкт-Петербург). Величественные храмы, гробницы и колоннады Пальмиры поражают воображение и соперничают с самыми знаменитыми сооружениями античной Греции и Италии.

*** В 271 г. Рим торжественно встречал вернувшегося из Сирийского похода триумфатора – императора Аврелиана. Тяжелым маршем шли покрывшие себя славой на полях сражений легионы, под ликование римлян загорелые воины несли

захваченные в боях трофеи. А за триумфальной колесницей императора шла в золотых цепях плененная Зенобия – царица легендарной Пальмиры, могущество которой было повергнуто в прах непобедимыми римскими легионами...

Пальмира – древний город в Тадморском оазисе, в сердце Сирии. Люди избрали это место неслучайно: на долгом караванном пути от морского побережья к Евфрату среди бесплодных каменистых холмов и песка лишь здесь пробиваются водные источники. Один из них, сернистый источник Эфка, считался в древности священным. Археологические раскопки показали, что поселение здесь существовало еще в конце III тысячелетия до н. э.

Первое упоминание о Пальмире (под именем Тадмор, которое и сейчас носит расположенное близ древних руин арабское селение) встречается в вавилонских клинописных текстах XIX в. до н. э. Потом более тысячи лет об этом городе упоминаний нет. Снова это имя появляется во времена первых ассирийских завоевателей. В ту пору в Тадморском оазисе жили арамеи. Они наряду с арабами и образовали ядро населения Пальмиры.

К I в. н. э. Пальмира превратилась в крупнейший торговый и культурный центр. Она была главным звеном в торговле Востока и Запада: здесь, на границе безводной пустыни, кончалась благоустроенная дорога от побережья и начиналась кратчайшая караванная тропа к Евфрату. Здесь останавливались на отдых караваны из Аравии, Персии, Индии и даже из Китая. Разноплеменные торговцы приносили здесь жертвы своим богам. В городе к тому времени существовало множество храмов, посвященных самым различным божествам: Баалу, Хададу, Атаргатис, Иштар, Набо, а также Арсу и Азизу – покровителям караванщиков. Помимо богов, купцы из далеких стран привозили в город самые разнообразные товары. Пальмира быстро богатела и, расположенная между двумя могучими соперниками – Римом и Парфией, – успешно извлекала выгоды из своего транзитного положения.

Богатство города неудержимо притягивало к себе взоры соседей. В 41 г. до н. э. Пальмиру безуспешно пытался захватить римский полководец Марк Антоний, которому нужны были деньги для борьбы с Октавианом Августом. Вскоре после 40 г. до н. э. Антоний все же захватил и разграбил Пальмиру. При императоре Тиберии, преемнике Августа, город вынужден был платить дань римлянам. Тогда же древний Тадмор и получил название Пальмира – «Город пальм». При римлянах здесь были проложены хорошие дороги и упорядочены торговые сношения, что принесло Пальмире новое процветание.

Примерно в 200 г. н. э. Юлия Домна, дочь жреца из сирийского г. Эмессы (ныне Хомса), стала супругой римского императора Септимия Севера. Он освободил Пальмиру – возможно, из любви к своей жене – от поземельного налога. Сестре его жены, Юлии Месе, с помощью интриг удалось посадить на римский трон своего внука Гелиогабала. После того как его убили, императором стал сириец Александр Север. Он и его преемники способствовали – под влиянием своих сирийских жен или по причине собственного сирийского происхождения – развитию Сирии и приложили много усилий для дальнейшего расцвета Пальмиры.

Пик могущества Пальмиры приходится на II – III в. Значение города резко возросло в ходе борьбы между Римом и преемниками парфян – Сасанидами. А после того как император Валерий, потерпев поражение в битве с Сасанидами, был взят в плен, судьба восточных провинций Рима стала уже полностью зависеть от Пальмиры.

В то время в городе правила династия царей арабского происхождения. Самый выдающийся представитель этой династии, царь Оденат, прозванный Великим, в 260 г. отважился даже напасть на своих могущественных восточных соседей – Сасанидов. Ему удалось разбить их армию и осадить их столицу Ктесифон (близ современного Багдада). Благодарность не заставила себя ждать: за победу над персами римский император Галлиен пожаловал Оденату титул «императора и восстановителя всего Востока», а Пальмира вновь обрела независимость.

В роли «спасителя Рима» Оденат чувствовал себя довольно уверенно, но тем не менее он был достаточно умен, чтобы не перегнуть палку. Его стремление продемонстрировать свое превосходство перед другими правителями граничило с осмотрительностью – как бы не спровоцировать Рим. Поэтому он велел именовать себя не императором, а всего лишь «царем царей» – по древней восточной традиции.

Оденат оставался неограниченным владыкой Сирии до 267 г., когда он был убит в Эмессе. И тут настало великое время для Зенобии, его жены. Арабы называли ее Зубайдат – «женщина с прекрасными, густыми и длинными волосами». Современники прославляли ее совершенную красоту, храбрость, мудрость и энергию. При ней Пальмира пережила последний период своего расцвета.

Однако если Оденату Рим был обязан спокойствием на своих восточных границах, то Зенобии он не был обязан ничем. Римский император Галлиен отказался признать за малолетним сыном Одената право на императорский титул. Зенобия, установившая к тому времени господство почти над всем Востоком, не вынесла такого оскорбления. Она отвергла претензии Рима на территории, завоеванные ее покойным мужем в борьбе против Сасанидов, а когда император попытался добиться своего силой, войска Зенобии разбили римские отряды. Мало того: воспользовавшись нападением готов на Рим, Зенобия отправила своего полководца Забду завоевывать территории, остававшиеся под римским контролем, – Египет и Малую Азию. Забда успешно справился со своей задачей: римляне были разбиты, и обе провинции вошли в состав Пальмирского царства. Отныне Зенобия становилась владычицей всего Востока – от Евфрата до Нила и от песков Аравии до Анатолии.

Однако, в отличие от мудрого Одената, у Зенобии отсутствовало чувство меры. Она провозгласила себя Августой, а сына своего нарекла Августом – титулом, который мог принадлежать только римской императорской чете. Тетива натянулась до предела. А когда Зенобия начала чеканить собственные монеты с изображением себя и своего сына, эта тетива лопнула.

В 271 г. император Аврелиан прервал все переговоры с послами Зенобии и выступил в поход. Один из римских отрядов высадился в Египте, а главные силы во главе с императором начали наступление в Малой Азии.

У стен Антиохии пальмирская армия была разбита. Аврелиан преследовал ее до Эмессы. Здесь Зенобия, лично руководившая своими войсками, потерпела полное поражение.

Она бежала в Пальмиру. Аврелиан шел за ней по пятам. Римские легионы осадили город. Предложение капитулировать Зенобия отклонила и спешно принялась за усиление оборонительных сооружений. На помощь царице выступили племена кочевников-бедуинов, но римляне без труда отбили их натиск. И все же Зенобия не сдавалась. Она попыталась пробраться к заклятым врагам римлян – Сасанидам, чтобы просить у них помощи. Ее план чуть было не удался. В сопровождении верных людей она верхом на верблюде через пустыню добралась до Евфрата. Однако здесь Зенобию настиг римский отряд. Царицу опознали, схватили и доставили в лагерь императора. Пальмира капитулировала...

Город умирал долго. После разгрома, устроенного Аврелианом, здесь размещался римский гарнизон. При императоре Диоклетиане, на рубеже III–IV вв., в Пальмире возобновилось строительство, которое, однако, носило в основном военно-оборонительный характер. На огромной площади в 30 тысяч кв. м раскинулся лагерь римских войск, получивший название лагеря Диоклетиана. Вновь отстроенные оборонительные стены ограждали значительно меньшую, чем ранее, территорию, так как население города к этому времени резко сократилось. Сооружение римского лагеря стало последним этапом в истории города.

При византийцах Пальмира еще существовала как незначительный пограничный пункт, а при арабах она уже пришла в полный упадок. Постепенно пески пустыни занесли остатки бывшего величия города.

Развалины Пальмиры стали известны только в XVII в. Сначала случайно попавшие сюда купцы и путешественники, а со второй половины XIX в. – научные экспедиции познакомили европейцев с этим вызывавшим удивление и восхищение городом. Раскопки Пальмиры начались в 1920-х гг. и продолжаются до сих пор. Сегодня комплекс руин этого древнего города включен в список всемирного исторического наследия ЮНЕСКО.

Сохранности построек Пальмиры во многом способствовало их местоположение среди песков пустыни, вдали от больших городов и переместившихся к югу торговых путей. Развалины Пальмиры расположены в котловине меж отрогов холмов Джебель-Хаяне и Джебель-эль-Карр. Город имеет очертания эллипса, протянувшегося с юго-востока на северо-запад. Его длина составляет около 2 км, ширина вдвое меньше. Хорошо сохранились оборонительные стены, в кольцо которых расположены главные памятники города. Строительными материалами для городских построек послужили желтый песчаник, белый кристаллизованный известняк и розовый асуанский гранит, привозившийся из Египта.

Ко времени римского завоевания сложились два исторических центра Пальмиры: культовый на востоке и торговый на западе. Их связывала древняя караванная дорога. Впоследствии на месте этой дороги была проложена главная улица города, известная под именем Большой колоннады. Это – архитектурный символ Пальмиры, сердце древнего города и его главная достопримечательность.

Большая колоннада протянулась с юго-востока на северо-запад, от храма Бела до так называемого Надгробного храма. Этот великолепный проспект сооружался на протяжении многих десятилетий, а его закладка совпадает с визитом в Пальмиру римского императора Адриана в 129 г. Очевидно, пальмирцы постарались к этому событию украсить свой город.

Обычно центральные магистрали римских городов были идеально прямыми. Большая колоннада Пальмиры стала исключением: сохраняя основное направление, она дважды слегка изгибается. Это объясняется тем, что магистраль следовала за направлением старой караванной дороги и подчинялась уже существовавшей ранее городской планировке.

Общая длина улицы достигает 1100 м, ширина проезжей части — 11 м. По обеим сторонам ее тянулись крытые портики с двумя рядами колонн из золотистого известняка и розового асуанского гранита. Подобные колоннады были типичным украшением римских городов. Но нигде, кроме североафриканского г. Тимгада (Тамугади), они не сохранились так хорошо, как в Пальмире.

Колонны Большой колоннады, включая фундамент и капители, достигают высоты 10 м. Поверхность колонн, особенно в нижней их части, сильно повреждена. Это — результат многовековой работы песка, приносимого ветром из Сирийской пустыни. Местами стройный ряд колонн прерывается красиво вписанными в него полукруглыми арками — они отмечают начало отходивших от Большой колоннады боковых улиц города. Западный участок дороги заканчивается четырехсторонней аркой-тетрапилоном, отмечавшей место пересечения главной улицы с наиболее важными боковыми магистралями. На каждом из четырех углов перекрестка возвышаются установленные на высоких цоколях колонны из розового асуанского гранита, привезенные в Пальмиру из Египта.

Украшением центрального участка Большой колоннады служит монументальная триумфальная арка, построенная около 200 г. Ее скульптурное убранство отличает особая пышность. Далеко не все его детали сохранились, но и в настоящем своем виде триумфальная арка является одним из наиболее впечатляющих сооружений Пальмиры. Она поставлена с таким расчетом, что через ее пролеты открывается эффектный вид на храм Бела. Последний участок Большой колоннады сворачивал от арки на юг и подводил к входу в это святилище.

Храм Бела (Баала) — местного верховного божества, повелителя неба, грома и молнии, аналога древнегреческого Зевса, был главной святыней города. Это самое большое сооружение Пальмиры. Его постройка завершилась в 32 г. н. э. Обширный комплекс некогда состоял из двора, обнесенного оградой, ритуальных бассейнов, алтарей и собственно храма. К входу в святилище вели широкие ступени и пологие пандусы, предназначавшиеся для жертвенных животных. Вход оформляли восьмиколонные пропилеи с традиционными для восточной архитектуры башнями по сторонам.

Руины храма возвышаются посередине почти квадратного, окруженного колоннадами двора. Наряду с элементами греко-римского архитектурного стиля в его облике ощущается влияние восточных традиций: римские архитектурные формы сочетаются с восточной пышностью и грандиозностью. К сожалению, исчезли бронзовые капители,

некогда увенчивавшие 20-метровой высоты колонны: руины храма еще в древности не раз подвергались разграблениям. Позднее арабы использовали храм в качестве крепости в борьбе с крестоносцами, и здание сильно пострадало. Однако и сейчас, с полуразрушенной колоннадой, лишенный скульптурного убранства, храм поражает монументальностью и величием облика, совершенством пропорций.

Второй по значению храм Пальмиры посвящен Баалшамину. Это божество почиталось во всей Сирии. Его называли владыкой небес, божеством благодетельным, посылающим дождь. Храм Баалшамина был освящен в 131 г., как начертано на одной из его колонн. Он представляет собой типично римскую постройку, с глубоким шестиколонным портиком, колонны которого некогда украшали статуи. Сравнительно небольшой по размерам, этот храм производит монументальное впечатление благодаря своим массивным формам. Совершенством пропорций, гармонией и особой величественностью он превосходит храм Бела. Перед храмом стоял древний алтарь с посвятительной надписью на греческом и арамейском языках.

Святилища Бела и Баалшамина – не единственные культовые постройки в Пальмире. Но только два этих храма сохранились почти полностью и дают ясное представление о пальмирских храмовых постройках.

Вдоль Большой колоннады располагалось множество крупных общественных сооружений. Прямо за триумфальной аркой, слева от колоннады, находится святилище сирийского бога Набо – аналога греческого Аполлона. Прямоугольный храм, построенный в I в. н. э., окружала торжественная колоннада с шестью колоннами на торцовых и двенадцатью – на боковых сторонах. Стены портиков украшали росписи. От этого храма сохранился лишь высокий подиум с лестницей, на котором видны основания колонн.

Напротив храма Набо возвышаются руины огромных терм, сооруженных, как гласит сохранившаяся надпись, Сосианом Гиероклом, наместником Сирии при императоре Диоклетиане. Однако археологи установили, что при Диоклетиане была произведена лишь реконструкция терм, а само здание сооружено на 100 лет раньше. Своими размерами и богатством убранства термы Пальмиры не уступали знаменитым римским термам, но сегодня от них уцелели только портик с монолитными колоннами из порфира и прямоугольный бассейн, в который спускались по каменной лестнице. Термы снабжались водой из источника, расположенного к северо-западу от города. Сохранилась часть шедшего оттуда водопровода.

За храмом Набо располагается здание пальмирского театра. Он не такой большой, как другие театры античного времени, но отличается особенной изысканностью в оформлении. С западной стороны к театру примыкают руины пальмирского Сената. Рядом с ним расположен вход на агору – прямоугольную, окруженную портиками площадь, служившую рынком и местом городских собраний. Здесь с особой трибуны ораторы обращались к своим слушателям, сообщали о последних событиях и оглашали указы городской администрации. Отсюда представители Сената, правившего Пальмирой до начала II в., оповещали народ о своих решениях.

Агора окружена различными по величине сооружениями. Одно из них, с массивными стенами и широкими дверями, было, очевидно, караван-сараям. Неподалеку от агоры была найдена огромная плита-стела длиной почти 5 м, относящаяся к 137 г. н. э., – знаменитый «Пальмирский тариф». Стела содержит написанные на греческом и арамейском языках решения Сената о налогах и тарифах, которыми облагался город, например за пользование водой из источника. Эта плита, обнаруженная в 1881 г. русским путешественником Абамелек– Лазаревым, хранится теперь в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург).

Самое позднее из сооружений Пальмиры – лагерь Диоклетиана. В его центре была устроена площадь, на которой ныне возвышаются руины храма Знамен, где когда-то хранились боевые знамена римских легионов. От храма уцелели задняя стена, монументальная лестница в 16 ступеней, нижние части стен и большое число богато орнаментированных блоков, обрамлявших дверные проемы. Надпись над входом сообщает имя строителя лагеря Диоклетиана – Сосиана Гиерокла.

Лагерь Диоклетиана вплотную примыкает к крепостным стенам. За ними начинаются окружающие город холмы, на самом высоком из которых возвышается средневековая арабская крепость Калаат Ибн-Маан. Для постройки ее стен и башен использовались остатки пальмирских зданий. От крепости открывается великолепный вид на развалины древнего города.

На склонах окружающих Пальмиру холмов возвышаются полуразрушенные башни. Это – городской некрополь, где сохранилось множество древних гробниц. Их величественные башни, достигающие 20 м в высоту, придают пейзажу особую торжественность. Подобных погребальных сооружений нет в других районах Сирии. Как установили археологи, самые древние башни в некрополях Пальмиры были воздвигнуты над обширными подземными гробницами – гипогеями. Такие гробницы служили общей усыпальницей многим поколениям одного рода, а иногда даже сдавались внаем.

Развалины Пальмиры с ее колонными улицами, базиликами, алтарями и гробницами, наверное, можно считать классическим образцом древнего города – таким, каким его традиционно рисует воображение: громадные глыбы храмов, обломки погребальных сооружений, поросшие травой ступени амфитеатров, полуразвалившиеся ионические и коринфские колонны, устремленные в небо, валяющиеся на земле расколотые капители, выщербленные ниши с пьедесталами для скульптур, разбитые барельефы... Время было безжалостно к древнему городу. Долгое время служившие лишь пристанищем шакалов, руины Пальмиры сегодня известны на весь мир и обрели вторую жизнь, став одним из крупнейших туристических центров Ближнего Востока.

Дворец императора Диоклетиана в Сплите

Римский император Диоклетиан (род. в 243 г., правил в 284–305 гг.) был выходцем из Далмации (современное Адриатическое побережье Хорватии). Вскоре после утверждения на троне Диоклетиан избрал себе соправителя – Максимилиана, отдав ему в управление западную часть империи, а себе оставив восточную. Тем самым фактически было положено начало разделению Римской империи на Восточную и Западную.

В 305 г. Диоклетиан совершил поступок, крайне необычный не только для римских императоров, но и для монархов вообще: он добровольно оставил трон и уехал из Рима в родную Далмацию. Здесь по его приказу близ приморского г. Салоны, в местечке Аспалатос, располагавшегося на месте современного Сплита (Хорватия), был построен грандиозный, хорошо укрепленный дворец-крепость, в котором бывший правитель Римской империи провел последние годы жизни (305–308 гг.), окружив себя неслыханной роскошью.

«Император Диоклетиан основал город Аспалат и построил в нем дворец, превышающий всякое описание, которого остатки носят следы древнего величия, хотя они уже почти стерты веками», – писал в X в. византийский император и историк Константин Багрянородный.

Выбор места для строительства дворца был обусловлен тем, что в нескольких километрах от его резиденции находился г. Салона, где Диоклетиан родился. После смерти Диоклетиана дворец был заброшен. Последующие римские императоры бывали здесь редко, только один из последних императоров, Юлий Непот, жил здесь какое-то время уже после падения империи.

В V в. в результате опустошительных набегов варваров были разрушены окрестные римские селения. Спасаясь от набегов, уцелевшие жители этих городов переселились на территорию огромного и пустовавшего тогда дворца-крепости. За короткий срок он превратился в город с населением около 4000 человек. При этом постройки дворца подверглись значительной реконструкции – их приспособляли под нужды городского населения. В результате, по словам одного из путешественников, «множество почтенных обломков прошлого было принесено в жертву повседневной жизни». В XIII–XIV вв. разросшийся город вышел за крепостные стены, и дворец превратился в своеобразный город в городе – в Средние века в нем было сооружено более 250 домов, буквально втиснутых внутрь стен бывшей императорской резиденции и разделенных лабиринтом узких улочек.

Интерес исследователей к остаткам громадного античного дворца пробудился лишь в эпоху Ренессанса. Как полагают исследователи, дворец Диоклетиана во многом явился источником вдохновения для Андреа Палладио – крупнейшего итальянского зодчего XVI столетия, на чье творческое наследие в последующие времена опирались многие ведущие мастера архитектуры европейского классицизма.

В 1764 г. в Сплите побывал английский архитектор Роберт Адам, который впервые зарисовал и опубликовал многочисленные виды дворцовых зданий и его архитектурные детали.

Детальные обмеры и исследования памятника произвел немецкий архитектор Г. Ниман в начале XX в. В 1910 г. он опубликовал свой вариант реконструкции фасадов дворца. Позднее другие немецкие ученые, Е. Хеббард и И. Зейлер, создали полную реконструкцию дворца Диоклетиана, которая сегодня принята как наиболее достоверная. Огромные реставрационные работы, ведущиеся здесь в течение долгого времени, позволили сделать многие новые открытия.

Дворец Диоклетиана – первый в истории Европы замок– резиденция владетельной особы. Именно этот тип постройки лег впоследствии в основу всех замков европейского Средневековья. Прямо из моря поднимались белоснежные, сверкающие на солнце стены и башни грандиозного дворца-крепости. Он был сооружен из плотного кристаллизированного известняка, добывавшегося на острове Брач. Южная стена служила морским фасадом дворца Диоклетиана и была особенно нарядно украшена. По ее верху шла широкая крытая галерея – место для прогулок и отдыха императора. В центре стены были устроены маленькие скрытые ворота, к которым можно было подъехать только на лодке.

Со стороны суши дворец выглядел неприступной крепостью. Его гладкие белые стены поднимались на высоту от 18 до 25 м. Эти стены одновременно являлись и внешними стенами самого дворца. Наверху тянулся ряд больших окон, которые освещали галерею для стражи, помещавшуюся в двухметровой толще стены.

По углам дворца-крепости располагались четыре мощные четырехгранные башни. Шесть восьмигранных башен защищали въезды во дворец. До нашего времени их сохранилось только три. Главные, Золотые ворота, располагались в центре северной стены. К ним подходила главная дорога, ведущая из Салоны. Высота проезжей части ворот достигала 6,5 м, ширина – 4,17 м. На восточной стороне расположены Серебряные ворота, на западной – Железные. До наших дней они сохранились лучше других. Над въездной аркой уцелел фрагмент рельефа с изображением богини победы Виктории.

Территорию дворца строители распланировали в соответствии с римской градостроительной традицией, восходящей к планировке римских военных лагерей. Две главные улицы – «кардо» и «декуманум» – пересекались в центре под прямым углом, образуя четыре квартала. С обеих сторон на всем своем протяжении эти улицы были обрамлены стройными аркадами.

Северную часть дворца занимали казармы. Здесь располагался гарнизон и личная охрана императора. Тут же размещались склады продовольствия и подсобные хозяйственные помещения. В южной части, обращенной к морю, находились пышно украшенные личные покои Диоклетиана, включавшие большое число комнат, библиотеки, купальни и пр.

Перед главным входом во дворец располагался сохранившийся до нашего времени Перистиль – огромный (24 x 3,4 м) прямоугольный открытый зал, обрамленный колоннадой из гранитных и мраморных колонн с коринфскими капителями. При Диоклетиане здесь устраивались различные празднества и торжественные церемонии. В южной части Перистиля находится парадный вход во дворец. Он оформлен в виде портика с четырьмя колоннами из темно-красного гранита, сооруженного на высоком подиуме с двумя симметричными лестницами. Вероятно, когда-то его увенчивала бронзовая квадрига с богиней Победы. У колонн лежит гранитный сфинкс. По преданию, он и другие сфинксы (несохранившиеся) были привезены из Египта, где украшали гробницу Тутмоса III.

Вход через портик Перистиля ведет в Вестибюль – большой круглый зал с куполом. Некогда это был один из парадных залов дворца – с

мраморной облицовкой и мозаичным полом. Вестибюль вел в личные апартаменты императора, убранство которых отличалось неслыханной роскошью. Стены были облицованы мрамором различных цветов, полы покрыты мозаичным узором. Комнаты украшали дорогие редкие ткани, мраморные скульптуры, вазы. Многие из этого было привезено из восточных стран или взято из греческих храмов и дворцов. К сожалению, от этого великолепия ничего не сохранилось: значительная часть покоев императора была разрушена или перестроена в последующие века.

Мавзолей Диоклетиана расположен у самого Перистилия. В свое время это было самое высокое сооружение ансамбля, но сейчас он ушел в землю и кажется более низким и приземистым. Здесь был погребен император Диоклетиан.

Мавзолей – суровое, восьмиугольное в плане сооружение высотой около 20 м. Его суровость несколько смягчает охватывающая его кольцом легкая колоннада. Высота высеченных из темного мрамора колонн составляет 6 м, они резко контрастируют со сложенными из белого камня (от времени он приобрел желтоватый цвет) стенами Мавзолея. Внутри – большой круглый зал с куполом, опирающимся на двухъярусную колоннаду. В каждом ярусе по восемь колонн: в нижнем – из розового гранита, высотой 9 м, в верхнем – из красного порфира, высотой 5 м. По всему периметру стены тянется рельефный фриз с изображениями сцен охоты Эраста. В него включены медальоны с изображениями Диоклетиана и его жены Приски, а также бога Гермеса в крылатой шапочке, провожавшего души умерших в подземное царство Аида.

Некогда зал был богато украшен мозаикой. Мерцающая в полумраке, она придавала залу особую таинственность. В его центре возвышался надгробный памятник над могилой Диоклетиана, изготовленный из красного порфира.

В 653 г. Мавзолей был обращен в кафедральный собор Святого Доима. В это время надгробие Диоклетиана было сломано, а в XIII в. рядом с Мавзолеем была возведена высокая стройная колокольня.

Современный Сплит известен как туристический и курортный центр Адриатического побережья. Его античные и средневековые памятники, в том числе и знаменитый дворец Диоклетиана, внесены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Термы Каракаллы

В III–IV вв. н. э. в Риме велось строительство грандиозных бань – терм. Во многом оно было вызвано необходимостью занять чем-нибудь досуг огромных масс римского плебса, мало склонного к созидательному труду, но неуклонно требовавшего «хлеба и зрелищ». Не зная, чем еще усладить свою плоть, римляне большую часть своего времени проводили на форумах, в цирках и театрах, лупанариях (публичных домах), палестрах (гимнастических залах). Чем меньше оставалось потребностей для души, тем больше желаний имело тело. Если эти желания не удовлетворялись, плебс затевал мятежи. Это вынуждало империю всячески удовлетворять растущие потребности римских граждан – устраивать гладиаторские бои, звериные травли, бесплатные раздачи хлеба и сооружать гигантские термы, где мог развлекаться простой римлянин, не имевший собственной виллы с бассейном.

К IV в. в Риме насчитывалось 12 больших императорских терм и несколько сотен частных бань. Все они служили местами отдыха и развлечений. Посещение терм являлось частью повседневной жизни большинства римлян.

В 206 г., при императоре Септимии Севере, в Риме были заложены огромные общественные термы, оконченные уже при императоре Каракалле (216 г.). Местом для их сооружения была избрана зеленая долина у подножия Авентинского холма. Термы Каракаллы, вторые по величине после терм Диоклетиана, были предназначены для обслуживания густонаселенной территории Авентина и прилегающей портовой зоны, где жило многонациональное население.

Это был сложный комплекс сооружений, раскинувшийся на площади в 12 га. Размер главного здания терм, стоящего на искусственной террасе, составлял 216 x 112 м. Его руины и сейчас поражают своей грандиозностью.

Помещения терм, объединенные общим архитектурным замыслом, имели разнообразную в плане форму: квадратные, прямоугольные, круглые. Их перекрытия также были самыми разнообразными: плоскими, купольными, сводчатыми. Огромные залы соседствовали с совсем небольшими. Вся это искусно скомпонованная архитектура создавала множество впечатляющих эффектов. Строители терм широко использовали колоннады, сквозь которые открывались неожиданные живописные виды. Залы терм заливало солнце, их украшали цветной мрамор, драгоценные металлы, многокрасочные мозаики, прозрачное стекло, яркие многоцветные камни. Мозаики покрывали не только полы, но и своды. По стенам шли резные рельефные узоры. В залах стояли многочисленные мраморные скульптуры, некоторые из которых достигали гигантских размеров.

В просторных залах терм Каракаллы могли одновременно мыться более полутора тысяч человек. Несколько входов вели в залы для раздевания и в холодную баню – фригидарий. Затем располагался главный зал площадью 2700 кв. м, богато украшенный мозаиками, позолотой и мраморными статуями. Его своды опирались на восемь мощных колонн, через высоко расположенные круглые окна падали снопы солнечного света. Пройдя этот зал, можно было попасть в теплую баню – тепидарий – и далее в расположенную в круглом помещении горячую баню – кальдарий. Справа и слева от этих залов располагались вестибюли, бассейны, залы для раздевания.

Вода в термы поступала по специально устроенному водопроводу – акведуку Антониана. Система канализации позволяла за несколько минут менять воду в любом бассейне. Термы имели сложную систему отопления. Под полами были устроены пустоты, по которым шел теплый воздух. Подобным же образом обогревались стены и даже своды здания, а также вода в бассейнах.

Для отдыха и развлечений имелись специальные помещения. Здесь размещались библиотека, площадки для занятий гимнастикой, спортивные залы. Вокруг центрального здания был разбит обширный парк с аллеями, цветниками, фонтанами и бассейнами, рядом находился стадион.

Термы Каракаллы, считавшиеся одним из чудес Рима, были разрушены готами в VI в. После этого сооружение пришло в запустение и в течение многих веков служило источником строительных материалов для позднейших построек. Взятые отсюда огромные гранитные ванны, например, были использованы при сооружении фонтанов на площади Фарнезе в Риме.

В 1937 г. в приведенных в порядок и частично реставрированных бывших термах была оборудована летняя площадка римского оперного театра. На огромной сцене (1800 кв. м) устраивались грандиозные представления. С 1995 г. в целях сохранения древнего памятника эти представления были запрещены.

Пирамиды индейцев Мочика

Какие племена и народности населяли в древности Перу? Пожалуй, «обычный» человек никого, кроме инков, и не вспомнит. Действительно, когда в 1532 г. испанские конкистадоры ступили на перуанскую землю, вся эта страна, а также Эквадор, Боливия и Северное Чили входили в пределы инкской империи Тауантинсуйю. Однако эта империя была создана на фундаментах гораздо более древних культур.

Еще в начале нашей эры на севере Перу в прибрежной зоне возникла цивилизация индейцев мочика, прославившихся своей великолепной керамикой с полихромной росписью и фигурным моделированием. Ткани мочика из хлопка и шерсти вообще не знают себе равных во всем древнем мире.

Мочика первыми стали сооружать широкие, мощенные камнем дороги, хотя и не были знакомы с применением колеса. Остатки этих дорог можно и сегодня видеть в долине Чикама. Ширина дорог у мочика всегда была в точности равна 9,8 м, а каждая сторона некоторых их пирамид – 98 м, из чего исследователи заключают, что 9,8 м (98 дм) являлись у мочика единицей длины.

Свои поля мочика орошали с помощью разветвленной системы каналов. Один из таких каналов, отводивший воду из реки Чикама, имел длину 113 км.

Подобно римлянам, мочика строили огромные и долговечные акведуки. Один из них, Ла-Кумбре, имеет протяженность 130 км. Он служит для подачи воды и в наши дни. Другой акведук – Аскопе, расположенный в долине Чикама, достигает в высоту 15 м, а в длину – 1,4 км. Для того чтобы создать насыпь, по которой он проходит, по подсчетам специалистов, потребовалось перенести 783 тыс. куб. м земли!

Кроме того, мочика оставили по себе память в виде храмов–пирамид.

Особенной известностью пользуются две великолепные пирамиды, воздвигнутые неподалеку от современного перуанского города Трухильо. Одна из них была посвящена солнцу и называется сегодня Уака-дель-Соль. Соседствующая с ней Уака-де-ла-Луна была посвящена луне. Обе пирамиды представляют собой святилища, расположенные на нескольких ступенчатых платформах.

Пирамида Уака-дель-Соль является самой большой индейской постройкой на перуанском побережье. Длина ее составляет 228 м, а ширина – около 140 м. Семиярусный Храм солнца, сооруженный на ее вершине, имеет высоту 23 м, а общая высота пирамиды – 41 м. Даже после

завоевания Перу конкистадорами пирамида солнца значительно превосходила построенные в то время христианские церкви.

Оба эти грандиозных сооружения сложены из необожженных кирпичей, причем, по подсчетам специалистов, при строительстве пирамиды Солнца было использовано 130 млн таких кирпичей. Фундаменты пирамид сооружены из тесаных каменных плит.

Кроме двух этих пирамид-гигантов от культуры мочика до наших дней сохранились еще более 60 пирамид и храмовых построек. На стенах пирамиды в Паньямарке сохранились интересные настенные росписи, которые называют страницами истории мочика. Здесь изображена практически вся иерархическая структура мочикского общества.

Вот жрец или вождь в богатом наряде шествует в сопровождении воинов. Их фигуры имеют меньший размер, но одежды воинов столь же нарядны. Мощь мочикского государства подчеркивается постоянно повторяющимися военными символами – щитов и дубинок для метания. Эту мощь в полной мере испытали на себе пленники – вереницы связанных за шею веревками, обнаженных и покорных людей тянутся вдоль стен. Некоторых из пленников собираются принести в жертву Ай-Апеку – богу войны; других подгоняют воины-мочика; третьи работают на добыче гуано – удобрения, залежей птичьего помета на прибрежных островах.

Небольшое государство мочика, просуществовав с IV по X в. н. э., уступило место новым индейским культурам. Но художественные традиции мочика оказали большое влияние на их преемников.

Элефанта

Остров Элефанта расположен на западе Индии, в акватории Бомбейской гавани. Название «Элефанта» означает «слон» – издали остров действительно похож на слона. Высокая скала, напоминающая спину этого животного, снижаясь, образует возвышение поменьше – «голову», от которой тянется длинный «хобот» – мыс.

Свое название остров Элефанта получил не только из-за сходства со слоном. Впервые побывавшие здесь в XVI в. португальские моряки с удивлением обнаружили на острове огромную фигуру каменного слона, высеченную из монолитной глыбы. Португальцы попытались перевезти эту многотонную скульптуру в Европу. Статую вырубили, спустили с высокой горы к морю, погрузили на плоты и с большим трудом отбуксировали к побережью материка. Поняв всю сложность затеи с перевозкой – колосс опрокинул бы любой тогдашний корабль, – португальцы оставили слона на берегу.

Вторично осуществить это предприятие попытались в XIX столетии англичане, но их попытка также не удалась. Уже в XX в. слона перевезли с берега на территорию Бомбейского зоопарка.

Каменный слон с Элефанта – лишь одно из многих чудес этого небольшого острова. В VI–VII вв. здесь был создан обширный ансамбль скальных индуистских храмов, связанных с культом бога Шивы.

Пещерные храмы Элефанта вырублены в отвесных скалах, к которым от пристани ведет дорога протяженностью около 2 км. Центральный храм, посвященный Шиве, состоит из трех обширных гротов: главного и двух боковых, имеющих запасные выходы. Эти залы высекались на протяжении почти двух столетий, причем пришлось сперва сделать не

менее 10 попыток отыскать среди отвесных скал удобную для обработки породу, в которой можно было вырубать подземные сооружения.

Вдоль всех трех залов храма Шивы стоят грандиозные скульптуры, высеченные из той же монолитной скалы. Здесь собраны все боги индуистского пантеона и герои эпической поэмы «Махабхарата». Многочисленные скульптурные композиции посвящены Шиве и его подвигам, борьбе с демонами и его всевозможным перевоплощениям.

При входе в храм высится статуя танцующего Шивы – натараджи. Танец Шивы символизирует вечную смену циклов во Вселенной – восходящих и нисходящих, созидających и уничтожающих. На голове у Шивы помещено изваяние демона времени Аношемары. Танцующему Шиве аккомпанируют на различных музыкальных инструментах другие божества – Сарасвати, Индра, Брахма, Вишну, Лакшми.

По преданию, Шива часто перевоплощался в различные образы и появлялся среди людей. Во время одного из таких перевоплощений он узнал об отшельниках из Гарагамских лесов, которые проповедовали новое вероучение, в котором не было места Шиве. Грозное божество решило покарать отступников, но те натравили на Шиву огромного тигра. Шива содрал с него шкуру одним лишь ногтем мизинца и опоясался ею. Тогда отшельники выпустили против него волшебного змея, но Шива победил его и сделал из него ожерелье. Наконец, пустынные прибегли к своему последнему оружию – выслали навстречу Шиве ужасного карлика Мулайоку с разящей палицей в руках. Шива придавил его ногой, сломал ему хребет и сплясал на костях поверженного врага. Устрашенные отступники вынуждены были покориться Шиве, а все остальные боги с тех пор приветствуют Шиву-натараджу игрой на музыкальных инструментах.

Вдоль стен скального храма расположены другие скульптурные композиции из жизни Шивы. Среди них – Шива умиротворенный, Шива размышляющий, Шива, убивающий злого демона Андаксару. В сцене свадьбы Шивы и Парвати принимает участие целый сонм богов и богинь. Среди них – Вишну и Лакшми, четырехликий Брахма (по представлениям индуистов – отец Вселенной), владыка небес Индра, восседающий на огромном слоне, богиня Ганга, изображенная спускающейся с головы Шивы – ведь Шива еще и владыка гор, поэтому все реки Индии, текущие с горных вершин, подвластны его воле.

Еще одна многофигурная композиция рассказывает о состязании Шивы с демоном Раваной, владыкой Цейлона. Он считал себя самым великим и сильным из всех повелителей мира. Однажды Равана решил посетить Шиву, но тот не принял его, и тогда обозленный Равана в ярости поднял над своей головой громадную скалу, равную по весу мировой горе Кайласе, чем произвел ужасное землетрясение. Тогда разгневанный Шива поднял гору, еще более тяжелую, чем Кайласа, и побежденный Равана отступил.

В центральной части скального святилища помещен колоссальный барельеф трехликого Шивы. Правый лик изображает Шиву-творца с добрым, улыбчивым выражением лица. В центре – спокойный и величественный Шива-покровитель, наблюдающий за миром. Левый лик изображает Шиву – разрушителя: лицо его жестокое и злое, углы губ опущены вниз, скулы и рот сведены судорогой гнева.

В самом центре храма высится лингам (фаллос) Шивы – символ жизни, представляющий собой каменный полутораметровый цилиндр и являющийся своеобразным «алтарем» этого скального святилища.

У выхода из храма, напротив танцующего Шивы, располагается скульптурное изображение очень популярного у индуистов слоноголового божества Ганеши, сына Шивы. По одному из преданий, Шива, разбуженный своим не в меру разыгравшимся сыном, в гневе приказал отрубить ему голову. Опечаленная супруга Шивы, богиня Парвати, стала просить мужа вернуть сыну голову, и тогда Шива, который никогда не меняет своих решений, наделил сына головой слона. Изображения Ганеши можно встретить по всей Индии. Он олицетворяет силу, доброту и мудрость.

На многих каменных фигурах храма Шивы на Элефанте видны следы разрушений – за прошедшие века находилось немало желающих испытать древние памятники на прочность или вообще стереть их с лица земли, как не соответствующие иным религиозным традициям. Но тем не менее скульптуры Элефанты сохранились до наших дней во всей своей первозданной мощи, и тысячи посетителей восхищаются сегодня искусством мастеров, создававших этот удивительный храм.

Паленке

Паленке – пожалуй, самый известный из древних городов майя. Он расположен в северной части мексиканского штата Чьяпас. Отроги Чьяпасских гор образуют здесь естественное плато около 70 м высотой. На этом плато и был в VII в. построен Паленке – Начан, «Змеиный город» майя.

*** По-испански «Паленке» означает «палисад», «изгородь». Этот огромный храмовый центр майя в 1759 г. случайно обнаружил воинский патруль, заблудившийся в чьяпасских джунглях. Но только спустя 25 лет после этого колониальная администрация послала для изучения города первую экспедицию, давшую блестящие результаты.

Руины Паленке обладают особым очарованием. Это самый красивый майяский город эпохи Древнего царства. Индейцы майя выбрали для его постройки исключительно удачное место. Сразу в нескольких местах над лесными зарослями встают, словно белые призраки, величественные здания: квадратная, похожая на колокольню средневекового собора башня дворца правителей Паленке, изящные храмы-близнецы на высоких пирамидальных основаниях – храм Солнца, храм Креста, «Храм Лиственного Креста» и, конечно, великолепный храм Надписей. Буквально в нескольких метрах за пирамидами и дворцом поднимаются покрытые густой зеленью горы, служащие естественным фоном для этого древнего индейского города. Прямо на ступенях древних святилищ и дворцов сидят попугаи невероятно яркой окраски. А с вершин белых пирамид открывается великолепный вид на море непроходимых лесов, протянувшееся более чем на 100 км, вплоть до залива Кампече...

Красоту пейзажа и удивительно гармоничное сочетание архитектуры с окружающим ландшафтом отмечают все, кто здесь побывал. Вот как описывает первую встречу с городом известный французский путешественник Мишель Пессель:

«Величественные белые и серые здания на горном уступе поднимались над морем зелени, и все же джунгли не отступали от города, сбегая к нему по склонам окружающих гор. Эта картина в таком диком, безлюдном месте произвела на меня неотразимое впечатление. Руины вообще таят в себе особое романтическое очарование, а руины Паленке, возникающие так неожиданно среди бескрайнего лесного океана, просто потрясали. Здесь передо мной предстала загадка столетий, загадка цивилизации, погибшей и исчезнувшей, но все еще удивительным образом продолжающей жить в этих грандиозных постройках – свидетелях бывшего могущества и славы».

В древности Паленке являлся, по-видимому, крупным религиозным центром. Его история насчитывает без малого 10 столетий. Этот город существовал с конца I тысячелетия до н. э. по конец I тысячелетия н. э. Расцвет его пришелся на VII–VIII вв. В это время архитекторы Паленке воздвигли высокие пирамиды, увенчанные изящными храмами, и построили каменные дамбы через овраги, отделяющие одну часть города от другой. С вершин пирамид и башенок-обсерваторий жрецы изучали небесный свод и проникали в тайны мироздания. Скульпторы воплотили в камне удивительные образы майяских богов и правителей, жрецов и воинов. Эти безмолвные свидетели прошлого видели расцвет великого города и то, как с течением времени творения их исчезнувших создателей попали во власть всепоглощающих джунглей...

В конце I тысячелетия н. э. внутренние неурядицы и нашествия воинственных племен привели к гибели города. Его безмолвные руины надежно скрыла непроходимая лесная чаща. Паленке пришлось открывать заново уже в наши дни. И сделали это путешественники и ученые из многих стран Европы и Америки.

Узкий ручей Отолум делит город почти пополам. В древности специальный акведук подводил его воды к самому дворцу правителей Паленке. Мелкий ручей был заключен в большую каменную трубу. К востоку от Отолума, на травянистых холмах у подножия горной гряды Тумбала, запирающей южные и западные подступы к городу, высятся несколько великолепных белых пирамид. Вся их архитектура словно бы обращена к небесным божествам. На вершинах пирамид установлены небольшие по размерам храмы, с богатым геометрическим орнаментом на фронтонах. Все или почти все паленкские строения украшены рельефами. Резчики-майя создавали их здесь с небывалым размахом: рельефы помещены на платформах и пирамидах, в основании храмов и на лестницах, на столбах и стенах, на фризах и гребнях. Они выполнены с суровым реализмом, отличающим паленкское искусство от искусства других городов майя.

Центр города образуют четыре пирамиды, среди которых выделяется Дворец правителей – обширное (10 480 м) здание, сооруженное на искусственной платформе. Это массивная постройка с множеством комнат, расположенных вокруг четырех углубленных в землю двориков. С северной стороны к дворцу вела широкая лестница.

Стены дворца украшены целой галереей рельефов. Часть из них посвящена военным победам: плененные противники сидят на земле, жалкие и безоружные, бессильные перед мощью правителей

могущественного Паленке. На других рельефах изображены застывшие в сурово-торжественных позах правители города в затейливых головных уборах из перьев и ритуальных одеждах. Некоторые из них держат в руках жезлы, украшенные перьями, – знаки власти. У их ног сидят покорные подданные. Другие персонажи предстают в позах исступленного танца: их обутое в сандалии ноги взлетают над землей, тела наклонены вперед, распростертые руки протянуты к изваяниям идолов, рты раскрыты – они в экстазе. Местами на рельефах уцелели следы синей и красной краски, которые когда-то покрывали серо-белые изображения.

К дворцу примыкает совершенно необычная для майяской архитектуры пятиэтажная башня. Очевидно, она служила астрономической обсерваторией; на верхнем этаже еще сохранилась каменная скамья, на которой сидел жрец-астроном, наблюдавший за движением небесных светил. Лестница, ведущая в обсерваторию, начинается только на втором этаже. Для того чтобы попасть с первого этажа на второй, паленкские астрономы, вероятно, должны были пользоваться приставной лесенкой.

По соседству с дворцом стоят три пирамиды, на вершинах которых находились главные святилища города: храм Солнца, храм Креста и храм Лиственного креста. Эти современные названия произведены от главных сюжетов алтарных плит, находящихся внутри святилищ.

Широкий фасад храма Солнца, построенного на невысокой пятиступенчатой пирамиде, разделен тремя входами. Колонны главного входа украшены иероглифическими надписями. Внутри храма находится святилище. На его задней стене укреплен большой, хорошо сохранившийся барельеф, представляющий солнце, изображенное в виде щита, проткнутого двумя скрещенными копьями. По правую и левую сторону от него на телах поверженных рабов стоят два жреца, приносящих жертвы. Барельеф дополняет ряд иероглифов, по которым можно определить дату постройки храма – 642 г.

Эта же дата сохранилась на рельефе, украшающем храм Креста. Крест, образующий центр всей композиции, является символом священного растения майя – кукурузы. В верхней части рельефа изображена птица кетцаль, которую обожествляли индейцы Центральной Америки. Так же как в храме Солнца, и здесь изображены два жреца, приносящие жертву.

Третье из паленкских святилищ, храм Лиственного креста, получил свое название по великолепно выполненному барельефу. Его главный мотив – крест, из которого вверх и в стороны распускаются листья, напоминающие языки пламени. Из острия верхнего листа вырастает стилизованное человеческое лицо. Горизонтальные перекладыны креста также украшены человеческими головами, только меньших размеров. А по обеим сторонам в четыре ряда тянутся иероглифические надписи.

Особое место среди древних памятников Паленке занимает легендарный храм Надписей, поразивший своим величием его первооткрывателей – Дж. Л. Стефенса и Ф. Казервуда. В ясную погоду белокаменная пирамида храма видна с равнины за многие километры. Свое название храм Надписей получил из-за обилия иероглифических надписей, высеченных на его стенах, лестнице и колоннах. Стены храма когда-то были украшены огромными плитами, сплошь покрытыми многочисленными барельефами необычайной выразительности и реализма. Среди храмовых

надписей исследователи отыскивали несколько дат, одна из которых – 692 г.

Храм Надписей – уникальная для доколумбовой Америки пирамида. Она выполняла одновременно функции мавзолея, где покоился правитель этого города-государства, подобно тому, как это было принято в Древнем Египте. Это открытие было сделано в 1952 г. мексиканским археологом Альберто Рус Луилье.

В течение четырех лет, начиная с 1949 г., Альберто Рус Луилье, ориентируясь на интуицию и научный опыт, шел к разгадке тайны, скрывавшейся под пирамидой. В ту пору ученый занимался реставрацией храма Надписей. Исследуя внутреннюю часть пирамиды, Альберто Рус случайно обратил внимание на одну из каменных плит, выступавшую над уровнем пола. Когда плиту удалось приподнять, под ней открылась узкая лестница, засыпанная камнями. На глубине 18 м располагался гигантский склеп, в котором под пятитонным надгробием покоились останки «халач виника», верховного правителя Паленке, обожествленного еще при жизни. Это открытие гробницы «американского Тутанхамона» имело исключительное значение. До этого считалось, что американские пирамиды, в отличие от египетских, не являются усыпальницами.

За пределами центра города находятся храм Графа, храм Льва и десятки других строений. Истинные размеры Паленке все еще неизвестны, так как руины многих древних построек скрыты густыми зарослями джунглей. Развалины домов и святилищ встречаются на протяжении 7,5 км.

Паленке был полностью покинут майя, очевидно, в конце 900-х гг. Руины некоторых его построек сохранили следы насильственного захвата города чужеземцами, однако наиболее внушительные сооружения Паленке остались нетронутыми. Они стали памятником творческому гению майя, создавшим величайшую из всех цивилизаций доколумбовой Америки.

Великий Будда в Тодайдзи

К середине VIII в. буддизм, двумя веками ранее проникший в Японию, уже успел стать государственной религией и оказать значительное влияние на искусство и архитектуру этой страны. Символом этой новой эпохи стал монументальный храм Тодайдзи, сооруженный в тогдашней столице Японии, городе Нара (Хэйдзе), специально для гигантской статуи Будды – одной из самых больших скульптур в мире.

* * * В 743 г. император Сему дал обет отлить колоссальную бронзовую фигуру Будды Русяна (Вайрочана, Будды Вселенского Света). Первые опыты по ее отливке были предприняты во дворце Сему в Сигараки, но после многочисленных неудач они были прекращены. Стало ясно, что своими силами японские мастера с этой задачей не справятся – в то время они еще были мало знакомы с техникой отливки крупных художественных изделий. Пришлось искать специалистов в других землях, и в 745 г. в Японию приехал корейский скульптор, которого японцы называют Кимимаро. Именно ему предстояло взять на себя исполнение прихоти императора.

На отливку гигантской статуи и строительство храма для нее ушло четыре года непрерывного труда. В эту колоссальную работу в той или иной форме оказался вовлечен каждый десятый житель Японии. Она стала общенациональным делом, потребовавшим мобилизации всех ресурсов страны. Непосредственно на месте, в Наре, работало 50 тысяч плотников и

370 тысяч кузнецов. Для изготовления статуи потребовалось 437 т бронзы, 150 кг золота, 7 т воска, 70 килограммов ртути и несколько тысяч тонн древесного угля. По преданию, на отливку Будды были израсходованы все запасы бронзы в Японии, так что после этого работы с бронзой в стране остановились на несколько веков.

Работы технологически были чрезвычайно сложны. Трудности вызывал не только сам процесс литья, но и монтаж и установка статуи на постамент (с учетом тогдашнего уровня техники!). Ведь это феноменальное древнее сооружение весит в два раза больше, чем статуя Свободы в Нью-Йорке, которая была изготовлена 11 веков спустя. Как мастеру удалось преодолеть все технические препятствия? Это остается загадкой, и секрет изготовления этого уникального памятника литейного искусства древности не раскрыт до сих пор.

Из старинных японских источников известно, что работы по отливке статуи Великого Будды были завершены только после семи неудачных попыток. Голова и шея Будды были отлиты в одной опоке, а торс и трон-лотос изготовлены в отдельных формах, а затем спаяны вместе и позолочены.

К 749 г. статуя была практически завершена, а спустя три года состоялась торжественная церемония открытия гигантского храма с установленным в нем Большим Буддой. В ней приняли участие император, двор, священнослужители и представители всех провинций Японии, а также посольства из Китая и Кореи.

Великий Будда – Будда Дайнити, или Дайбуцу, – был создан, чтобы стать символом блестящего правления императора Сему. Он был отлит в образе сурового, но великодушного гиганта, источающего охранительный свет над всей страной. Выстроенное для него здание храма было подчеркнуто горизонтальным, распластанным, и ничто не мешало обозрению стоящей прямо в центре зала огромной статуи.

В XII столетии, во время гражданской войны, храм сгорел. Во время пожара пострадала голова Будды, и ее пришлось заменить новой. В 1185 г. специально для отливки новой головы в Нару приехал китайский скульптор Чэнь Хоцин, но большая часть работ по восстановлению была выполнена японскими мастерами. Процесс реставрации растянулся на несколько десятилетий. Сегодня можно заметить, что голова Будды более темного цвета, чем торс. В 1567 г. храм вновь сгорел, и Великий Будда простоял под открытым небом более 100 лет. После этого потребовалось заменять ряд деталей, так что сегодняшнюю статую нельзя считать целиком подлинной. Тем не менее бронзовый Будда из храма Тодайдза в Наре продолжает оставаться самым большим изваянием Будды в Японии и одним из крупнейших в мире. Он входит в число самых известных достопримечательностей Японии.

Статуя Великого Будды в Тодайдзи олицетворяет собой «благословение, всемогущество и вездесущность». Будда восседает, поджав под себя ноги, в умиротворенной позе на троне в виде колоссального цветка распустившегося лотоса с 56 лепестками. Лотос выступает здесь как символ душевного целомудрия, непорочности и чистоты, необходимых для погружения в нирвану, обретения блаженства, достигаемого в результате преодоления «страсти и жажды жизни». Правая

рука Будды с раскрытой ладонью вытянута вперед в благословляющем жесте. Волосы Будды синего цвета – это символизирует его пребывание в заоблачном небесном мире. Волосы разделены на 966 завитков. На лбу – огромная шишка: символ величия и недостижимости.

Высота статуи с пьедесталом составляет 22 м. Высота самой сидящей фигуры Будды – 16 м. Лицо имеет длину 5 м, ширину 3 м. Через глазницы свободно может пролезть человек – их длина составляет 1 метр. Диаметр трона-лотоса – более 20 м, высота каждого лепестка – 3 м.

Вся поверхность трона-лотоса покрыта бесчисленными изображениями религиозного и мифологического характера, тысячами иероглифических надписей. За спиной гигантской статуи находится деревянный позолоченный ореол, на котором установлены еще 16 фигур Будды, размером приблизительно в рост человека, изображающих его предыдущие воплощения. Рядом со статуей расположены две скульптурные фигуры святых-бодхисатв. Японская традиция отождествляет их с тысячерукой богиней милосердия Каннон и богиней счастья. Их размер в два раза меньше статуи Великого Будды. Справа за фигурой Будды находится деревянная колонна с небольшим отверстием. Существует поверье, что человеку, сумевшему пролезть через него, прощаются все грехи. Тодайдзи – действующий храм, и перед статуей Великого Будды ежедневно совершается служба, возжигается огонь и курятся благовония, монахи и паломники читают буддийские молитвы-сутры.

Громадная статуя внутри полая. В ее недрах создана сложная система деревянных конструкций, поддерживающих всю фигуру. Раз в год Великого Будду чистят, при этом снимая с него несколько ведер пыли.

Скальные города Аризоны

В VII–VIII вв. н. э. на обширной территории между Большим каньоном и верховьями реки Рио-Гранде поселились племена так называемых клиф-двэллерс, жителей скальных городов. Европейцы впоследствии дали им имя пуэбло (pueblo – по-испански народ). Однако сами пуэбло называли своих предшественников анасази – «древние».

*** Путешественник наших дней с трудом поверит, что засушливые, почти бесплодные земли штатов Аризона и Колорадо 2000 лет назад были главным очагом земледелия на территориях, расположенных к северу от Мексики. Между тем именно здесь в начале нашей эры североамериканские охотники– собиратели осуществили исторический переход от кочевой жизни к оседлому существованию, основанному на выращивании зерна. Почему они избрали для этого сухую, каменистую землю Аризоны? Почему они строили свои города на высоких утесах? И куда исчезли эти носители самой блестящей индейской культуры Северной Америки?

У ученых много вопросов к индейцам анасази. Но древние обитатели этих мест не спешат раскрывать свои тайны.

Анасази были искусными гончарами и ткачами. Они первыми в Северной Америке начали пользоваться луком и стрелами. Анасази были великолепными агрономами, сумевшими получать на крайне скудных землях чрезвычайно высокие урожаи благодаря удивительным ирригационным сооружениям, в частности искусственным водоемам для

хранения воды. Анасази возделывали кукурузу, табак, выращивали тыкву, красный стручковый перец, салат, фасоль. Поля обрабатывались деревянной мотыгой.

Анасази сооружали свои города под обрывистыми утесами, либо в глубоких речных каньонах, либо, наконец, прямо в скалах, подобно орлиным гнездам. Их дома, при постройке которых широко использовались естественные пещеры, разрастались по горизонтали и по вертикали, до четырех-пяти ярусов, втискивались в углубления скал и громоздились друг на друга. Для возведения стен, как правило, применялись высушенные на солнце кирпичи.

Множество таких удивительных поселений сохранилось в Аризоне в каньонах рек Менкос и Рио-Гранде-дель-Норте, еще больше – в каньоне Колорадо. Впрочем, понятие «город» применительно к аризонским сооружениям весьма условно. На самом деле строители этих поселений в скалах возводили не город, а скорее один большой дом-улей: каждое помещение лепилось вплотную к другому, ячейка к ячейке, а все вместе они представляли собой гигантскую постройку, похожую на пчелиные соты и насчитывавшую несколько десятков, а то и сотен жилых помещений и святилищ.

Так, скальный город Пуэбло-Бонито в каньоне Чака имел 650 жилых помещений с 2000 комнат и 37 святилищ – «кив». Этот полукруглый дом-город является крупнейшим сооружением всей доколумбовой Северной Америки. Его изгрызенные временем каменные стены – возможно, самое выдающееся творение рук человеческих на землях, лежащих к северу от Рио-Гранде. Подсчитано, что на его строительство потребовалось изготовить, доставить на место и уложить 30 миллионов кирпичей и тесаных камней – это многократно превосходит те усилия, которые египтяне затратили на постройку своих знаменитых пирамид.

По размерам Пуэбло-Бонито немногим уступали огромные дома-города Пуэбло-Пеньяска-Бланка (в 5 км от Пуэбло-Бонито), Пуэбло-Пинтадо (в каньоне Чака), Бетатакине (Аризона) и др. В небольших поселениях, таких, как, например, Уекар-Дельта, что в глубине Большого каньона, анасази жили группами в несколько семей. При этом создается впечатление, что между крупными и мелкими селениями не существовало отношений зависимости или власти одних над другими.

Повсеместно в скальных городах индейцев рядом с прямоугольными жилыми помещениями встречаются круглые постройки. Это – святилища, носившие название «кива». Они же являлись и своего рода «мужскими домами». Хотя строили их исключительно женщины, входить туда им категорически запрещалось.

Большое число святилищ свидетельствует о том, что развитие земледелия здесь шло параллельно с развитием религии. Ни один из скальных городов не имел «форума» – площади собраний или просто большого дома для решения общественных вопросов. Однако в каждом из них существовало десятки храмов-кив.

Расцвет культуры анасази приходится на X – XIV в. н. э., а закат ее обозначился к 1400 г. На последнем этапе своей истории индейцы по не вполне ясным причинам оставили свои удивительные города, выдолбленные в скалах или укрытые в речных каньонах. Свои новые

поселения они строят на плоских, круто обрывающихся возвышенностях, именуемых месаами (mesa – по-испански «стол»).

Новые поселения во многом сохранили черты древних скальных городов. Они тоже формировались подобно пчелиным сотам: дом прирастает к дому, и так образуется огромный «город», ослепительно-белые стены которого видны издалека.

Самое крупное из скальных поселений этого периода – знаменитая Меса-Верде (штат Колорадо). Прилепившееся к почти вертикальной стене высокого обрыва, это гигантское «ласточкино гнездо» имеет весьма внушительные размеры: один лишь дворец Утеса насчитывает 225 комнат.

К XIII столетию, по-видимому, уже обозначились явные признаки скорого конца цивилизации анасази. Урожаи на иссыхающих землях год от года становились все более скудными. Вероятно, именно в это время обитатели Меса-Верде начали строительство великолепного каменного храма-кивы. Этот громадный храм Солнца, порожденный отчаянной надеждой умиловить богов, стал последней постройкой индейцев анасази. Храм оказался заброшенным, прежде чем был достроен...

Культура анасази пришла в окончательный упадок с приходом более чем тысячной армии испанцев, возглавлявшейся Ф. Васкесом де Коронадо, который искал семь мифических городов Сиволы. Однако вплоть до середины XIX столетия наследники анасази – индейцы пуэбло – не соприкасались тесно с белыми людьми и таким образом сохранили без существенных изменений характерные черты своей культуры, которая в течение последних шести – восьми веков не претерпела никаких качественных изменений.

Паган

Город Паган, древняя столица Бирмы, расположен в долине реки Иравади, на ее левом берегу, и занимает площадь около 40 кв. км. Здесь, на широкой равнине, к небу вздымаются десятки и сотни больших и малых пагод, ступы, монастыри и храмовые комплексы, многие из которых украшены скульптурой и настенными росписями. Храмы наполняют бесчисленные изображения будд, тысячи каменных и терракотовых рельефов с изображением сцен из жизни Будды Гаутамы. Памятники Пагана относятся к числу самых замечательных в мире шедевров древнего зодчества. Их называют восьмым чудом света.

С 1044 г. Паган являлся центром обширного и могущественного царства, которое, просуществовав около двух с половиной веков, оставило глубокий след в истории не только бирманского, но и других народов Юго-Восточной Азии. В это время сложились и получили развитие национальные формы бирманской архитектуры.

Расцвет Пагана связан с временами правления царя Аноратхи, правившего в 1044–1077 гг. Успешные войны с соседями позволили Аноратхе надолго обеспечить безопасность и спокойствие своей страны, а переселенные им в Паган из завоеванных областей мастера и ремесленники немало потрудились над украшением царской столицы. Во времена Аноратхи начинается эпоха великого расцвета бирманского зодчества, длившаяся около 250 лет. В это время в долине реки Иравади было построено около 5000 храмов и пагод, из которых более 1000 стоит и сейчас. Один из древнейших храмов в Пагане – храм Нанпая, построенный

царем Аноратхой в честь его победы над монским правителем Манухой. Своей славой красивейшего храма Пагана он прежде всего обязан великолепному каменному убранству, в котором явственно проступают индийские мотивы.

Аноратхе наследовал его сын Чанзитта (1084–1112). На годы его правления приходится строительство в Пагане знаменитого храма Ананды. Чанзитта повелел также отреставрировать знаменитую буддийскую святыню – храм Махабодхи в Бодх-Гае и построить в Пагане две копии этого индийского храма.

При наследнике Чанзитты, царе Алаунгситу (1113–1155), были построены многие крупнейшие сооружения Пагана. Важнейшие из них – храм Швегуджи и огромный, 71 – метровой высоты, храм Тхатбинью. Над ним поднималась ступенчатая кровля, завершавшаяся ступой-шикхарой. В верхнем ярусе находилось сводчатое святилище с большой статуей Будды.

Еще с XI в. в Бирме начали создавать огромные статуи будд (они могли изображать сидящего или стоящего Будду), некоторые из которых достигали гигантских размеров – их длина (или высота) могла достигать 50 м и более. Статуи сооружались из кирпича, затем штукатурились и раскрашивались. Над ними воздвигались своеобразные храмы-футляры, внутреннее пространство которых было почти полностью занято огромной скульптурой. Между стенами храма и заключенной внутри статуей Будды оставался лишь узкий проход. Теснота помещения еще сильнее подчеркивала величие божества и ничтожность стоящего перед ним человека. Характерным образцом такого сооружения является комплекс храма Манухи, который состоит из четырех храмов-футляров, заключающих три сидящих и одну лежащую скульптуру Будды.

Царь Алаунгситу был убит своим собственным сыном. В последующий период правители Пагана сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой. С конца XII – начала XIII в. на Бирму все большее влияние стала оказывать цейлонская архитектура. Однако расцвет паганского искусства уже близится к концу. Нападения монголов и тайских племен вели к упадку культуры. В 1364 г. в Северной Бирме сложилось новое царство – Ава, а Паган утратил свое былое значение.

Среди множества храмов и пагод Пагана есть «большие» и «малые». «Больших» пагод всего несколько – Швезигон, Мингалазеди, Швезандо, и каждая из них связана с именем определенного царя. Строительство каждой «большой» пагоды являлось общегосударственным делом.

Всемирно известным сооружением Пагана является храм Ананды, построенный в 1091 г. близ восточных ворот города. Увенчанный массивной ступенчатой пирамидой, он высится подобно сказочному видению, сияя позолотой и белизной стен. По своему типу эта постройка близка индийским и в то же время древнебирманским архитектурным традициям. Храм одноэтажный, с двумя рядами окон. Над ним круто поднимается шестиступенчатая кровля, украшенная миниатюрными храмами, ступами, башнями-шикхарами, фигурами зверей. Сооружение увенчивает позолоченная башенка со шпилем.

Чрезвычайно пышное декоративное убранство храма включает и скульптурные изображения демонов-чинтэ, и лепнину в виде фантастических животных «макара», и огромное – более полутора тысяч –

количество терракотовых глазурованных табличек со сценами из джатак, расположенных горизонтальными рядами по цоколю здания и на парапетах уступов верхней части храма. Наличники дверей и окон покрыты орнаментом, напоминающим языки пламени.

Сводчатые коридоры ведут в центральный зал, где в полумраке в четырех нишах высятся колоссальные, 12-метровой высоты, позолоченные скульптуры четырех последних будд – Какусанды, Конагаманы, Кассапы и Гаутамы. Три из них вырезаны из огромных стволов деревьев, четвертая отлита из бронзы. Свет проникает сюда через узкие, невидимые снизу щелевидные проемы, расположенные над сводчатым коридором. Солнечные лучи отражаются от золоченых статуй, и кажется, что будды излучают таинственный мерцающий свет.

Храм Ананды можно назвать настоящим музеем бирманской скульптуры XI–XII вв. Помимо скульптурных изображения будд, в этом храме находятся уникальные для бирманского средневекового искусства портретные статуи строителя храма короля Чанзитты и его современника, главы бирманской буддийской общины Шина Арахана. Они стоят в западной нише храма на коленях перед Буддой Гаутамой в позе «намаскара мудра», означающей моление или почтение. На их лицах – покой, ясность духа, уверенность в своих силах.

Над многочисленными храмами, рассыпанными в долине Иравади, подобно могучей золотой горе возвышается прекраснейшая и самая известная постройка Пагана – пагода Швезигон. Ее ансамбль сложился в 1084–1113 гг., когда в правление царя Чанзитты была сооружена гигантская ступа Швезигончетия. Впоследствии она была надстроена, расширена и позолочена. Сегодня Швезигон – единственная целиком позолоченная ступа Пагана. Под лучами жаркого тропического солнца она сияет подобно священной горе Меру.

Ансамбль Швезигона является одним из крупнейших и наиболее почитаемых буддийских комплексов в Бирме. В святилище Швезигона находятся реликвии буддизма: лобная кость Будды и его зуб. Это – дары Швезигону от сингальского правителя Виджаябаху I (1059–1144), усердного защитника учения хинаяны – одного из толков буддизма, получившего распространение в Бирме во времена царя Аноратхи.

Помимо паломников, пагода привлекает и просто туристов, желающих взглянуть на легендарный Паган и его памятники, среди которых Швезигон выделяется как своими святынями, так и высокими художественными достоинствами, благодаря которым пагода является одним из лучших образцов средневекового бирманского зодчества.

Московский Кремль

М. Ю. Лермонтов назвал Московский Кремль «алтарем России». Эта всемирно известная цитадель в сердце Москвы отмечает собой древнейшую часть русской столицы – первоначально крохотного княжеского поселения, занимавшего едва ли десятую долю теперешнего Кремля.

* * * Время и обстоятельства возникновения Москвы неизвестны. Уже в XVI столетии о начале города рассказывались лишь более или менее фантастические легенды, вроде того что Москву основал шестой сын Иафета Мосох, у которого была жена

Ква – отсюда якобы произошло название «Москва». У Мосоха и Квы были сын Я и дочь Вуза – отсюда Яуза. Другая, довольно поздняя – XVII в. – повесть «О зачале Московского княжения» рассказывает о трагической судьбе первого владельца здешних мест боярина Степана Кучки и его сыновей, впутанных в любовную интригу княгиней Улитой Юрьевой, женой суздальского князя Даниила Александровича. С обстоятельствами этой интриги будто бы и связано основание Москвы.

Первое достоверное сведение о Москве относится к 1147 г., когда сюда, «на Москву», князь Юрий Долгорукий призвал своего союзника, князя Святослава Олеговича Новгород-Северского. Вскоре после этого свидания, в 1156 г., Юрий превратил село Москву в «город», т. е. обнес его деревянными стенами и рвом. Так было положено начало Московскому Кремлю.

Город Юрия Долгорукого находился, как сказано в летописи, «на устье Неглинки, выше реки Яузы». В середине XIX столетия, во время постройки Большого Кремлевского дворца, были найдены остатки древнейшей деревянной ограды из сосновых бревен и рва, окружавших первоначальную Москву. В то время территория Кремля занимала лишь крайний юго-западный угол Боровицкого холма. Это был ничем не примечательный, затерявшийся в лесах городок, каких много было в Суздальской Руси.

Облик Москвы мало изменился и тогда, когда здесь поселился первый московский удельный князь, Даниил Александрович (1271). За деревянной оградой располагались деревянная церковь Иоанна Предтечи, рядом стояли княжеские «хоромы» – деревянный дом с клетью внизу и жилыми «горницами» наверху; за хорами лепились служебные здания – амбары, подвалы, сараи.

При третьем московском князе, Иване Калите (ум. в 1341 г.), княжеская резиденция значительно расширилась. Задавшись целью украсить свой город так, чтобы он не уступал старинному великокняжескому Владимиру, Калита затеял обширную перестройку Кремля. 4 августа 1326 г. был заложен каменный Успенский собор, за ним в 1329 г. – церковь Иоанна Лествичника с первой в Москве колокольной, в 1330 г. был построен храм Спаса на Бору, а в 1333 г. – церковь Михаила Архангела, в которой Калита завещал похоронить себя. Так образовался знаменитый четырехугольник кремлевских соборов. Тогда же были выстроены новые княжеские терема, а старая резиденция обращена в митрополичье подворье.

В 1339 г. старая деревянная крепостная стена Кремля была заменена новой, большего периметра (при постройке Большого Кремлевского дворца были найдены уцелевшие от этой стены огромные дубовые бревна). В самом начале правления Дмитрия Донского, в 1365 г., после страшного пожара, испепелившего всю Москву, дубовые стены времен Калиты пришли в полную негодность. Тогда было начато сооружение первого каменного Кремля. Для сооружения его стен использовался белый камень, привозимый по реке из Мячковских каменоломен, располагавшихся в 25 верстах ниже Москвы. Вероятно, именно с тех пор за Москвой закрепилось прозвание «Белокаменная».

По-видимому, при Дмитрии Донском полностью выстроить кремлевские стены в камне все же не удалось, так как, по свидетельству итальянца Контарини, бывшего в Москве в 1475 г., крепость в Москве была частично деревянной. Свой современный облик Кремль приобрел уже при Иване III. Его женитьба на византийской царевне Софье Палеолог, нашедшей себе убежище в Италии после разгрома Константинополя турками, еще более укрепила связи Москвы с Европой. Московское посольство, отправленное в Италию, привезло оттуда мастеров, которые должны были заново построить Кремль. В их числе был Ридольфо Фиораванти (род. между 1415 и 1418 гг.), прозванный за свои математические способности Аристотелем.

Фиораванти прибыл на Русь в марте 1475 г. со своим сыном Андреа и молодым помощником Пьетро. Он привез с собой много новых технических идей, которые затем прочно вошли в практику русского строительства. Фиораванти был вынужден считаться с русской архитектурной традицией и приспособлять привычные ему формы итальянской архитектуры к русской основе. При постройке новых кремлевских стен и башен итальянские зодчие использовали целый ряд характерных для Северной Италии элементов, начиная с формы зубцов и башен и кончая фигурами химер на Спасской башне. В дальнейшем стены и башни Кремля не раз подвергались частичным разрушениям и переделкам. Шатровые завершения над башнями, покрытые поливной зеленой черепицей, появились уже в XVII в.

В последующие века строительные работы в Кремле продолжались, однако касались они в основном застройки территории внутри стен. На месте нынешнего Большого Кремлевского дворца (середина XIX в.) при Иване III и его преемниках стояли княжеские (затем царские) хоромы, впоследствии не раз перестраивавшиеся. Некоторые фрагменты их, относящиеся к XV–XVII вв. вошли в состав ансамбля Большого Кремлевского дворца – например, Грановитая палата, построенная итальянцами в 1491 г.

Особенно энергично производились перестройки в Кремле в XVIII в. при императрице Екатерине II, которая намеревалась сломать все старые кремлевские здания и построить Кремль заново по совершенно новому плану. К счастью, эту затею осуществить не успели. Были лишь разобраны здания у южной стены Кремля и построено заново здание судебных установлений. Еще ранее, в 1705 г., когда Петр I ожидал шведского нашествия на Москву, в Кремле был сооружен Арсенал. В 1736 г. над ним был надстроен второй этаж.

Башни и стены Кремля сильно пострадали в 1812 г. Наполеон перед уходом из Москвы приказал взорвать их, но взрывы лишь сильно повредили башни. Варварским разрушениям Московский Кремль подвергся в 1930—1940-е гг., когда были уничтожены многочисленные соборы и монастыри Кремля, включая древнейшую постройку Москвы – храм Спаса-на-Бору (1330). Лишь чудом уцелела знаменитая соборная группа, в которой доминирует величественный Успенский собор. На протяжении многих веков он был связан с важнейшими событиями в жизни страны. Успенский собор служил местом венчания на царство русский царей, местом избрания очередного главы Русской церкви и усыпальницей

московских митрополитов и патриархов.

Построенный Аристотелем Фиораванти грандиозный и величественный Успенский собор в Кремле открыл новую страницу в истории русской архитектуры. Он затмил собой все ранее существовавшие на Руси постройки и до самого конца XVII в. служил русским зодчим образцом для подражания, положив тем самым начало целой архитектурной эпохе.

Небольшой Благовещенский собор, расположенный рядом с дворцом московских правителей, фактически служил их домовым храмом. В Благовещенском соборе великие князья московские принимали крещение, исповедовались, иногда венчались. С XV в. протоиереи собора постоянно являлись духовниками русских царей.

Затеечная Иваном III грандиозная перестройка Кремля коснулась и Благовещенского собора. В 1484 г. старое здание собора было разобрано. Новый собор строился пять лет. В августе 1489 г. с него сняли строительные леса, и перед москвичами предстал белоснежный храм, увенчанный тремя куполами и окруженный с трех сторон крытой галереей. Возводившие его псковские зодчие сумели придать храму внушительность, прекрасно сочетающуюся с изысканной декоративностью. В облике собора проявилось множество черт средневековой псковской архитектуры.

Архангел Михаил, предводитель небесного воинства, почитался на Руси как покровитель князей, поэтому в городах – княжеских резиденциях обязательно старались возвести посвященный ему храм. Не стала исключением и Москва. Еще в XII в. на месте нынешнего Архангельского собора стояла деревянная церковь Михаила Архангела. Первый белокаменный храм Михаила Архангела был построен Иваном Калитой в 1333 г. в память избавления от «морowego поветрия» (чумы). В этом же храме в 1340 г. Иван Калита был погребен. С тех пор Архангельский собор стал усыпальницей московских великих князей и царей, уступив при Петре I эту функцию государственного некрополя Петропавловскому собору в Петербурге.

Первоначальный Архангельский собор был «по ветхости» разобран в 1505 г. Возводить новый собор было поручено приехавшему в Москву итальянцу, известному в России под именем Алевиза Фрязина, или Алевиза Нового. Полное имя его неизвестно; есть гипотеза, что это был венецианский скульптор и архитектор Алевизе Ламберти ди Монтаньяно. До него в Москве уже работал один «Алевиз» – Алоизио да Каркано, он же Алевиз Фрязин Миланец, инженер из Милана, участвовавший в строительстве стен и башен Московского Кремля.

Алевиз Новый построил в Москве 11 каменных церквей, но из них до наших дней дошел только Архангельский собор – остальные либо были разобраны, либо в позднейшее время были переделаны до неузнаваемости. Оконченный в 1509 г., пятиглавый Архангельский собор стал одним из самых нарядных зданий Московского Кремля. В обработке его фасадов явно присутствуют элементы венецианской архитектуры. Это второй по величине собор Кремля. Изящный храм настолько пришелся по душе москвичам, что в течение почти столетия он служил образцом для других церковных и светских построек. Многие элементы Архангельского собора были использованы при строительстве Грановитой палаты,

Благовещенского собора, Теремного дворца в Кремле.

В соборе находятся гробницы удельных князей Московского княжеского дома – Юрия Звенигородского, Василия Косого, Юрия Дмитровского, Василия Ярославича Боровского, Андрея Углицкого, а также героя Куликовской битвы Владимира Храброго, князя Серпуховского. Вся русская история, персонифицированная в именах ее главнейших деятелей, упокоена в стенах Архангельского собора. При жизни многие из них враждовали друг с другом, но ныне, примиренные смертью, лежат все вместе.

Постройка Архангельского собора сделала Соборную площадь Московского Кремля необыкновенно торжественной. Многоглавые златоверхие храмы тесной группой венчали Боровицкий холм. А над ними высоко в небо поднялся золотой крест колокольни Ивана Великого...

Ни один из письменных источников не сообщает о происхождении загадочного итальянца по имени Бон Фрязин, построившего в 1505–1508 гг. так называемую «Боновскую колокольню». Ее грандиозный столп зрительно объединил в одно целое многоглавые храмы Московского Кремля. Колокольня была сооружена на месте древнего храма Святого Иоанна Лествичника, относившегося к типу «иже под колоколы» и построенного в 1329 г. при Иване Калите. Это был второй по времени постройки каменный храм в Москве. После постройки Боновской колокольни престол Святого Иоанна Лествичника был перенесен в ее нижний ярус.

В 1532 г. другой итальянский зодчий – Петрок Малый – пристроил к Боновской колокольне звонницу, предназначенную для огромного колокола в 1000 пудов. Эту звонницу заканчивали уже русские мастера в 1543 г., после отъезда Петрака Малого в Ливонию. В 1552 г. к третьему ярусу звонницы была пристроена наружная лестница, а сама звонница была увенчана барабаном с куполом.

В 1600 г., во время жестокого неурожая, поразившего страну, Борис Годунов, чтобы дать заработок голодному люду, шедшему со всех сторон в Москву, затеял крупную перестройку Боновской колокольни, увеличив ее на два яруса – «к первозданной высоте много прибавление сотвори и верх позлати».

В нижнем этаже колокольни был возобновлен храм Святого Иоанна Лествичника, отчего вся колокольня и получила название Иван Великий. В начале XVII в. при патриархе Филарете зодчий Бажен Огурцов пристроил к звоннице пятишатровую башню – так называемую Филаретову пристройку.

Высота Ивана Великого составляет 82 м. Архитектура колокольни чрезвычайно проста, и эффект величественности достигается за счет удачно найденных пропорций, что выдает руку опытного мастера. Под золоченой главой помещена идущая кругом золоченая надпись. Благодаря надстройке Иван Великий стал высотной доминантой Москвы, его сверкающую золотом главу можно было видеть за многие версты от города.

Тимбукту

Затерянный в песках Сахары город Тимбукту (Томбукту) известен во всем мире как один из крупнейших культурно-исторических центров Африки. Его называют «городом 333 святых», «жемчужиной средневекового Мали», «королевой пустыни», «Багдадом Черного

континента». Средневековый арабский географ Ибн-Халдун именовал Тимбукту «гаванью в пустыне», европейские купцы – «городом золота».

Первоначально Тимбукту (на языке туарегов это название означает «колодец стражницы Букту»), вероятно, был просто местом отдыха пастухов, перегонявших стада в долине Нигера. Возвышение города, возникшего на пересечении пяти караванных путей, что вели через Сахару от побережья Северной Африки, началось около 1000 лет назад, на рубеже XI–XII вв.

В XII в. Тимбукту вошел в состав могущественной империи Мали, основанной народом малинке, входящим в группу племен мандинго. Ее воинственный правитель Сундиата (1230–1255) создал прекрасно организованное государство. На севере его граница обозначалась мавританским караванным путем, проходившим через Валату, на юге – частью Гвинейской возвышенности (горное плато Фута-Джаллон), на востоке – г. Дженне на реке Бани и на западе – нижним течением реки Гамбия. Позднее, при султанах Мусе I (Манса Мусе, 1307–1332), Мали достигло наивысшего расцвета. Манса Муса взбудоражил весь исламский мир, когда в 1324 г. отправился в паломничество в Мекку в сопровождении более полутысячи рабов и 1000 верблюдов, на каждого из которых было нагружено по 135 кг золота. Планируя остановиться в Каире после изнурительного перехода через Сахару, Муса послал египетскому султану 50 тысяч золотых динаров. Даже 12 лет спустя, как пишет египетский хронист аль-Омари, визит царя в Египет вспоминали с изумлением: «Этот человек затопил Каир морем щедрости: не было ни одного придворного чиновника или обладателя любой другой официальной должности, который бы не получил от него награду в виде золотых монет». В Мекке Муса разбросал толпе нищих 20 тысяч мискалей золота. В результате его щедрость так пошатнула курс золота, что он восстановился лишь спустя несколько лет.

В 1375 г. в Тимбукту побывал знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута. В своей книге он описывал пышность, с которой проводилась аудиенция при дворе султана Мали. Царскому появлению, пишет путешественник, «предшествовали музыканты, которые несли золотые и серебряные гимбры (двухструнные гитары). Перед царем шли 300 вооруженных рабов». Одетый в «бархатистую красную тунику» император ступал по шелковому ковру, направляясь к платформе, защищенной от африканского солнца большим зонтом, «своеобразному павильону, сделанному из шелка и увенчанному золотой птицей, равной по размерам соколу».

На так называемой Каталонской карте, изготовленной в 1375 г. (Тимбукту обозначен на ней как «Тенбук»), европейский художник изобразил Мусу, держащим в одной руке скипетр, в другой – огромный самородок золота. Но не одно лишь золото было тем краеугольным камнем, на котором покоилось благосостояние империи Мали. Оно основывалось также на земледелии, возделывании хлопчатника, производстве хлопчатобумажных тканей, добыче меди, а главное – на торговле, ибо достичь могущества мог только тот, кто держал руку на пульсе товарного обмена солью и золотом между Северной и Западной Африкой. А пульс этот бился в Тимбукту.

В Средние века Тимбукту являлся узлом всей транссахарской торговли. Наивысшего расцвета эта торговля достигла к 1300 г. Из внутренних областей Африки сюда привозили золотой песок, слоновую кость, соль, кожи и рабов. Караваны купцов непрерывно тянулись в Тимбукту, ибо он, как писал португальский географ начала XVI в. Валентин Фернандиш, «есть складочный пункт всего золота, что обменивается на соль как в восточном, так и в западном направлениях». «Там величайшее изобилие зерна и скота», – вторит ему Лев Африканский (XVI в.). Выходец из Гранады Абу Хамид аль-Андалузи, совершивший несколько путешествий в Тимбукту, писал: «В песках этой страны есть золото – сокровище невыразимое. Торговцы продают за него соль, привозя эту соль на верблюдах из соляных копей». В 1426 г. итальянский географ Беккари сообщал о сахарском г. Тумбетту, блиставшем своими мечетями с высокими башнями и украшенными золотом дворцами.

По различным оценкам, в средневековом Тимбукту, изобиловавшем лавками купцов, ремесленников и ткачей, проживало от 30 до 100 тысяч человек. Этот город был главным торговым и культурным центром всей Западной Африки. Улицы Тимбукту заполняли караваны, перевозившие самые экзотические товары. Шум оживленных портняжных мастерских и мастерских резчиков по сандаловому дереву смешивался с криками лодочников на Нигере и монотонным бормотанием учеников 150 мусульманских школ-медресе; здесь сверкали на солнце минареты, украшенные листовым золотом, а над стенами дворца возвышались гигантские глиняные башни, похожие на голубятни.

Процент грамотного населения в средневековом Тимбукту был так же высок, как и во многих европейских городах того времени. Здесь велась оживленная торговля рукописными книгами, привозимыми из Северной Африки. Лев Африканский, посетивший Тимбукту в начале XVI столетия, был поражен количеством судей, врачей и ученых, которые получали от царя высокое вознаграждение и были окружены почетом. Он писал, что из Магриба в Мали привозят книги и извлекают из этого гораздо больше прибыли, чем из любого другого вида торговли. Ибн Баттута отмечал, что в Тимбукту богатство человека определялось количеством лошадей и книг.

Европейским купцам было хорошо известно, что ловкие берберские торговцы продают в Тимбукту большое количество европейских тканей; они с воодушевлением взирали на привозимые в порты Средиземноморья товары из Тимбукту. Увы, но этот «Багдад Африки» оставался для европейцев наглухо закрытым: арабские купцы из Андалусии и Магриба прочно держали в своих руках все нити караванной торговли через Сахару. Впрочем, по сообщению Раймунда Луллия (ок. 1283 г.), какой-то отважный испанец все-таки побывал в Тимбукту, и от него в Италию и Испанию попали первые известия об этом таинственном и сказочно богатом городе в песках. Говорили также о некоем итальянском путешественнике, который в середине XIV столетия попал в Тимбукту из Туниса. Однако достоверно известно имя только одного европейца, побывавшего в Средние века в Тимбукту. Это был уроженец Флоренции Бенедетто Деи. В 1469 г. он посетил это «поселение в королевстве берберов, в самых жарких областях земли», где «много занимаются торговлей и продают грубое сукно, саржу и

рубчатые материи, которые изготавливают в Ломбардии». Спустя 14 лет, в 1483 г., в Тимбукту побывало посольство португальского короля Жуана II, причем семь из восьми его членов не выдержали здешнего нездорового климата и скончались. После этого на долгие четыре века над Тимбукту опустился «железный занавес» – ни один христианин не мог попасть в этот город.

В XV столетии империя Мали распалась, и Тимбукту вошел в состав нового западноафриканского государства – Сонгаи. Просуществовав около 100 лет, империя Сонгаи пала в результате внутренних распрей, расколовших страну на отдельные части и сделавших ее легкой добычей для врагов. К 1591 г. империи больше не существовало.

В конце XVI в. султан Марракеша послал против разрозненных княжеств, образовавшихся на месте империи Сонгаи, армию испанских наемников. Благодаря аркебузам – а у африканцев еще не было огнестрельного оружия – эта операция блестяще удалась. В Марокко доставили огромные военные трофеи. По словам участника похода, это были 30 верблюдов, груженных золотом, перец, рога носорога, а также евнухи, карлики, рабы, 15 девственниц – дочерей местных царьков.

В дальнейшем марокканцы не смогли поддерживать сеть торговых путей, по которой на рынки Магриба из внутренних областей континента доставлялось золото. Очень скоро они утратили здесь свое господство, но разоренные ими города Нигера – Тимбукту, Дженне и Гао – отныне стали влачить жалкое существование. С вторжением марроканцев блистательный период истории Тимбукту завершился.

Вплоть до XIX в. Тимбукту оставался тайной для европейцев. Того, кто откроет эту тайну, ждали премии в 3000 фунтов или 10 тысяч франков, учрежденные географическими обществами Англии и Франции. Оставались неясными даже направление течения реки (Нигера), на которой стоит город, и ее название. Высказывались предположения, что такой рекой может быть либо Сенегал, либо Гамбия. Не исключалась возможность того, что эта таинственная река пересекает почти весь материк, начинаясь где-то недалеко от истоков Нила или даже соединяясь с Нилом (по крайней мере, так было показано на карте мира средневекового арабского географа Идриси).

В 1795 г. на поиски Тимбукту отправился 24-летний шотландец Мунго Парк. Лондонское географическое общество выделило ему некоторые средства, довольно скудные, а риск был велик: местные жители предпочитали грабить пришельцев, а не сотрудничать с ними. Это, помимо физических тягот и лишений, испытал Мунго Парк. С огромным трудом он добрался до широкой полноводной реки. Местные жители называли ее Джолиба, но Парк не сомневался (и он не ошибся), что это – Нигер. Не имея сил продолжать путешествие, он повернул обратно, несколько месяцев из-за болезни вынужден был провести в какой-то деревушке, затем добрался до побережья и на корабле работоторговцев отплыл в Америку, а оттуда – в Шотландию.

Через несколько лет Мунго Парк вновь отправился на поиски Тимбукту. На этот раз с ним было 10 вооруженных белых и 30 негров. Поход начался в сезон дождей, от лишений и болезней умерло большинство членов экспедиции. Остальные, достигнув Джолибы-Нигера, построили

судно и отправились вниз по реке. Больше никаких сведений о них не было.

Через три года англичане нашли единственного уцелевшего участника экспедиции – негра-переводчика. Он рассказал, что его спутники частью погибли в стычках с туземцами, другие, включая Парка, утонули.

В 1825 г. на поиски Тимбукту отправился другой шотландец – Александр Гордон Лэнг (1793–1826). Он уже обладал определенными знаниями об этих областях, поскольку служил офицером в Сьерра-Леоне и принимал участие в колониальной войне против народа ашанти на Золотом Берегу. Во время подготовки к путешествию в июле 1825 г. женился в Триполи на дочери британского консула. Через два дня после этого события Лэнг отправился в путь через Сахару. Ему не удалось избежать ни лихорадки, ни разбойничьих нападений туарегов, но, миновав оазисы Гадамес, Туат и Тауденни, он все же добрался до Тимбукту.

Очевидно, он был первым европейцем, побывавшим в Тимбукту после Бенедетто Деи и португальцев. В отличие от следовавших за ним путешественников, Лэнг открыто исповедовал свою христианскую веру и, не таясь, занимался исследовательской работой. Возможно, именно поэтому мы никогда не узнаем, что же он выяснил: в конце сентября 1826 г. этого честного и открытого человека задушили фанатичные мусульмане.

В 1827 г. за Лэнгом последовал француз Рене Кайе (1799–1838) – сын приговоренного к пожизненному заключению пекаря, человек без имущества, почти без образования, без покровителя в каком-либо ведомстве или научной организации. В шестнадцатилетнем возрасте он в качестве слуги впервые попал в Сенегал. Узнав о британской экспедиции, которая искала следы пропавшего без вести Мунго Парка, он последовал за ней. Это его предприятие окончилось неудачей, унижениями и полным физическим истощением, что, однако, ничуть не ослабило энергии Кайе. Страсть к путешествиям и непреклонная воля побудили его принять решение найти Тимбукту – город, воплотивший в себе все чудеса Африки. Кайе нашел службу в Сенегале, затем в Сьерра-Леоне и весной 1827 г., располагая значительной суммой денег, изучив арабский язык и мусульманский образ жизни, присоединился к каравану, следовавшему на восток.

Он ловко избегал всяческих недоразумений, выдавая себя за египтянина, захваченного в плен и увезенного во Францию, а теперь через Тимбукту якобы возвращавшегося на родину. Эта хитрость оградила его от враждебности, но не спасла от изнурительных переходов, лихорадки и цинги. Прошел целый год, прежде чем Кайе через плоскогорье Фута-Джаллон и области Верхнего Нигера добрался до реки, спустившись вниз по которой он на лодке достиг своей цели.

То, что он увидел 20 апреля 1828 г., было настоящим потрясением: перед ним, окруженные бледно-желтым песком, до самого горизонта простирались глиняные дома и мечети таинственного Тимбукту. Над ними – бледно-розовое небо...

«Когда я вошел в загадочный город, – писал Рене Кайе, – предмет стремлений стольких европейских исследователей, меня охватило чувство невыразимого удовлетворения. Я никогда еще не испытывал таких ощущений, никогда так не радовался. Однако мне приходилось сдерживаться и скрывать свои переживания. Немного успокоившись, я

понял, что открывшееся передо мной зрелище не соответствовало моим ожиданиям. Я совсем иначе представлял себе этот великолепный и богатый город. На первый взгляд Тимбукту – просто скопление плохо построенных глинобитных домов. В какую сторону ни взглянешь, только и видишь, что огромную равнину, покрытую сыпучими песками, желтовато-белую и совершенно бесплодную. Небо на горизонте светло-красное, в природе разлита печаль, царит тишина; не слышно птичьего пения. Но все-таки есть что-то внушительное в этом городе, возникшем среди песков, и невольно восхищаешься трудом тех, кто его основал. Когда-то река, по-видимому, проходила около Тимбукту. Теперь же она отстоит от него на восемь миль к югу».

Нигде не было видно крытых золотом минаретов. Во всем ощущалось запустение. В городе, о котором в свое время Лев Африканский писал, что в нем творили многие и многие художники и ученые, что его королевский дворец забит золотом в слитках, пластинах и блоках, некоторые из которых весили по 1300 фунтов, жителей теперь было в пять раз меньше. Давным-давно умолкли ритуальные барабаны, звуками которых правители Мали созывали народ на торжественные церемонии.

С караваном, направлявшимся в Марокко, Кайе в мае 1828 г. покинул Тимбукту. Никто из мусульманских купцов не заметил, что среди них затесался загорелый до черноты странник в лохмотьях, надрывно кашлявший и пытавшийся облегчить свои страдания бормотанием сур Корана, и что этот человек тайком производит какие-то измерения с помощью компаса, а на полосках запачканной бумаги ведет какие-то записи. В сентябре 1828 г. Кайе предстал перед французским консулом в Танжере.

Путешествие Кайе в Тимбукту стоило ему здоровья, а в итоге и жизни, но во Франции его встретили с почестями. Он стал рыцарем ордена Почетного легиона; с помощью президента Парижского географического общества были опубликованы его путевые заметки; магистрат родного города избрал его бургомистром. Ровно через 10 лет, почти день в день после того, как Кайе покинул Тимбукту, он умер.

В середине XIX в. Тимбукту оставался оживленным торговым городом, но от некогда знаменитых ремесленных мастерских, школ и дворцов не осталось и следа. Посетивший в 1853 г. Тимбукту немецкий путешественник Генрих Барт отыскал здесь «Тарик-эс-Судан» – ценнейшую рукописную хронику по истории Западной Африки, созданную в XVII в., а также другие ценные рукописи.

С 1893 г. Тимбукту вошел в число французских колониальных владений в Западной Африке, а с 1960 г. город находится в составе Республики Мали. О былом великолепии Тимбукту сегодня напоминают многочисленные жилые дома XV и XVI вв., сооруженные из глины на деревянном каркасе. Фасады домов выкрашены в белый или небесно-голубой цвет и скромно украшены узкими карнизами и фризами из песчаника или обожженной черепицы. Причудливые резные узоры, местами сохранившие свою яркую полихромную окраску, украшают косяки дверей.

Тимбукту сохранил уникальные памятники глиняной архитектуры – знаменитые мечети Джингеребер, Санкор и Сиди Яхья. В 1988 г. все три

памятника включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Мечеть Джингеребер построена султаном Мали Канкан Мусой после его возвращения из паломничества в Мекку в 1325 г. Немецкий исследователь Х. Барт в 1853 г. еще видел над главным входом в мечеть дату «1327» и имя «Канкан Муса». Строителем мечети был андалузский архитектор Абу Ишап Эс-Сахели, которого малийский султан встретил в Мекке и убедил поехать с ним в Тимбукту, посулив за это 40 тысяч мискалей золота. Между 1570 и 1583 гг. разрушенное в результате междоусобных войн здание мечети было реконструировано и расширено имамом Аль-Акибом, городским кади (кади – мусульманский судья).

Мечеть Джингеребер, как и три других мечети Тимбукту, почти целиком сооружена из banco – глины, смешанной с резаной соломой. Для большей прочности стены глиняных мечетей Тимбукту пронизывает каркас из жердей, также обмазанных глиной.

В ансамбль мечети входят три внутренних двора и два минарета. Молитвенный зал напоминает зал знаменитой Кордовской мечети: 25 рядов глинобитных колонн пересекают его в направлении с востока на запад.

Другое архитектурное чудо, мечеть Санкор, было построено на средства богатого горожанина-солеторговца в эпоху мандинго (1325–1433). Она также сильно пострадала в XV столетии и была восстановлена в 1578–1582 гг. имамом Аль-Акибом. Измеривший мечеть Каабы веревкой во время своего паломничества в Мекку, он хотел, чтобы мечеть в Тимбукту имела точно такие же размеры. Также построенная из banco и в стиле, очень напоминающем мечеть Джингеребер, мечеть Санкор имеет молитвенный зал с тремя рядами колонн и открытый внутренний двор, в центре которого высится единственный минарет высотой около 15 м. Входные двери украшены древним мавританским орнаментом.

Северную часть мечети занимает знаменитый во всем исламском мире университет, основанный еще в эпоху Средневековья. В XV столетии здесь одновременно обучалось до 25 тысяч студентов, а в числе преподавателей были многие выдающиеся арабские ученые того времени. Наряду с другими предметами в университете Санкор преподавались богословие, исламское право, грамматика, риторика, медицина астрология и история. При университете имелась обширная библиотека. Университет Санкор до сих пор остается одним из важнейших центров мусульманского образования.

Мечеть Сиди Яхья – лучшая из трех мечетей Тимбукту. Она была построена около 1400 г. шейхом Эль-Мухтаром Хамаллахом, которому было предсказано свыше о скором явлении святого имама. Этот имам появился 40 лет спустя, и звали его Сиди-Яхья, чье имя сегодня носит мечеть. После разрушений, причиненных зданию в ходе междоусобных войн, она в 1577–1578 гг. была восстановлена кади Аль-Акибом.

Главными врагами построенных из глины мечетей Тимбукту на протяжении столетий являются ветер и песок пустыни. Раз в два года хрупкие глиняные колоссы нуждаются в ремонте. Эта работа рассматривается жителями Тимбукту как исполнение религиозного долга. Для небольших восстановительных мероприятий привлекается городская гильдия каменщиков, но во многих случаях на работу выходит все мужское

население города. В последние годы к спасению древних памятников Тимбукту активно подключились ЮНЕСКО и другие международные организации.

Саксауаман

Золото – «пот божественного Солнца». В этом были убеждены инки – индейский народ, создавший в XII столетии самую могущественную доколумбову империю, простиравшуюся от Колумбии до центрального Чили. Это государство называлось Тауантинсуйу – «Земля четырех частей [света]».

С инками древнеперуанская культура, прошедшая путь чрезвычайно сложного развития, достигла своей блестящей вершины.

Словом «инка» именовался верховный правитель империи Тауантинсуйу. Первый инка, по преданию, был сыном самого бога солнца Инти, поэтому его потомки именовали себя «сыновьями солнца». А символом солнца у инков служило золото, и из этого металла, как рассказывают, и была построена столица империи – город Куско, о котором испанский хронист Сьеса де Леон написал: «Если бы я захотел описать и перечислить все чудеса Куско, то не смог бы закончить свой рассказ до конца дней своих».

Но, конечно, Куско возводили не столько из золота, сколько из камня. Во время строительства 6000 человек ежедневно доставляли в Куско огромные 100-тонные каменные блоки из Майунских каменоломен, расположенных за многие километры от города. Этот груз приходилось волоком тащить через скалы.

Над долиной, где располагался Куско, над крышами ее дворцов и храмов, высились могучие стены крепости Саксауаман (на языке индейцев кечуа «уаман» означает «сокол»). Инки называли ее «Голова Пумы». Ее строительство началось в XV в., при девятом инке Пачакути, а завершено оно было только во времена правления одиннадцатого инки, Уайна Капака (1493–1525).

По объему выполненных работ и количеству привлеченной рабочей силы строительство крепости Саксауаман сопоставимо только с сооружением египетских пирамид и Великой Китайской стены. Ежедневно здесь работало более 70 тысяч человек.

Стены Саксауамана сложены из плотно пригнанных громадных каменных блоков весом более 350 т, которые не под силу сдвинуть с места даже великану. Индейцы же не только вручную доставили их на вершину горы, но и возвели из них три пояса оборонительных укреплений. И это при том, что инки не знали колеса и у них не было повозок. Они в буквальном смысле создали это гигантское творение голыми руками.

Сделать это позволили выдающиеся организаторские способности и упорство инков. Авторы хроник сообщают, что индейцы волокли эти глыбы к храму, обвязав их канатами толщиной в человеческую руку. Но как они поднимали камни наверх, ловко пригоняя их один к другому? На этот счет выдвигаются самые невероятные гипотезы, вплоть до той, что инки умели... плавить камень!

Три линии укреплений Саксауамана высятся один за другим на горных террасах параллельно друг другу. Каждая стена имеет длину около 360 м и состоит из 21 бастиона. Часть этих бастионов выдвинута вперед,

другая же отодвинута назад.

Первая крепостная стена – самая мощная. Она сложена из каменных блоков длиной в 9 м, шириной 5 м и толщиной 4 м. В стенах Саксауамана было устроено несколько ворот, которые в случае опасности закладывались каменными блоками. Система укрепления включала в себя и три большие башни, которые одновременно служили казармами для гарнизона.

Башни Саксауамана были разрушены испанцами, их остатки обнаружили археологи в 1930-х гг. Оказалось, что подземными ходами башни были связаны с Муякмаркой – тайным убежищем правителей, своеобразным «бункером», где инка с семьей мог укрываться в случае опасности. Другая система подземных ходов соединяла Саксауаман с дворцами в Хурин Куско и Кориқанчей. Эти ходы образовывали чрезвычайно сложный и запутанный лабиринт, так что проникший сюда враг мог легко в них заблудиться.

С севера к стенам Саксауамана примыкает «Трон Инки» – гладко отшлифованная скала, в одном из склонов которой высечены сиденья, напоминающие королевские троны. По преданию, сидя на одном из этих каменных кресел, великий инка встречал восход солнца или любовался панорамой своей столицы и покрытыми снегом вершинами Кордильер. По большим праздникам сюда из храма Инти доставлялись мумии умерших правителей, чтобы они своими незрячими глазами могли наблюдать за играми и празднествами, устраивавшимися в их честь.

Кроме «Трона Инки» к крепости Саксауаман примыкает «Купальня Инки», называемая индейцами «Тампу-Мучай». Неподалеку от нее на скале был высечен пятиметровый рельеф пумы – животного, которое было символом Куско. Этот рельеф впоследствии был уничтожен испанцами.

Лалибэла

В 1520 г. португальский путешественник Франсишку Алвареш, следуя ко двору эфиопского императора Лебн Денгела, посетил «такие изумительные здания с такой замечательной скульптурой, что я сомневаюсь, что нечто хоть сколь-нибудь сопоставимое может быть найдено в другом месте в мире. Здесь есть целые церкви, высеченные в живом камне, сделанные с невероятной изобретательностью». Алвареш заканчивает свое описание предположением, что его читатели будут удивлены и даже, возможно, не поверят «изумительному и почти удивительному устройству этих сооружений». Он клянется, что, как бы ни казалось это невероятным, его описание гораздо хуже действительной красоты этого места.

* * * Путешественники и паломники, приезжающие сегодня в город Лалибэлу, расположенный на высоте более чем 2500 м над уровнем моря, вероятно, испытывают такой же трепет при виде этого шедевра эфиопской архитектуры, который испытал в свое время Франсишку Алвареш. Здешние знаменитые скальные церкви были построены эфиопским императором Лалибэлой (он был здесь и захоронен), который, по словам Алвареша, был «подобен святому, сотворившему много чудес». Лалибэла происходил из династии Загве. Утвердившись в здешних местах после распада Аксумской империи, Загве правили Эфиопией с середины XII до конца XIII столетия.

Об истории династии Загве известно очень немного. Документов от того периода сохранилось мало, и, вероятно, эти императоры так бы и канули в Лету, если бы не памятники Лалибэлы. С 1270 г., когда к власти в Эфиопии вновь пришли потомки Менелика – сына Соломона и царицы Савской, они постарались уничтожить все следы правления Загве и даже подвергли цензуре рукописи того времени. Правда, в более поздние времена, когда страсти улеглись, несколько императоров из династии Загве были причислены к лику святых. В их числе был и Лалибэла.

Император Лалибэла правил около 1190–1225 гг. Сведения о его жизни сохранились только из его жития, написанного в XV столетии. Предание рассказывает, что Лалибэла родился в г. Роха (так тогда называлась современная Лалибэла) и был младшим братом императора Харбая. Император, подозревая Лалибэлу в намерении завладеть тронem, попытался отравить его. Эта попытка не удалась: Лалибэла, говоря современным языком, впал в состояние клинической смерти. Его душа была вознесена ангелом на небеса, где Бог показал ему 10 церквей, «сделанных из единой скалы», и сказал: «Я сделаю тебя императором с тем, чтобы ты смог построить церкви, подобные тем, которые ты видел».

Спасенный божественным вмешательством, Лалибэла стал императором Эфиопии. Свое правление он посвятил выполнению данного им перед Богом обета: с помощью «множества ангелов и множества людей» сооружал в скалах необыкновенные церкви, подобные виденным им на небесах. Он умер, как только его задача была выполнена. Авторы жития сравнивают Лалибэлу с Соломоном, который «за 20 лет создал два памятника: храм для Господа и свой собственный дворец. Лалибэла построил 10 церквей из единого куска скалы при помощи Сына Божьего».

В мире существует немало скальных ансамблей. В той же Эфиопии насчитываются сотни церквей, высеченных в скалах на высоких плато Эритреи и Тигре – к северу и к югу от Аддис-Абебы. Однако Лалибэла – один из редчайших комплексов подобного рода. Его называют «Эфиопским Иерусалимом».

«Какой язык может описать эти церкви? – пишет средневековый эфиопский хронист. – Я неспособен объяснить вам, как они построены; не ожидайте от меня описания их убранства; но тот, кто созерцает их, никогда не устанет любоваться ими».

Комплекс монолитных церквей, напоминающих скульптуры, высеченные в вулканической породе, соединен лабиринтами проходов, внутренних дворов и подземных туннелей. Это настоящее царство минералов, где преобладают желтоватокоричневые и серые тона, где можно затеряться в узких проходах, где на каждом шагу встречаются погруженные в себя монахи, священники и дьяконы.

В ансамбль церквей Лалибэлы входят три группы памятников, расположенных на разной высоте. Охватить взглядом весь комплекс просто невозможно – чтобы увидеть древние церкви, необходимо спускаться в глубокие, высеченные в скалах траншеи и рвы, в которых скрываются постройки.

Первая группа памятников, расположенная в самой высокой части участка, включает семь церквей. Самой большой из них является Бет

Мадхане Алам («Церковь Спасителя мира»). Ее длина составляет 34 м, высота – 11 м. Церковь окружена 34 пилонами, внутри она имеет пять нефов и три внутренних зала. Другая церковь, Бет Мариам («Святая Мария»), построенная по типу базилики, славится своими порталами перед тремя входами и живописными фризами и фресками.

Оба этих здания целиком высечены из огромного каменного блока. Из той же самой скалы вырублены и все традиционные элементы внутреннего и внешнего убранства храмов: ниши, пилоны, арки, апсиды, алтари.

В этот же сложный комплекс храмов входят Бет Маскаль (церковь Святого Креста), Бет Дабра Сина (церковь Синайской горы), церковь Голгофы, Бет Данагель (церковь Девы) и часовня Бет Селласие (Святой Троицы). Из них наиболее интересна частично высеченная из монолита церковь Голгофы. Ее украшают чрезвычайно интересные барельефы с изображениями семи святых. Старинные эфиопские хроники утверждают, что здесь находятся могилы Христа, Адама и основателя комплекса – императора Лалибэлы.

К юго-западу от этого ансамбля, за ручьем, носящим название Иордан, расположен комплекс из четырех скальных церквей – Бет Амануэль, Бет Меркуриос, Бет Авва – Либанос и Бет Габриэль – Руфаэль. Целиком, с великой тщательностью высеченная из огромной глыбы красного туфа Бет Амануэль создана по типу базилики. Ее размеры 18,5 x 12,5 x 12 м. Церкви Бет Меркуриос и Бет Габриэль – Руфаэль, вероятно, первоначально сооружались как здания светского назначения и лишь позднее были превращены в храмы.

Особняком от этих двух групп стоит изящная монолитная церковь Бет Гиоргиос (Св. Георгия), находящаяся приблизительно в 500 м к юго-западу. Небольшая (высотой 12,5 и шириной 10,5 м), она не имеет ни пилонов, ни колонн, а ее плоская крыша украшена рельефным орнаментом в форме креста.

Древняя культура христианской Эфиопии была пропитана ценностями Ветхого Завета. Еще со времен Менелика эфиопские императоры стремились сделать Эфиопию вторым Израилем. Недаром создатель ансамбля император Лалибэла похоронен рядом с символическими могилами Адама и Христа – тем самым подчеркивалось значение храмов Лалибэлы как священного центра Эфиопии, нового Иерусалима. В одном из эфиопских средневековых текстов говорится, что «Эфиопский Иерусалим» был благословлен самим Христом, сказавшим императору Лалибэле: «Пусть это будет святым местом, подобным Горе Фавор – месту моего преображения, подобным Голгофе, месту моего распятия на кресте, и подобным Иерусалиму – земле моей матери, где я стал плотью ее чистой плоти. Если человек предпримет паломничество сюда, то это будет подобно паломничеству к моей могиле в Иерусалиме. И если кто причастится плотью и кровью моей в этих церквях, он будет спасен и очищен от всех грехов».

Лалибэла и сегодня остается вторым по значению (после Аксума) священным городом Эфиопии. Ежегодно десятки тысяч паломников совершают путешествие к его святыням. Здесь постоянно проживает несколько сотен священников и монахов. Особеннолюдно в Лалибэле в дни

Пасхи, Крещения и Воздвижения креста, когда здесь устраиваются большие религиозные процессии.

Памятники «Эфиопского Иерусалима» неоднократно реставрировались на средства правительства Эфиопии, а с 1978 г., когда Лалибэла была включена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, к работе по изучению и восстановлению древних церквей подключились и международные организации.

Чан-чан

Индейцы чиму утверждали, что в Перу они пришли, а вернее, приплыли, откуда-то с севера. Они говорили на языке, отличном от кечуа – языка жителей Перу. Возможно, прародину чиму следует искать где-то в Центральной Америке. В XII–XIII вв. государство Чиму распространило свою власть практически на все побережье Перу протяженностью в 1000 километров.

Индейцы чиму были отличными рыбаками и умелыми земледельцами, они прекрасно строили ирригационные сооружения. Чиму первыми в Южной Америке открыли рецепт выплавки бронзы. Золото служило им для изготовления украшений и предметов, связанных с религиозным культом. Мастера-ремесленники чиму, и в особенности ювелиры, значительно превосходили своим искусством инков.

Чиму были превосходными строителями. Вдоль границ своего государства они создали цепь более чем из 50 крепостей, протянувшуюся на несколько сотен километров. Чиму построили памятник, вообще не имеющий никаких аналогий в доколумбовой Америке: настоящую «китайскую стену» шириной в 5 м, высотой примерно около 3 м и длиной в 64 км! Она ведет от берега моря до находящегося высоко в горах г. Сучимансильо. Эта стена охраняла границы государства Чиму от нападений, точно так же как Великая Китайская стена охраняла Срединную империю.

Эпоху чиму в истории доколумбовой Южной Америки часто именуют эпохой строителей городов. В это время на побережье Перу и в удаленных от моря горных областях появляются десятки городских поселений, среди которых блистала столица империи Чиму – величественный город Чан-Чан, расположенный неподалеку от современного перуанского порта Трухильо, в устье реки Моче. В доинкскую эпоху Чан–Чан был крупнейшим городом Южной Америки. В нем проживало более 60 тысяч человек.

Чан-Чан часто именуют «глиняным чертежом». Его дома, сооруженные из высушенного на солнце кирпича, объединены в аккуратно распланированные кварталы, так что весь город с воздуха выглядит тщательно выполненной геометрической схемой.

Внушительные постройки столицы Чиму – пирамиды, здания, улицы, водохранилища, высокие стены – раскинулись более чем на 20 кв. км. Внутри Чан-Чан был разделен на 10 кварталов, или, точнее, на 10 самостоятельных архитектурных комплексов, занимавших равную площадь – приблизительно 450 x 350 м. Друг от друга их отгораживали стены девятиметровой высоты.

В каждом из кварталов были одна или несколько площадей, вокруг которых располагались храмы, платформы из сырцового кирпича, дворцы, жилые дома, улицы, сады, водоемы. Облик Чан-Чана напоминает ацтекский

Теночтитлан с его общинами-кальпулли, в каждой из которых располагался отдельный городской район, подобный кварталу Чан-Чана. Такое разделение Чан-Чана на 10 самостоятельных кварталов позволило исследователям предположить, что в каждом из них жили представители одной родственной группы – айлью.

Между отдельными кварталами внутри городской черты находились орошаемые поля, обеспечивавшие жителей основными продуктами питания. Каждый квартал имел свои водохранилища и собственное кладбище.

Монументальный центр города располагался на территории в 6 кв. км и был окружен укреплениями. Здесь тоже имелись свои склады и водохранилища. Здесь же находилась резиденция правителя Чиму. После смерти царя хоронили в его дворце со всеми сокровищами, а преемник строил себе новое здание, похожее скорее на замок или крепость, чем на обычный дом.

Чрезвычайно обширные строительные работы – такие, например, как строительство дорог или сооружение пирамид в Чан-Чане, сложенных из нескольких миллионов необожженных кирпичей, – безусловно, требовали организации труда многих тысяч людей. Очевидно, что работами руководило большое число чиновников и зодчих. Вероятно, что чиму, будучи наследниками мочика, восприняли от них и полувоенную организацию государства.

Именно в Чиму была впервые в Южной Америке создана объединенная сеть ирригационных каналов. Канал длиной 80 км подводил речную воду к развитой ирригационной системе, орошавшей весь район Чан-Чана. Среди руин города археологами найдены остатки водопроводных и канализационных труб.

Жители Чан-Чана, как, впрочем, и все остальные индейцы Америки, не знали ни колеса, ни повозки, но при этом строили настоящие мощеные дороги шириной в 5–8 м, которые близ Чан-Чана расширяются до 25 м.

Индейцы чиму, в отличие от многих своих соседей, поклонялись не Солнцу, а Луне. В ее честь в Чан-Чане и по всей обширной империи Чиму возводились святилища и пирамиды, а серебро – лунный металл – ценился и применялся чиму больше, чем золото. Солнечные затмения в империи Чиму отмечались праздниками в честь Луны, побеждающей Солнце.

В Чан-Чане сохранились руины четырех пирамид. Сегодня их называют по именам землевладельцев-испанцев, которым после прихода белых принадлежала территория древней столицы Чиму: Уака-дель-Обиспо, Уака-де-ла-Роса и Уака-де-Конча и Уака-де-Толедо. Последняя, как и египетские пирамиды, судя по всему, являлась гробницей царей правящей династии.

Помимо культа Луны в Чан-Чане господствовал исключительно развитый культ змей. Некоторые ученые полагают, что само название города связано с этим культом – слово «чан» в некоторых индейских языках означает «змея». А в первых этажах чан-чанских дворцов археологи обнаружили загадочные темные каморки, которые из-за своего мрачного вида были приняты за темницы для узников. Однако дальнейшие исследования показали, что в этих каморках содержались священные змеи.

Гордостью Чан-Чана являются великолепные рельефы на стенах его дворцов, отштампованные на глине и окрашенные в различные цвета. Так, в одном из строительных комплексов был обнаружен фриз 7 м в длину и 14 м в ширину, изображающий людей-птиц, которые держат во рту-клюве рыб и крабов.

И по сей день стены Чан-Чана украшают барельефы в виде простого геометрического «коврового» орнамента или стилизованных фигур людей и животных.

Империя Чиму была побеждена своими более сильными соперниками – инками. В 1476 г. в решающем сражении последний властитель Чиму по имени Чимо Капак был побежден войсками императора инков Тупак Юпанки. Государство Чиму было присоединено к империи инков Тауантинсуйу, а Чан-Чан был разрушен.

Сегодня руины Чан-Чана являются археологическим заповедником, включенным в число памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО. В последние десятилетия здесь ведутся значительные реставрационные работы.

Обсерватория Улугбека

Это знаменитое сооружение, расположенное близ Самарканда (Узбекистан), – одна из крупнейших обсерваторий Средневековья, созданная внуком «Железного Хромца» Тимура Улугбеком (1394–1449). На основании проводившихся здесь астрономических наблюдений Улугбек создал свой теоретический труд «Зидж-и-Гурагани» – «Новые звездные таблицы», содержащий самые точные для своего времени таблицы движения небесных тел, каталоги положений 1018 звезд и летосчислений разных народов. Это был итог, венчавший достижения всей средневековой астрономии.

* * *

Среди исторических памятников Самарканда особое место занимает обсерватория, сооруженная в 1417–1420 гг. в окрестностях города, на одном из холмов возвышенности Кухак. Самаркандская обсерватория была построена по проекту, разработанному самим Улугбеком вместе с учеными–астрономами, среди которых были Казы-заде Руми, Муинад-дин Каши и Али Кушчи. В основу проекта легли приемы строительства древних храмов, которые использовались для астрономических наблюдений, связанных с календарным отсчетом времени, сезонными явлениями природы и сроками земледелия.

В те времена не было оптических линз, и точность наблюдений невооруженным глазом целиком зависела от размеров прибора. Поэтому гигантским инструментом для измерений служило само здание обсерватории. Подобные «инструменты» изготовлялись еще в XI в.: способ построения «секстанта Фахри», изобретенного выходцем из Ферганы аль-Ходжанди, описан среднеазиатским ученым Абу Рейханом Бируни.

По свидетельству Захиреддина Бабура (правнука Тимура), лично видевшего обсерваторию Улугбека в 1498 г., это было трехэтажное, покрытое прекрасными изразцами здание круглой формы диаметром более 46 м и высотой не менее 30 м. Обсерватория была для своего времени уникальным сооружением. В ней находился гигантский каменный секстант, радиус окружности которого равнялся 40,212 м, а длина самой дуги

составляла 63 м. Инструмент был ориентирован с поразительной точностью по линии меридиана с юга на север и установлен в траншее шириной 2 м и глубиной 11 м. Он использовался для определения координат Солнца, Луны и планет.

С востока на запад первый этаж пересекали коридоры, делившие полукружия по сторонам от траншеи секстанта надвое: в каждой четверти размещались высокие двусветные залы, крестообразные в северной половине и продолговатые в южной, которые предназначались для научных занятий. Как сообщают средневековые хроники, стены залов были расписаны изображениями «девяяти небес», созвездий, гор и морей, разных «климатов земли». Снаружи здание было украшено в духе своего времени глазурованными изразцами, мозаикой и расписной майоликой, фрагменты которых найдены при археологических работах.

Наблюдения за звездами велись с лестницы, шедшей по всей длине секстанта, при помощи каретки с диоптром, двигавшейся по желобкам, выдолбленным в камне по сторонам лестницы. Второй диоптр, через который фиксировалось положение звезд, помещался на крыше здания, в центре дуги секстанта.

Улугбеку принадлежит заслуга создания астрономического каталога «Зиджи-Гураган», известного под названием «Звездные таблицы Улугбека». Над ними вместе с Улугбеком работала целая плеяда крупных ученых длительный период и закончила их к 1437 г. «Улугбек-мирза написал в этой обсерватории „Тургановы таблицы“, – пишет Захиреддин Бабур, – которыми теперь пользуются во всем мире. Другие таблицы употребляются редко».

Точность наблюдения самаркандских астрономов тем более удивительна, что они велись без помощи оптических приборов, невооруженным глазом. Астрономические таблицы Улугбека содержат координаты 1018 звезд. «Зидж-и-Гурагани» не потеряли своей ценности и в наши дни. С поразительной точностью произведено и вычисление длины звездного года, который, по расчетам Улугбека, равен 365 дням 6 часам 10 минутам 8 секундам. Подлинная длина звездного года по современным данным – 365 дней 6 часов 9 минут 9,6 секунды. Таким образом, ошибка составляет менее одной минуты.

Звездные таблицы Улугбека остались последним словом средневековой астрономии, той высшей ступенью, которой могла достичь астрономическая наука до изобретения телескопа. Достижения астрономической школы Улугбека оказали огромное влияние на развитие науки Запада и Востока, в том числе Индии и Китая.

После гибели Улугбека (1449) труд ученого вывез и издал в Турции его ученик и соратник Али ибн Мухаммад Кушчи. Обсерватория же продолжала возвышаться над арыком Обирахмат до конца XV в. В последующие века обсерватория Улугбека была разобрана на кирпичи, и в течение многих столетий ее месторасположение оставалось загадкой для историков. Только в 1908 г. самаркандский археолог В. Л. Вяткин в результате тщательного изучения старинных документов сумел после многолетних пытливых и трудных поисков и рекогносцировок обнаружить следы разрушенной обсерватории.

Над раскопанной им траншеей главного инструмента обсерватории – секстанта в 1915 г. был сооружен свод со входным порталом, который сохраняется до сих пор. Последующие раскопки фундаментов, сделанные в 1925, 1946, 1948 гг., выявили план первого этажа, который ныне по остаткам фундаментов и стен выложен до уровня цоколя. Что же касается восстановления форм утраченного уникального здания, они до сих пор являются предметом дискуссий.

Возле обсерватории построен мемориальный музей Улугбека, где многочисленные экспонаты рассказывают об «астрономической академии» Востока и ее замечательном создателе. Здесь экспонируются макеты астрономических инструментов, фотокопии улугбековских астрономических таблиц расположения звезд, фотокопия титульного листа первого издания извлечений из «Зидж-и-Гурагани» (Оксфорд, 1648 г.).

Тадж-Махал

Знаменитый на весь мир Тадж-Махал, расположенный в 2 км от Агры, почему-то часто считают храмом. На самом деле это мавзолей-усыпальница Мумтаз Махал (Арджуманд Бано Бегум) – второй жены Шах Джахана, четвертого императора из династии Моголов. Первое название мавзолея было «Тадж Биби-ка-Рауза» – «место погребения царицы сердца». Более позднее название, Тадж-Махал, дословно переводится с персидского как «Венец Моголов».

*** По преданию, в 1612 г. принц Гурам встретил на базаре прекрасную бедную девушку с деревянными четками в руках. Взглянув в ее глаза, он уже не замечал больше грязи и нищеты вокруг, и твердо решил взять в жены красавицу, чтобы не разлучаться никогда. Так 19-летняя Арджуманд Бано Бегум стала второй женой принца Гурама – в будущем Шах Джахана. Именем Мумтаз Махал – «Украшение дворца Моголов» – назвал ее свекор, император Джахангир. И хотя у Гурама было еще несколько жен и множество наложниц, Мумтаз завоевала сердце будущего императора и безраздельно владела им до конца его дней. Французский врач, философ и путешественник Франсуа Бернье, проживший в Индии 12 лет, отмечал в своих записках, что Шах Джахан «не обращал внимания на других женщин, пока она была жива».

Мумтаз была не только его любимой женой, но и верной сподвижницей. Принц Гурам особенно оценил ее преданность, когда ему пришлось скитаться по свету, преследуемым своим отцом Джахангиром, и добывать трон в жестокой борьбе со своими братьями. В 1627 г. Гурам, одержав окончательную победу и захватив отцовский трон, принял титул Шах Джахана – «повелителя мира».

Шах Джахан обожал свою супругу, оказывал ей почести, устраивал в ее честь пышные приемы и грандиозные праздники. Без ее участия не начиналась ни одна сколько-нибудь важная церемония, не принимался ни один государственный акт. Мумтаз присутствовала на заседаниях государственного совета, ее мнение почти никогда никем не оспаривалось.

Мумтаз родила Шах Джахану девяти детей (по другим источникам – тринадцать). Счастливая жизнь царственных супругов прервалась внезапно. Весной 1636 г. (по другим сведениям – в 1629 г.) Мумтаз внезапно заболела. Болезнь оказалась смертельной. Впрочем, другие источники утверждают, что Мумтаз не пережила очередных родов,

которые оказались очень тяжелыми. Как бы то ни было, все легенды сходятся на том, что это случилось в лагере, разбитом под Бурхан-Нуром в шатре Шах Джахана, который возвращался из победоносного похода в Декан. Предание рассказывает, что, умирая, Мумтаз попросила мужа построить гробницу, достойную их любви.

Первоначально Мумтаз была похоронена в Бурхан-Нуре. Шесть месяцев спустя ее останки были перенесены в Агру и захоронены в парке на берегу Джамны. Ровно через год после смерти жены Шах Джахан начал строить мавзолей. Был объявлен конкурс на лучший проект, в котором приняли участие зодчие Востока и Передней Азии и, по некоторым сведениям, даже из Европы. Больше всего императору понравился проект, созданный персидским архитектором Усто Иса Ханом Эффенди из Шираза. Впоследствии этот проект был частично изменен и дополнен рядом деталей.

Тадж-Махал сооружала 20-тысячная армия рабочих. Мрамор привозили за 300 км от Агры. На создание всего комплекса ушло 22 года. Гробница была обнесена высокой стеной из красного песчаника с массивной трехъярусной башней и арочными воротами. Перед мавзолеем простирался обширный двор, в котором предполагалось устроить сад. На другом берегу Джамны началось строительство другого такого же грандиозного мавзолея, но из черного мрамора – его Шах Джахан предназначил для самого себя. По замыслу императора, оба мавзолея, белый и черный, должны были соединиться высоким кружевным мостом из черного и белого мрамора. Уже начались подготовительные работы, закладывался фундамент и сооружались свайные укрепления на противоположном берегу реки. Однако этому плану не суждено было сбыться. Сын Шах Джахана, Аурангзеб, совершил переворот, арестовал отца и заточил его в Красном форте вместе с его любимой дочерью Джаханари Бегум. Строительство мавзолея было прекращено. Последние девять лет своей жизни Шах Джахан провел под домашним арестом и умер 23 января 1666 г. Выполняя последнюю волю своего отца, Аурангзеб на следующий же день приказал перевезти его тело в Тадж-Махал и похоронить рядом с Мумтаз. Здесь же были погребены другие жены Шах Джахана – Бегум Фатехпур и Кандхари Бегум, главная фрейлина Мумтаз – Сатиун-Нисса Ханум и другие члены императорской семьи и их приближенные.

Подобно драгоценному алмазу, Тадж-Махал заключен в оправу крепостных стен с четырьмя угловыми фигурными башнями-павильонами, увенчанными ажурными надстройками и куполами. Можно часами стоять и смотреть на эту сказку Востока. Кажется, будто Тадж-Махал светится изнутри, меняя оттенки в зависимости от положения солнца: то он становится светло-розовым, то голубоватым, то нежно-оранжевым. Ночью, при луне, на фоне черного неба он выглядит ослепительно белым. Каждый год в период дождей разлившаяся река подступает к самым стенам Тадж-Махала, и в синих водах отражаются его бело-розовые стены, купола и минареты.

Мавзолей с трех сторон окружает парк. Вход в него выглядит как дворец из красного песчаника, увенчанный 11 куполами. Фасад «дворца» украшает узорный беломраморный портал, по сторонам – две башни, также

увенчанные куполами.

Центральной осью парка является оросительный канал, разделенный посередине мраморным бассейном. От него протянуты дорожки к четырем минаретам. В свое время несколько несчастных влюбленных свели счеты с жизнью, бросившись с вершин этих минаретов, так что теперь подъем на них закрыт.

Поражая издали своей кажущейся легкостью, вблизи мавзолеем выглядит более величественным. Только подходя совсем близко, замечаешь, что его стены покрыты тончайшими узорами, словно вытканными по белому мрамору: мраморные блоки инкрустированы самоцветами, излучающими мерцающий свет. Поражает свежесть этого сооружения, как будто все это сделано не три века назад, а совсем недавно. Предание рассказывает, что Шах Джахан якобы повелел отрубить руки архитектору, чтобы он не мог нигде создать ничего подобного.

Боковые мраморные лестницы ведут на второй этаж мавзолея и открытые круговые террасы, над которыми возвышается узорчатая и сверкающая самоцветами громада белого купола. Фасад мавзолея прорезан огромными полукруглыми нишами и кажется невесомым. В центре его расположен вход в светлый просторный зал, где стоят два саркофага из бело-розового мрамора, украшенных растительным орнаментом и опоясанных текстами из Корана. Когда-то в зал вели огромные двери, выполненные целиком из серебра. Их покрывал тонкий орнамент из тысяч серебряных гвоздиков. Сейчас двери медные.

Беломраморные стены зала украшены мозаиками из тысяч драгоценных и полудрагоценных камней. Сплетенные в изысканный орнамент стебли растений и гирлянды неувядающих каменных цветов перемежаются вязью арабских букв, выложенных черным мрамором. 14 сур из Корана – традиционное для мусульманской архитектуры украшение – венчают своды арок над окнами.

Воспетый поэтами как памятник любви Шаха Джахана и Мумтаз, Тадж-Махал сегодня во всем мире воспринимается как символ Индии. Это одна из самых известных и посещаемых достопримечательностей страны.

Ростовская митрополия

Ростов – один из древнейших русских городов. Впервые летопись упоминает его под 862 г., и хотя эту дату нельзя считать достоверной, археологические данные свидетельствуют, что город существовал уже в X–XI вв. При сыне Ярослава Мудрого, князе Всеволоде Ярославиче, в Ростове была учреждена епископская кафедра. Первый епископ Ростова, Леонтий, был убит в 1071 г. язычниками.

*** Со стороны озера Неро Ростовский кремль выглядит подобно легендарному граду Китежу. Купола церквей, шатровые и «кубоватые» завершения крепостных башен в сочетании с островерхими дымниками создают удивительно красивую картину города-сказки. Ростовский кремль часто сравнивают с музыкой, застывшей в камне, с величавой песней.

Грандиозный ансамбль Ростовской митрополии, которую чаще именуют Ростовским кремлем, создавался с начала 1670-х гг. на протяжении 20 лет. Он стал настоящим городом в городе, обнесенным высокими, крепостного вида, стенами с 11 башнями. Строителем кремля

был митрополит Иона Сысоевич, вошедший в историю своим невиданным по размаху каменным строительством. Под его руководством ростовские мастера умело соединили в единое целое три ранее не связанных друг с другом ансамбля: Успенского собора, Григорьевского затвора и архиерейских палат.

Величественный Успенский собор когда-то стоял в центре древней городской площади. «Храм сей по своему зодчеству и по обширности – один из лучших нашего отечества», – писал в XIX в. известный русский паломник А. Н. Муравьев. Образцами для него послужили Успенский собор в Москве и Успенский собор во Владимире. Точная дата постройки собора неизвестна. Скорее всего, это вторая половина XVI в. При митрополите Ионе Сысоевиче с юга к собору пристроили паперть, тогда же были устроены новые купола. Западный вход получил решетчатые «затворы», выполненные ростовским кузнецом Максимом Гордеевым в 1696 г.

Успенский собор издревле служил усыпальницей ростовских князей и архиереев. Здесь погребены ростовские митрополиты Варлаам I, Иона I, Кирилл, Варлаам II, Иона Сысоевич и Иоасаф. Здесь же находилась гробница легендарного князя Василька Ростовского, плененного и зверски убитого татарами по приказу Батыя в 1238 г. В соборе покоились мощи знаменитых ростовских угодников: св. Леонтия, первого христианского просветителя Ростова (погиб в 1288 г.); св. Исаии, третьего епископа Ростова, «в долгое правление паствою Ростовской утвердивший в ней корень христианства»; св. Игнатия, епископа Ростовского; св. Федора, архиепископа Ростовского, основателя Симонова монастыря, племянника Сергия Радонежского (ум. в 1395 г.). К мощам ростовских угодников ежегодно стекалось огромное количество паломников.

Собор был расписан в 1659 и 1669–1671 гг. ярославскими и костромскими мастерами Севастьяном Дмитриевым, Иосифом Владимировым, Дмитрием Григорьевым, Гурием Никитиным, Силой Савиным, Василием и Константином Афанасьевыми, Иваном и Федором Карповыми. Фрески частично переписывались в 1779 г., а в 1843 г. их полностью закрыла масляная живопись. В 1950-х гг. древние росписи были частично раскрыты. Эти великолепные, праздничные фрески, сверкающие голубизной, золотистыми переливами, палевыми, зелеными и розовыми тонами, изображают библейские сцены, святых, священнослужителей. Живопись ростовских храмов называют лебединой песней древнерусского искусства, чудесной и незабываемой. Ростовские фрески отличаются редкой динамичностью и драматизмом. Наряду с основными тонами в них широко применены полутона – вишневый, малиновый, красно-коричневый, темно-синий, васильковый, изумрудный, песочно-желтый, лимонный.

Огромный позолоченный иконостас Успенского собора выполнен в 1730–1740-х гг. в стиле барокко. Основная часть икон относятся к XVIII в., так как более старые иконы погибли в пожаре, случившемся в 1720-х гг. Удалось спасти лишь несколько, среди которых – «Спас», «Апостолы Петр и Павел» и «Царевич Петр Ордынский» (все – середина XVII в.).

Рядом с Успенским собором находится знаменитая ростовская звонница, построенная в 1682–1687 гг. митрополитом Ионой. Ее 13 колоколов прославились на всю Россию благодаря особому, уникальному подбору тонов. Сохранилось письмо Ионы Сысоевича, где он шутливо

пишет: «На своем дворишке лью колоколишки, дивятся людишки». «Колоколишки» удались на славу. Самый большой, весом 2000 пудов, отлит в 1681 г. мастером Федором Терентьевым. Этому колоколу митрополит Иона дал имя «Сысой», в память своего отца – скромного сельского священника. Его празднично-торжественный бас слышался на 20 верст окрест. 1000-пудовый «Полиелейный» и 500-пудовый «Лебедь» отлил в 1682–1683 гг. мастер Филипп Андреев с сыном Киприяном. Великопостный колокол «Голодарь» весом в 140 пудов был слит из старых колоколов в 1807 г. 80-пудовый «Баран» отливал в 1654 г. мастер Емельян Данилов. В XVII в. отлиты и 30-пудовый «Красный», и 20-пудовый «Козел». Остальные шесть колоколов мал-мала-меньше названий не имеют, и точное время их изготовления неизвестно.

Ростовским звонарям было известно несколько звонов, «приличных» тому или иному случаю. Величественный, плывущий «Ионинский» звон отличался большой торжественностью. Его исполняли пять звонарей. Двое раскачивали язык «Сысой» со скоростью 42 удара в минуту. Третий звонарь звонил в «Полиелейный» – его удары должны звучать одновременно с ударами «Сысой». Четвертый в определенном ритме и последовательности бил в шесть колоколов, а пятый – в остальные четыре.

Праздничный «Георгиевский» звон отличался очень красивым «малиновым» перезвоном. Быстрый, летящий «Колязинский» звон имел плясовой темп. Позднее к ростовским звонам добавился еще один – Ионафановский, созданный в XIX столетии лучшим знатоком ростовских звонов А.А. Израилевым, ростовским протоиереем. Им же были изготовлены камертоны, воспроизводящие звучание ростовских колоколов.

К соборной площади примыкает резиденция ростовских митрополитов. Она напоминает собой замок. Ростовский кремль построен так, что по его галереям можно пройти от храма к храму и от палаты к палате, не спускаясь на землю. Въезды в резиденцию украшают высокие надвратные храмы – церковь Воскресения, церковь Иоанна Богослова и церковь Спаса на Сенях, нарядные и одновременно монументальные.

Строителем главных зданий Ростовского кремля был, как считают, каменных дел подмастерье Петр Иванович Досаев. Работы начались в 1670 г. В Москве в это время зодчество уже приобретало формы навеянного европейским влиянием барокко. Ростовские же храмы построены в согласии с древней новгородской традицией, но величие новгородских храмов в Ростове уступает место изяществу.

Надвратная пятиглавая церковь Воскресения Господня выходит главным фасадом на Соборную площадь. Она построена в 1670 г. Наружные стены покрыты кафелем и лепниной. Старинные железные ворота в XVIII в. по заказу митрополита Арсения Мациевича были расписаны эмблематическими фигурами. Церковь расписывала артель ярославских и костромских мастеров во главе с Дмитрием Григорьевым в середине 1670-х гг.

Над западными, Московскими, воротами возвышается надвратный храм Святого Иоанна Богослова, богато украшенный изразцами. Это одна из самых вдохновенных и изысканных церквей Ростовского кремля. Храм построен в 1683 г., он служил домовою церковью при Палате для

пришествия государей – царском путевом дворце.

Изящная пятиглавая церковь Святого Григория Богослова находится на территории бывшего Григорьевского затвора – так в XIV–XVI вв. назывался небольшой Григорьевский монастырь, из стен которого вышли просветитель коми-зырян Св. Стефан Пермский и духовный писатель Епифаний Премудрый, автор «Жития Сергия Радонежского» и «Жития Стефана Пермского». При строительстве митрополии территория древнего монастыря была обращена в митрополичий сад, а рядом была выстроена церковь во имя Св. Григория Богослова. После упразднения Ростовской митрополии церковь долгое время находилась в запустении и была восстановлена в 1883 г., к 500-летней годовщине посвящения в епископы Стефана Пермского, который в этом храме был некогда пострижен в монахи.

Покои ростовских митрополитов – Самуилов корпус – построены в XVI в. мастером Григорием Борисовым и перестроены при митрополите Ионе Сысоевиче. В конце XVIII в. корпус был надстроен на один этаж и приспособлен для размещения в нем Ростовского духовного училища.

Новое здание митрополичьего дома, построенное при Ионе Сысоевиче, чаще называют Белой палатой. Ей не было равных даже в царском дворце в Москве. Некогда здесь проводились собрания духовенства, трапезы, церемонии. К Белой палате примыкает сооруженная в 1675 г. одноглавая домовая церковь Спаса на Сенях. Ее замечательные фрески созданы «ростовским попом Тимофеем», изографом из Вологды Дмитрием Степановым и костромичами Иваном и Федором Карповыми.

Обширный царский путевой дворец построен в 1680-х гг. На втором ее этаже находится Красная палата, предназначенная «для присутствия государева». Своды обеих палат, Белой и Красной, были покрыты росписями.

После Ионы Сысоевича большого строительства в Ростовском кремле не велось. Лишь при преемнике Ионы, митрополите Иоасафе Лазаревиче, в 1698 г. была построена небольшая одноглавая церковь Богоматери «Одигитрии». После перевода митрополии из Ростова в Ярославль кремль запустел. Его постройки поступили в гражданское ведомство. Для маленького уездного Ростова пять церквей помимо посадских были чрезмерны. Естественно, что ни о каком использовании их по назначению речи быть не могло. Здания бывшей митрополии заняли винные и соляные склады, учреждения, лавки. Кремль начал быстро разрушаться и приходить в упадок. Церкви стояли с выбитыми окнами, здания потихоньку разбирались, и кирпичи растаскивались на стройматериалы. Были разобраны Часовитная башня, началась разборка царского дворца. Ставился даже вопрос о полной разборке кремля и строительстве на его месте новых торговых рядов. И только в 1880-х гг. группа местных и столичных поборников старины выступила в защиту Ростовского кремля.

Своему возрождению Ростовский кремль обязан прежде всего Андрею Александровичу Титову – местному уроженцу. При его непосредственном участии памятники Кремля были восстановлены, в них был устроен Музей церковных древностей, открытый в Белой палате, а затем и в Княжых теремах. После революции 1917 г. все постройки

монастыря были переданы в ведение местного краеведческого музея.

В 1953 г. смерч, пронесшийся над Ростовым, причинил кремлю огромные разрушения. Восстановление его велось в 1954–1960 гг. Была восстановлена, в частности, Красная палата, которую А. А. Титов считал «погибшей безвозвратно от руки невежества». Работы по реставрации кремля велись под руководством реставратора-исследователя В. С. Баниге, в память о котором на восточной стене Кремля установлена мемориальная доска.

В зданиях Ростовского кремля размещается Ростовский архитектурно-художественный музей-заповедник.

Петергоф (Петродворец)

Первое упоминание о царской загородной резиденции Петергофская мыза, или Петергоф («Петров двор»), встречается в «поденном журнале» Петра Великого в 1705 г. Тогда вдоль дороги, проложенной вдоль побережья Финского залива от Петербурга до Ораниенбаума, царским указом повелено было строить «забавные дома каменные изрядною архитектурною работою и украшать огороды».

В намерения Петра I входило превратить эту местность в дачную, благоустроить ее, украсить садами, парками, фонтанами с каскадами и прочими «затеями». «Весь путь вдоль морского берега усеян сплошными увеселительными домами и дворцами один подле другого... – писал очевидец в начале XVIII в. – Так как местность эта расположена таким образом, что в тысяче шагах от моря берег везде имеет почти одинаковую высоту... то легко себе представить, что вид от дворцов с самой высоты берега, а равно и со стороны тех, которые плывут по морю... должен быть весьма красив...»

Самыми ранними садово-парковыми ансамблями на побережье Финского залива стали усадьбы Екатерингоф, Стрелина мыза (Стрельна), «Фаворит», «Монкураж», Ораниенбаум и Петергоф. Последний был задуман как парадная царская резиденция, которая «первейшим монархам приличествует».

Замысел создания в Петергофе роскошной загородной царской резиденции родился после Полтавской победы над шведами в 1709 г. 26 мая 1710 г., как сообщает «поденный журнал» Петра Великого, «царское величество изволил рассматривать место сада и назначить дело плотины, грота и фонтанов Петергофскому строению».

Ежедневно на строительстве Петергофа работало от 2000 до 5 000 тысяч человек. Они рыли каналы и пруды, осушали болотистую местность, прорубали аллеи, подсыпали и укрепляли низкую береговую полосу, закладывали сад. Петр I лично наметил первоначальный план ансамбля. В 1712–1725 гг. работами руководили лучшие мастера того времени – архитекторы А. Шлютер, И. Браунштейн, Ж.-Б. Леблон, Н. Микетти, М. Г. Земцов.

Все работы предполагалось завершить к 29 июня 1723 г. – дню именин императора, но, еще не дождавшись окончания строительства, Петр начал устраивать в Петергофе официальные торжества, которыми отмечались знаменательные даты Северной войны – с фейерверками, иллюминацией, маскарадами. В августе 1721 г., по случаю заключения Ништадтского мира со Швецией, впервые были пущены знаменитые

петергофские фонтаны.

Торжественное открытие Петергофа состоялось на два месяца позднее запланированного срока – 26 августа 1723 г. Присутствовавшие на торжестве иностранные послы единодушно окрестили Петергоф «новым Версалем». «Видел я и увеселительный дворец Петергоф, лежащий у самого взморья, – писал брауншвейгский посланник Фридрих Вебер. – И если я скажу о нем только то, что в продолжение 10 лет над ним работали лучшие мастера и несколько тысяч работных людей, которые покорили и переделали самую природу, то уже по одному этому можно составить себе понятие о великолепии и отделке увеселительных построек... которые скоро представят собой новый Версаль». Впрочем, Петергоф имел перед Версалем большое преимущество – море, и эта особенность позволила Петру I пожелать французскому королю «иметь в Версале такой же чудный вид, как здесь, где с одной стороны открывается море с Кроншлотом, с другой виден Петербург».

Регулярный Нижний парк является сегодня самой старой частью петергофского ансамбля. Здесь при Петре I были построены дворцы-павильоны «Монплеизир», «Марли» и «Эрмитаж», оранжереи, созданы фонтаны «Адам», «Ева», «Пирамида», «Менажерный» и др. Центром ансамбля стал Большой дворец, расположенный на гребне прибрежного холма.

Нижний парк занимает территорию в 102,5 га. От центрального «Большого каскада» к морю протянут канал с Аллеей фонтанов и расходятся лучами перспективы к дворцам «Монплеизир» и «Эрмитаж». Система лучевых дорожек, идущих от склона к морю, пересекается тремя радиальными аллеями, берущими начало от дворца «Марли». Средняя из них, главная, носит название Марлинской. Ее протяженность составляет 2 км. Почти все парковые дорожки в перспективе замкнуты каким-либо архитектурным сооружением, фонтаном или скульптурой. Так, от перекрестка Марлинской и Монплеизирской аллеи можно видеть с одной стороны каскад «Шахматная гора», с другой – фонтан «Адам», а с третьей – дворец– павильон «Монплеизир» (от франц. «мое удовольствие»). Он был построен в 1714–1722 гг. по проекту немецкого архитектора Андреаса Шлютера, создателя знаменитой Янтарной комнаты. Дворец стоит прямо на берегу моря, и в его залах слышен плеск прибоя, разбивающегося о прибрежные камни. Облик дворца весьма характерен для петровской эпохи, он сочетает красоту с удобствами, парадный блеск – с практичностью.

Среди залов «Монплезира» особенной изысканностью отделки отличается Лаковая комната. Стены ее украшены нарядными лаковыми панно, черными с оранжевой каймой, покрытыми росписью золотом и красками. Они изображают китайские пейзажи, мостики, людей, птиц и животных. На миниатюрных резных полочках стояла «порцелиновая посуда» – фарфоровые изделия, привезенные из Китая и Японии. Центральный зал дворца и залитые светом галереи были украшены картинами голландских и фламандских художников XVII и XVIII вв. Эти полотна Петр I привез из-за границы, и коллекция живописи дворца «Монплеизир» стала первой в России картинной галереей.

«Монплефир» был любимым дворцом Петра I. Здесь он обычно принимал гостей и устраивал приемы для узкого круга приближенных. В Морском кабинете «Монплефира», из окон которого открывается вид на необозримую водную гладь и окутанные сизой дымкой далекие силуэты Петербурга и Кронштадта, Петр имел обыкновение работать. Отсюда он в подзорную трубу рассматривал идущие в Петербург иностранные суда, которых с каждым годом становилось все больше. И, как свидетельствует знаменитое историческое полотно Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе», именно в стенах «Монплефира» состоялся последний разговор Петра с неверным сыном, казненным затем по приговору Сената.

Расположенный в противоположной части Нижнего парка дворец «Марли» построен в 1720–1723 гг. архитектором И. Ф. Браунштейном. В первые годы этот дворец назывался «Малыми палатами», а позднее он получил название «Марли» – по одноименной резиденции французского короля в окрестностях Парижа. Относительно скромный снаружи, дворец «Марли» был известен резным убранством Дубового и Чинарового кабинетов. «В доме восемь маленьких комнат внизу и столько же наверху, с прекрасными картинами, но без мебели, – писал в 1723 г. французский посланник Кампредон. – Между прочим, один кабинет отделан деревом, привезенным царем из Персии. Это особенный род кедра, замечательно красивый. Персы называют его синах».

«Марли» служит центром дворцово-паркового комплекса, называемого Марлинской усадьбой, парадную часть которой составляет каскад «Золотая гора» с прилегающими к нему фонтанами. Симметрично каскаду с северной стороны дворца был высажен фруктовый сад. В обширном прямоугольном пруду перед дворцом разводили карпов, сазанов, судаков, лещей и других рыб, приученных подплывать на кормление по звонку колокольчика. В XVIII в. план Марлинской усадьбы копировался и рассылался по России как образец благоустроенного помещичьего имения.

В западной части парка, на берегу залива, стоит павильон «Эрмитаж». Название его переводится с французского как «уединенный уголок» (ermitage), из чего следует назначение павильона – место уединенных встреч. К единственному входу в здание ведет небольшой мостик, который в XVIII в. был подъемным, что отрезало доступ в «Эрмитаж» посторонним лицам.

Павильон был построен в 1721–1727 гг. Работами руководил архитектор И. Браунштейн. Главным и единственным парадным помещением павильона является Столовый зал, занимающий все пространство второго этажа. Огромные, почти во все стены, окна, за которыми открывается панорама залива, наполняют зал светом. Сюда, на верхний этаж, гости попадали на подъемном кресле, обитом зеленым сукном; подъемный механизм находился в подвальном помещении. Таким же способом в Столовый зал подавался и стол, средняя часть которого для сервировки опускалась при помощи специальной машины в центральное помещение первого этажа, где располагались кухня и буфетная. Приборы, установленные в специальных гнездах, двигались вверх и вниз по вертикальным деревянным трубам. Чтобы сменить кушанье, гость должен был написать свое требование на бумаге и, положив записку на тарелку,

позвонить. Это подъемное устройство позволяло избегать присутствия слуг на обеде, что еще более подчеркивало назначение павильона как «приюта уединения».

Особое своеобразие Нижнему парку придают его знаменитые фонтаны и каскады. Их здесь более 100. Наиболее знаменит «Большой каскад», расположенный с северной стороны Большого дворца и включающий в себя 64 больших и малых фонтана. Игра сверкающих на солнце струй, сочетание белого мрамора с блеском золоченых изваяний, зеленью газонов и серебристой лентой протянувшегося к заливу канала производит неизгладимое впечатление. Поэт П. А. Вяземский писал:

*Как свеж, как изумрудно мрачен,
В тени густых своих садов,
И как блестящ, и как прозрачен
Водоточивый Петергоф.*

«Большой каскад» сооружался в 1714–1723 гг. одновременно с Большим дворцом («Большими палатами»). Первые наброски будущего дворца сделал сам Петр I. В дальнейшем его сооружением руководили А. Шлютер, И. Браунштейн, Ж. Б. Леблон, Н. Микетти. Первое изображение Большого дворца появляется на гравюре А. Ростовцева, датированной 1717 г. Дворец тогда представлял собой небольшое двухэтажное здание с высокой кровлей и фасадом, расчлененным на три части.

После смерти Петра работы в Петергофе на некоторое время замерли и вновь широко развернулись в 30-х гг. XVIII столетия. В эти годы были созданы фонтаны Верхнего сада, завершена перестройка «Руинного каскада», площадь перед которым украсили два «Римских фонтана». А в 1735 г., в память 25-летия Полтавской победы, в Петергофе был открыт знаменитый фонтан «Самсон», ставший символом всего дворцово-паркового ансамбля.

Аллегорическая скульптура «Самсон, раздирающий пасть льва» создана по мотивам подвигов библейского героя Самсона, победившего льва. Знаменательная Полтавская битва произошла 27 июня 1709 г., в день св. Сампсония. Это обстоятельство и наличие в шведском гербе изображения льва позволило истолковать подвиг Самсона как победу России над Швецией.

«Самсон» воздвигнут на постаменте из гранитных глыб посреди бассейна, куда сливаются шумные водопады Большого каскада. Из пасти побежденного льва вырывается мощный водяной столб. Восемь резвящихся вокруг «Самсона» дельфинов, символизирующих спокойное море, разделяют торжество героя. Весь ансамбль Большого каскада отныне стал подчинен этой центральной группе.

С 1799 по 1806 г. велась значительная реставрация «Большого каскада». Вся старая свинцовая скульптура была заменена бронзовой, отлитой по моделям известных скульпторов Ф. Шубина, Ф. Щедрина, И. Прокофьева, И. Мартоса и др. Главный монумент каскада, «Самсон, раздирающий пасть льва», изваял М. И. Козловский. Он же по рисункам А. Н. Воронихина изготовил декоративные вазы и фонтанные чаши.

Создателем первого, свинцового «Самсона» был скульптор К. Растрелли. Его сын, великий архитектор Ф. Б. Растрелли, стал автором проекта полной перестройки Большого Петергофского дворца, осуществленной в 1747–1752 гг. В неприкосновенности остался лишь кабинет Петра I, украшенный резными дубовыми панелями работы Н. Пино.

Растрелли сохранил особенности архитектуры петровской эпохи, дополнив фасады белыми барочными наличниками, выделяющимися на фоне ярко-желтой окраски стен. Вдоль северной стороны дворца Растрелли создал анфиладу парадных гостиных, интерьеры которых были обильно украшены деревянной золоченой резьбой, изображавшей резвящихся амуров, затейливо перевитые гирлянды цветов и листьев. Золоченая резьба по дереву присутствует в обрамлении окон, дверных филенок, зеркал, каминов и на белых плоскостях стен. В сочетании с живописными плафонами, наборным паркетом, многочисленными зеркалами и резной мебелью интерьеры дворца производили впечатление небывалой роскоши.

Работы по отделке Большого Петергофского дворца были закончены в 1754 г., но различные изменения в убранстве продолжались и в последующие годы. В 1764 г. в центральном зале поместили 368 портретов работы итальянского живописца П. Ротари, и с этого времени зал стал называться Портретным, или Картинным. К 1760-м гг. относится и внутренняя отделка Китайских кабинетов, выполненная по проекту архитектора Ж.-Б. Валлен-Деламота.

В 1770-е гг. работами во дворце руководил архитектор Ю. Фельтен. По его проектам были переделаны главные парадные залы – Тронный, Столовый и Чесменский. Последний был создан в память о победе русской эскадры над турецким флотом при Чесме в 1770 г. Главной достопримечательностью этого зала были монументальные живописные полотна художника Ф. Гаккерта, изображающие эпизоды Чесменского боя. Эскизы к этим картинам Гаккерт создавал в Ливорно по горячим следам событий, причем для полной натуральности изображения на глазах художника был взорван старый 60-пушечный фрегат «Святая Варвара». Живописный плафон Чесменского зала был написан А. Вернером в 1750-х гг. на мифологический сюжет «Деметра, вручающая свои дары первому хлебопашцу Триптолему», причем в образе Деметры глаз поднаторевшего в аллегориях зрителя XVIII в. угадывал Екатерину II, а в образе Триптолема – графа Алексея Орлова, победителя турок при Чесме.

Следующая перестройка Большого дворца была проведена в середине XIX в. и связана с именем архитектора А. Штакеншнейдера, выполнившего отделку внутренних помещений восточной половины здания. Штакеншнейдер надстроил также третий этаж над восточным флигелем, который по высоте стал равен западному. Тем самым архитектор придал облику дворца окончательную завершенность.

Двери парадного дворцового входа открываются в Верхний сад, раскинувшийся на территории в 15 га. Его разбивка началась еще в 1714 г., по плану, составленному Петром I. В петровские времена в Верхнем саду большую роль играли фруктовые деревья, ягодные кустарники и огородные гряды, располагавшиеся у главного входа. Здесь росли яблони, вишни, груши, смородина, крыжовник, барбарис, клубника, земляника, спаржа.

Кроме того, сад изобиловал цветами.

Первоначально Верхний сад окружали заполненные водой рвы. В середине XVIII в. по проекту Растрелли за линией рва была установлена монументальная ограда, а главный вход оформлен нарядными пилонами, от которых открывался торжественный вид на дворец.

Намерение Петра I украсить Верхний сад фонтанами стало воплощаться лишь с 1735 г. Над их устройством работали архитекторы И. Бланк, И. Давыдов и фонтанный мастер П. Суалем. В круглом бассейне центрального партера, вблизи дворца, в 1735 г. был устроен фонтан «Дуб»: в центре бассейна стояло искусственное дерево, орошаемое водой, которая выбивалась из-под его ветвей. «Дуб» окружали фонтаны «Дельфины». В конце XVIII в. «Дуб» переместили в Нижний сад, включив его в группу фонтанов-шутих.

Центральный фонтан «Нептун» («Нептунова телега») создал скульптор К. Растрелли. В 1800 г. обветшавшую свинцовую скульптуру фонтана заменили купленной в Нюрнберге старинной бронзовой скульптурной композицией, центральное место в которой занимал бог морей Нептун. Эта фонтанная группа была создана еще в 1652–1660 гг. скульптором Г. Швейгером для украшения центральной площади Нюрнберга.

В 1800-х гг. каскад, расположенный с южной стороны фонтана «Нептун», украсила бронзовая скульптура «Аполлон Бельведерский», отлитая В. Екимовым взамен находившейся здесь статуи «Зима» работы К. Растрелли. Круглый бассейн, расположенный перед входом в сад, в 1738–1739 гг. украшала свинцовая золоченая статуя Андромеды. Во второй половине XVIII в. ее место занял крылатый дракон. К концу XIX в. в бассейне была установлена декоративная ваза с невысокой фонтанной струей. Фонтан получил название «Межеумный», т. е. невнятный, неопределенный.

Великолепный дворцово-парковый ансамбль Петергофа (с 1944 г. – Петродворец) жестоко пострадал в годы Второй мировой войны. Его реставрация ведется с 1944 г., и, несмотря на огромную проделанную работу, некоторые интерьеры остались утраченными навсегда, как, впрочем, и ряд построек – таких, например, как Английский дворец, сооруженный Дж. Кваренги в конце XVIII в., и др.

Янтарная комната

Одним из чудес света называл Янтарную комнату известный минералог академик А. Е. Ферсман. В течение двух столетий это удивительное творение немецких мастеров-резчиков украшало Екатерининский дворец в Царском Селе. Таинственно пропавшая в годы Второй мировой войны, Янтарная комната остается тем не менее одним из самых ярких созданий человеческого гения.

* * * Известно, что янтарь – это застывшая смола хвойных деревьев, росших на нашей планете 40–50 млн лет тому назад. Этот удивительный минерал со времен глубокой древности привлекал внимание людей. У самых разных народов бытовало поверье, что янтарь – это слезы солнечного божества. Янтарь считали затвердевшим медом, застывшими в морской воде осколками падающих звезд, затвердевшей морской пеной... Еще в каменном веке из янтаря

делали фигурные поделки и украшения. В Древнем Риме янтарь наделяли лечебными свойствами. Из размолотого в порошок янтаря готовили целебные мази, а янтарные амулеты должны были защищать от дурного глаза. Янтарь нередко играл роль денег, его охотно меняли на золото, медь и бронзу.

Янтарь называли «золотом Балтики» – ведь добывали его по преимуществу на берегах Балтийского моря. В прибалтийских городах обработка янтаря издавна являлась весьма уважаемым ремеслом. Особенно славились янтарные мастерские в Кенигсберге и Данциге.

В 1701 г. король Пруссии Фридрих I, познакомившись с работами кенигсбергских мастеров янтарного дела, загорелся идеей заказать у них для себя какую-нибудь небывалую вещь. И в итоге он поручил кенигсбергскому мастеру Готфриду Вольфраму изготовить резные янтарные панели для отделки стен в галерее своего берлинского замка Шарлоттенбург.

Работа была гигантская и заняла около 10 лет. Эскизы для Янтарного кабинета делал известный архитектор и скульптор из Данцига Андреас Шлютер, который в те годы служил у короля и был в большом фаворе. Однако в 1707 г., когда большая часть настенных и цокольных панелей была уже готова, королевский заказ перешел к другим мастерам – Эрнсту Шахту и Готфриду Тюрову.

В 1712 г. янтарные панели украшали угловую комнату на третьем этаже королевского замка. Именно здесь Янтарный кабинет впервые увидел русский царь Петр I. В 1712 г., направляясь к своим войскам в Померанию, он встретился в Берлине с королем Фридрихом I, надеясь найти в его лице союзника в войне против шведов. Однако идея этого союза реализовалась лишь после смерти короля Фридриха, когда к власти пришел его 25-летний сын Фридрих Вильгельм I.

В 1716 г. Фридрих Вильгельм обратился к Петру I с предложением возобновить переговоры о союзе, рассчитывая с помощью русских освободить Померанию. Тогда-то он и припомнил, с каким восхищением Петр I некогда осматривал Янтарный кабинет. И вскоре союз Пруссии и России против Швеции был заключен, а Петр в письме из Амстердама сообщил своей супруге, что в Берлине он получил в подарок «Янтарную камору»...

В папках с документами «Сношения с Пруссией», относящимися к 1717 г., исследователям удалось обнаружить «Дело о присылке от Прусского короля в дар государю Петру I Янтарного кабинета». В нем содержалась опись на немецком языке «янтарных досок», две копии перевода этой описи на русский язык и наставления, как следует распаковывать драгоценные украшения.

Не позднее мая 1717 г. Янтарный кабинет (по описи – «две большие стенные штуки, в которых двои рамы с зеркалами, две таковые же штуки, при которых токмо одни поуже рамы, четыре таковые же стенные штуки, немного поуже, и каждая с отдельными зеркалами, два крыла пошире и еще два немного поуже – сии 12 штук все равной вышины, 10 особливых панельных штук, равной вышины, но разной ширины, и еще следующие штуки, которые також употреблены быть могут: четырехугольная доска, обложенная янтарем, изготовленный щит с большой главой, три

изготовленные большие головы на дереве, семь малых голов, 14 изготовленных тулипанов, 12 изготовленных роз, три штуки с раковинами... четыре маленькие, янтарем обложенные доски, 23 маленьких доски, которые еще к одному крылу чистого янтаря, которые в 107 малых штуках состоят») прибыл в Санкт-Петербург.

В том же году в Сарской мызе, подаренной Петром своей жене Екатерине, началось строительство каменных царских палат. Уже в то время в некоторых документах мызу начинают именовать Сарским Селом. Позднее это название превратилось в Царское Село.

Строительство в Царском Селе продолжалось и при преемниках Петра. В начале 1750-х гг. стараниями Бартоломео Франческо Растрелли Большой (позже Екатерининский) дворец практически приобрел свой современный вид. Пора было подумать о декоративном оформлении дворцовых помещений. Тогда в Петербурге и вспомнили о Янтарной комнате.

Все эти годы она находилась в одном из залов старого Зимнего дворца. В 1755 г. императрица Елизавета повелела, «...чтоб из Зимнего дома янтарный кабинет, через убиравшего оный янтарного мастера Мартелли, со всякой осторожностью собрав опять и уложив ящики, перенести солдатам на руках в Царское, под присмотром самого мастера и ему опять убрать оным янтарем во дворце царскосельском покой, который Ея Величеством для сего назначен будет».

Зал в Царскосельском дворце, предназначавшийся для Янтарной комнаты, отличался своими размерами от зала дворца в Потсдаме. Он был гораздо больше прежнего, и перед Растрелли встала очень непростая задача. Но вот результат: воплощением гения великого архитектора стал праздничный зал изысканной красоты, почти вшестеро превосходивший по своим размерам прежний Янтарный кабинет. Растрелли удалось так расположить барочные янтарные детали и столь удачно дополнить их элементами в стиле рококо, что пребывание в Янтарном зале Екатерининского дворца (названного в честь супруги Петра – Екатерины I) воспринималось современниками и их потомками как величайшее наслаждение.

Искусствовед Вильчковский в начале XX в. писал: «Строгость стиля, художественный замысел Шлютера были нарушены, но „варвар“, нарушивший творение «художника», был сам не меньший художник, и потому Янтарный кабинет, став Янтарной комнатой, не потерял в своей художественной ценности».

Великолепный по рисунку паркет, резное обрамление дверей, плафон с его золоченой лепкой и живописью посетитель Янтарной комнаты начинал замечать лишь потом, после того как вдоволь насладился видом этого необычного зала. Широкие панно из полированных янтарных пластинок покрывали стены. Все было удивительно ладно подобрано, выдержано в единой мягкой красочной гамме. Объемные резные украшения – гербы, вензеля, раковины, орнаментальные мозаичные композиции из яшмы, сделанные искусной рукой большого мастера, перебивали спокойное течение золотисто-прозрачной янтарной массы; на белых с золотом подзеркальниках, на золотистых пилястрах сверкало солнце.

«Она... является настоящим чудом не только по большой ценности материала, искусной работе и изяществу форм, но главным образом благодаря прекрасному, то темному, то светлому, но всегда теплomu тону янтаря, придающему всей комнате невыразимую прелесть. Какого огромного труда потребовало создание этого единственного в своем роде произведения», – писал о Янтарной комнате известный знаток драгоценных и поделочных камней Фелькерзам.

Посмотрим же на Янтарный зал (в том виде, в каком он был создан Растрелли и просуществовал до 1941 г.) глазами тех, кто видел его воочию:

«Это помещение... по одну сторону которого – три больших, до самого пола окна. Противоположная стена разделена двустворчатой дверью, как и две боковые стены. Двери окрашены светлой краской и богато отделаны позолоченным резным деревянным орнаментом в стиле рококо. Поверхность стен расчленена высокими – от потолочного фриза до цоколя – венецианскими зеркалами в позолоченных бронзовых рамах; перед зеркалами, на высоте верхнего края дверей, расположены подсвечники из позолоченной бронзы. Потолок покрыт аллегорической росписью, ее авторы – два итальянских художника: Джузеппе Валериани из Рима и Антонио Перисинотти из Болоньи, которые работали в Санкт-Петербурге с 1742 г. Янтарные украшения занимают все свободные поверхности этих трех стен, стены сплошь покрыты янтарной мозаикой. Несмотря на мешанину стилей, которая объясняется отсутствием единого проекта и чересчур затянувшимся строительством, общее впечатление от зала, особенно при солнечном свете, потрясающее».

Это описание относится к 1920 г. Дополним его еще одним, из 1912-го:

«Стиль Янтарной комнаты... представляет собой смесь рококо и барокко, и эта комната – подлинное чудо, не только из-за высокой ценности материала, искусной резьбы и легкости архитектурных форм, но главным образом из-за прекрасного, то темного, то светлого, но непременно теплого тона янтаря, который придает всему убранству невыразимую прелесть. Стены зала покрыты мозаикой из полированных кусочков янтаря, неодинаковых по размеру и по форме, но сохраняющих постоянный коричневато-желтоватый колорит. Резные янтарные рамы с рельефами делят стены на отдельные участки, где выложены четыре мозаики – римские пейзажи с аллегорическими изображениями четырех из пяти человеческих чувств. Игнорируя все технические трудности, этот хрупкий, ломкий материал выглядит так, как будто он специально создан для передачи барочных форм орнамента, а рамы и панно, сверх того, украшены еще барельефами, маленькими бюстами, гербами, воинскими трофеями и т. п. Весь декор производит приятное впечатление при солнечном свете и при свечах. Вместе с тем в оформлении зала нет ничего кричащего, назойливого, украшения настолько изящны и гармоничны, что иной посетитель может пройти через зал, даже не обратив особого внимания на то, из чего, собственно, сделана облицовка стен, оконных и дверных рам, настенные орнаменты. Янтарная облицовка, пожалуй, более всего напоминает мрамор, но начисто лишена мраморной торжественности и холодности – и, конечно, она значительно превосходит красотой отделку из любого, самого драгоценного дерева. В Янтарном зале – два источника

света. Окна – три больших, до самого пола окна – выходят на площадь перед дворцом. Между окнами вертикально расположены зеркала, которые тоже достигают пола своими позолоченными рамами, с орнаментом».

Вечером дневной свет, заливавший всю комнату через широкие окна, сменялся огнями сотен свечей, тысячекратно отраженных зеркалами. Именно сочетание света и янтаря придавало праздничному залу в Екатерининском дворце особую прелесть. На свету начинали играть мозаичные стены, игра света продолжалась в янтарных рельефах, открывая их глубину и пластичность, их живую, одухотворенную красоту...

Судьба Янтарной комнаты оказалась трагичной. В 1941 г. она была захвачена гитлеровскими войсками и вывезена в Кенигсберг. Там она некоторое время экспонировалась в одном из залов южного крыла на третьем этаже бывшего Королевского замка. Когда в 1944 г. союзная авиация усилила бомбардировки Кенигсберга, Янтарную комнату демонтировали и перенесли в подвал под северным крылом замка.

5 апреля 1945 г., когда Кенигсберг уже находился в кольце окружения, Янтарная комната, судя по ряду свидетельских показаний, все еще находилась в замке, в Орденом зале. Однако 9 апреля, когда замок был захвачен советскими войсками, Янтарной комнаты в нем не оказалось...

Увы, многое, относящееся к Янтарной комнате, так и осталось невыясненным. Масштабные розыски, предпринятые после войны, не пролили света на загадку ее исчезновения. Выдвигались самые разные версии по поводу ее дальнейшей судьбы. Наиболее популярна та, по которой Янтарную комнату вывезли немцы и спрятали где-то на территории Германии, возможно – в Саксонии или Тюрингии. Однако в 2004 г. в Англии вышла книга, авторы которой, Эдриан Леви и Кэти Сютт-Кларк, высказывают версию о том, что Янтарная комната погибла весной 1945 г. во время штурма Кенигсберга советскими войсками.

Между тем еще в 1970-х гг. впервые была высказана идея восстановления Янтарной комнаты. Но можно ли воспроизвести уникальное творение? Этот вопрос долго не давал ученым покоя. Тут было над чем поразмыслить! Ведь предстояло восстановить то, что считалось неповторимым. И добро бы сохранились чертежи, наброски, эскизы, рисунки! Но ведь их нет, хотя и с ними это было бы непомерно сложно. Требовалось знать и приемы обработки янтаря, применявшиеся в XVIII в., наконец, требовался и сам янтарь – причем высокого качества и в весьма немалом количестве.

И все же реставраторы решились. Их решению предшествовали годы труда. В этой работе приняли участие историки, минералоги – специалисты по янтарю, химики, художники, скульпторы, резчики по камню. Были отысканы в архивах и тщательно изучены фотографии Янтарной комнаты, чертежи, сметы, записи Растрелли. Немало секретов сумели разгадать исследователи, прежде чем пришли к выводу: Янтарную комнату восстановить можно!

В июле 1979 г. исполком Ленгорсовета принял решение о воссоздании уникального памятника. Работы растянулись на долгие годы. И лишь в мае 2003 г., в канун 300-летия Петербурга, посетители Екатерининского дворца впервые смогли увидеть возрожденное янтарное

чудо.

Моаи острова Пасхи

Остров Пасхи расположен на расстоянии более 3000 км к западу от побережья Южной Америки. Его полинезийское название – Рапа-Нуи. Остров был открыт голландским мореплавателем Якобом Роггевеном в 1722 г. в праздник Пасхи, отчего и получил свое современное название. Этот небольшой вулканический остров площадью 166 кв. км имеет форму треугольника. В каждом его углу возвышается по вулкану, а в центре раскинулась холмистая равнина. Треть территории острова занимает национальный парк Рапа-Нуи, созданный в 1968 г., и знаменитый своими многочисленными многометровыми каменными статуями – моаи, уникальным феноменом культуры полинезийцев, которые поселились здесь около 300 г. н. э.

В легендах аборигенов остров Пасхи именуется Те Пито О Те Хенуа – «Пуп Земли». Голландцы, высадившиеся здесь в 1722 г., первыми из европейцев увидели гигантские фигуры 10-метровой высоты, на макушке которых подобно коронам покоились большие круглые цилиндры, напоминающие жернова. Якоб Роггевен рассказывает, что жители острова зажигали перед этими гигантскими изображениями костры и садились вокруг на корточки, почтительно склонив головы. Молитвенно сложив руки, они то поднимали их вверх, то опускали вниз.

Жили островитяне в длинных низких хижинах из камыша, похожих на перевернутые вверх дном лодки. Никаких окон эти домики не имели, а отверстия, заменявшие двери, были столь малы, что в них с трудом можно было протиснуться. Всю обстановку составляли несколько циновок на полу и камни вместо подушек. Металла островитяне не знали, а пищу готовили на раскаленных камнях, разводя в ямах костер. Голландцы недоумевали: каким же образом эти почти первобытные люди сумели создать сотни гигантских статуй, равных которым по размерам они не видели во всей Европе? Исследовав подвергшуюся выветриванию поверхность одного из этих колоссов, мореплаватели пришли к выводу, что фигуры сделаны не из камня, а просто слеплены из глины, которую затем покрыли слоем камешков.

Экспедиция Роггевена пробыла на острове менее суток. После этого европейцы посетили Рапа-Нуи лишь спустя полвека, в 1770 г. Это были два испанских корабля под командованием дона Фелипе Гонсалеса. Они торжественно объявили остров испанским владением и дали ему новое название – Сан-Карлос.

В то, что гигантские статуи сделаны из глины, испанцы не поверили: взяв в руки кирку, можно было легко убедиться, что это настоящие каменные монолиты. Моаи произвели на испанских моряков большое впечатление, они даже выражали сомнение в том, что статуи сделаны на самом острове.

Следующими из европейцев на острове побывали англичане во главе с капитаном Куком, а в 1786 г. – французская экспедиция Лаперуза. И Кук, и Лаперуз считали моаи памятниками прежних эпох. Кука восхитило техническое мастерство неизвестных инженеров, которые когда-то без помощи механизмов подняли эти колоссы на ступенчатые постаменты, сложенные из камня. Кук не сомневался, что нынешние жители острова не

имеют к этой работе никакого отношения, ибо они даже не пытаются чинить все эти каменные фундаменты, которые давно уже начали разрушаться. Он заметил также, что многие статуи сброшены со своих пьедесталов и лежат лицом вниз, причем все говорит о том, что повалили их намеренно.

На борту судна Кука находился полинезиец с Таити, который понимал диалект жителей острова. С его помощью англичанам удалось выяснить, что статуи не считались обычным изображением богов, а были памятниками «арики» – людям священного королевского рода, жившим на острове в прежние времена. Подобного же мнения придерживается сегодня большинство исследователей.

До начала XIX столетия уединенный остров Пасхи никто больше не посещал. Тем неожиданней стал внезапный налет американской шхуны, капитан которой искал рабочую силу для тюленых промыслов на острове Хуан Фернандес, близ побережья Чили. Он вывез с острова несколько десятков жителей. После этого островитяне стали встречать камнями и палками всех чужеземцев, высаживавшихся на берег. Но все равно это не спасло их от работорговцев: в середине XIX в. все население острова было насильно вывезено в Перу, часть островитян убита. И хотя под влиянием протестов со стороны епископа Таити перуанские власти вынуждены были вернуть уцелевших жителей на остров, культуре Рапа-Нуи был нанесен смертельный удар: его население сократилось с 2000 до 111 человек. Погибли практически все носители исторической традиции, все, кто мог бы пролить свет на загадки истории острова. До сих пор ученые бьются над расшифровкой местной иероглифической письменности, знаки которой сохранились на нескольких дощечках «кохау ронго-ронго», вероятно, игравших роль жреческих табличек. Разрозненные предметы культуры и быта островитян попали в музеи разных стран мира, большая их часть погибла. Вторгшаяся на остров цивилизация XX в. окончательно стерла все остатки былого. Все, кроме сотен гигантских статуй...

Понятно, что перед учеными, в начале XX столетия приступившими к изучению острова Пасхи, стояла чрезвычайно сложная, практически неразрешимая задача: им предстояло собрать немногочисленные уцелевшие крупницы старины, по ним попытаться восстановить историю острова и ответить на главный вопрос: кто, как и зачем создал этот огромный ритуальный комплекс? А в том, что моаи создавались именно в ритуальных целях, сомнений не было ни у кого.

Первой исследовательницей острова Пасхи была англичанка Кэтрин Рутледж. Вместе с мужем она организовала в 1914–1915 гг. экспедицию на остров и составила карту вулканического кратера Рано Рараку – карьера, где было высечено большинство статуй, изучила и нанесла на карту тропы, ведущие от Рано Рараку к каменным платформам – аху, на которых стояли статуи. Рутледж измерила все обнаруженные на поверхности земли каменные террасы и более 400 гигантских каменных статуй, разбросанных по всему острову.

20 лет спустя здесь работала франко-бельгийская экспедиция Метро и Лавашери. Тщательно изучив несколько сотен статуй острова Пасхи, ученые предположили, что сюда в свое время могли прибыть жители с других, расположенных дальше к западу островов, которым и

пришла в голову мысль создавать фигуры. Поскольку на острове не было древесины, они занялись обработкой камня.

Большой этап в изучении острова связан с именем известного норвежского путешественника Тура Хейердала. Он прибыл сюда, горя желанием во что бы то ни стало доказать связь культуры острова Пасхи с инкской и другими цивилизациями Южной Америки. К сожалению, Хейердал с самого начала пошел по неверному пути подгонки результатов исследования под заранее выстроенную схему. Несмотря на оптимистические заявления, в итоге он так и не смог ничего доказать, и его книги лишь создали острову Пасхи шумную рекламу. Затерянный в океане маленький остров в одночасье стал «модным». «Тайна острова Пасхи» на несколько лет стала любимой темой салонных бесед и бульварной печати. Потом вся эта шумиха сошла на нет, и сегодня появление книги, озаглавленной, к примеру, «Загадки острова Пасхи», способно вызвать лишь недоумение.

Экспедиция Хейердала сделала и большое благое дело: она впервые обозначила широту проблемы и поставила перед научным сообществом весь комплекс вопросов, требующих решения. Центральное место в нем занимала тайна каменных статуй – моаи.

Кто их создал? Зачем? Как транспортировались и устанавливались эти многотонные колоссы? Ответы на эти вопросы были тесно связаны с другими, более значимыми загадками: как вообще происходило заселение острова Пасхи? Откуда пришли сюда люди – с запада или востока? Где родилась традиция сооружения каменных статуй – на самом острове или где-то за его пределами?

Вопросов было много, а в руках ученых имелись лишь жалкие разрозненные клочки той «Ариадниной нити», что ведет исследователя через лабиринт проблем и загадок. Неудивительно, что многие сделанные выводы и гипотезы являются довольно зыбкими, а на некоторые вопросы ответ не найден до сих пор. Но это вовсе не значит, что он не будет найден никогда.

Сегодня известно, что статуи острова Пасхи создавались на протяжении шести столетий – с X по XVI в. Иными словами, островитяне располагали практически неограниченным временем для создания статуй, число которых, включая незаконченные, разбитые и оставшиеся на месте вырубki, не превышает 1000. Известно, что традиция возведения колоссальных каменных построек существовала не только на западе, у инков, но и на востоке – на островах Тонга, в Микронезии и на Маркизских островах. Да и вообще, мегалитические сооружения – своеобразная «детская болезнь», которой в разное время переболели практически все человеческие цивилизации. Почему же остров Пасхи должен являться исключением? Традиция возведения каменных статуй вполне могла родиться на самом острове, тем более что их тип отличается редкостным своеобразием и не имеет ничего общего со скульптурными изображениями Южной Америки.

Около 1000 каменных монолитов было вырезано на склонах кратера потухшего вулкана Рано Параку, названного Туром Хейердалом «родильным домом исполинов». Около 600 из них так и остались лежать здесь, в том числе крупнейший из них – его длина составляет 19 м. «Рано

Рараку остался как один из крупнейших и удивительнейших памятников неведомому прошлому, которое безвозвратно ушло, – писал Т. Хейердал. – Весь горный массив изорван на куски, вулкан кто-то изрезал с такой жадностью, словно это был кулич, а между тем стальной топор, когда вы ударяете им по породе, лишь высекает искры. Вырублены десятки тысяч кубометров горной породы, перенесены десятки тысяч тонн камня. И посреди зияющей пасти гор лежат свыше 150 гигантских каменных людей, законченных и незаконченных на всех стадиях работы. У подножия горы готовые каменные люди поставлены в ряд, как армия неземных созданий. Ты чувствуешь себя ничтожно маленьким, когда верхом или на “виллисе” подъезжаешь к этой горе по древним дорогам, которые исчезнувшие ваятели проложили к своей гигантской мастерской».

Первобытные скульпторы, орудуя каменными топорами и теслами, делали много статуй одновременно, поэтому сегодня в Рано Рараку можно видеть все стадии работы. Вначале они приступили к обработке породы, создавая лицо и переднюю часть статуи, затем формировали бока, вырезали уши и руки с длинными пальцами, сложенными на животе. Далее они вырубали породу вокруг всей фигуры с обеих сторон, так что спина приобретала форму лодки с узким килем. Когда фасад фигуры был закончен в мельчайших деталях, он очищался и тщательно полировался. Затем «киль» перерубался, а колосс заклинивался с помощью камней, чтобы не соскользнул и не обрушился в пропасть. Все фигуры были без ног – каждая статуя заканчивалась плоско срезанным фундаментом, представляла собой своего рода удлинённый бюст. Когда освобождалась спина, начиналась транспортировка статуи вниз, к подножию вулкана. Множество статуй при этом разбивалось.

У подножия Рано Рараку гиганты временно устанавливались в вертикальном положении в ямах, вырытых в щебне. После этого скульпторы обрабатывали затылок и спину, талия украшалась сзади поясом с кольцами и различными символами. После этого колосс был готов к дальнейшему путешествию. Отдельные фигуры проделали путь примерно в 15 км.

За пределами Рано Рараку сегодня обнаружено 383 статуи. Все они были когда-то сброшены с каменных платформ-аху, на которых первоначально стояли, а многие так и «не добрались» до места установки. На одну платформу обычно ставили по две статуи, но иногда по четыре, пять или шесть, а на одном даже стояли рядом 15 гигантов. Высота установленных на аху каменных фигур не превышала 8 м. Желто-серые статуи из пористого туфа первоначально венчали огромные ржаво-красные лавовые навершия – пукао, имитирующие рыжеволосые прически. Объем каждой такой «шляпы» составлял около 6 куб. м, вес – до 2,5 т.

Первые европейцы, попавшие на остров, еще застали большинство статуй стоящими на пьедесталах, с красным пукао на голове. В 1840 г. последний великан был опрокинут со своего каменного подножия. Сегодня часть статуй поднята на прежнее место, и каменные колоссы по-прежнему холодно и безучастно всматриваются пустыми глазницами в беспредельную ширь океана. «Спесивые, гордые, с плотно сомкнутыми губами... Кажется, что никакое зубило, никакая атомная энергия не сможет их заставить открыть рот и заговорить», – писал Т. Хейердал.

Как же удавалось переносить исполинские фигуры на большое расстояние? На этот счет уже высказано немало версий, подкрепленных экспериментами с хорошими практическими результатами. Тур Хейердал еще во время первой экспедиции на острове организовал такое испытание. 180 рабочих, ухватившись за канаты, тянули 10-тонную статую по земле. И она перемещалась. Чтобы не повредить изваяние, туземцы сделали деревянные сани, которые предохраняли его от трения о землю.

Восемь изваяний, в разное время вывезенных с острова Пасхи в зарубежные музеи, были доставлены к берегу с помощью методов, мало отличавшихся от первобытных. Статуя, ныне находящаяся в Смитсоновском институте (США), была вывезена в 1886 г. Уильямом Томсоном на корабле ВМФ США «Могиканин». Островитяне и тягловый скот тащили моаи от удаленного на четыре километра от моря аху к бухте Анакена, где ее погрузили на корабль. Статую, хранящуюся в Британском музее, в 1868 г. сняли с каменного постамента, а затем без помощи саней волокли туземцы и члены экипажа английского военного корабля «Топаз».

Главный вывод исследователей сегодня таков: перемещение статуй отнюдь не является неразрешимой задачей. Обыкновенные канаты и деревянные салазки позволяют перетаскивать гигантов с места на место, было бы только для этого достаточное количество рук. В Индонезии огромные, многотонные надгробные плиты до сих пор буксируют на санях до полутора сотен взрослых и детей, натягивающих привязанные веревки. Известны случаи транспортировки мегалитов на Мадагаскаре, островах Тонга, на Маркизских островах, в Мексике. Фактически во всех местах камни двигали в горизонтальном, в частности боковом, положении на санях с помощью вращающихся цилиндров (роликов). Такие каменные ролики были обнаружены в 1955 г. при раскопках на склонах Рано Рараку. По существу, остается открытым лишь один вопрос: в каком положении транспортировались статуи – в горизонтальном или в вертикальном?

Наибольшее усилие, требуемое для перемещения статуи в горизонтальном положении, составляет 2,5 т. Вертикально стоящая статуя весом 14 т с гладким прямоугольным основанием требует для наклона силу 2,3 т, тем самым раскачивание сохраняет небольшое количество энергии, и этот метод транспортировки не требует древесины. Перекатывание вертикально стоящей статуи на роликах требует почти такого же количества древесины, как и передвижение лежащей статуи, но при этом рабочей силы нужно почти в два раза меньше. Однако наиболее очевидный аргумент против транспортировки в вертикальном положении – рельеф острова. Расчеты показывают, что при этом статуя часто будет падать на уклонах свыше 10 градусов. Раскачивание вертикально стоящей статуи или передвижение ее на «подвеске» из бревен вверх или вниз даже по самому пологому склону может оказаться сложным и опасным.

Американский археолог Уильям Маллой, возглавлявший установку статуй на нескольких реконструированных постаментах, предположил, что статуи двигали с помощью сошки из трех бревен длиной около 9 м. Статую, подвешенную к сошке веревками, могли медленно передвигать вперед, перекатывая ее на торчащем животе. Базируясь на данных полинезийской этнографии и на данных других мегалитических культур, американцы

решили, что наиболее логичен горизонтальный метод транспортировки. Ровная тыльная поверхность статуй и очертания плеч были идеально приспособлены для этого. Эксперименты с масштабной моделью помогли спроектировать легкие и экономичные сани. В компьютерной модели они имели вид двух непараллельных бревен длиной 5,5 м и диаметром почти 25 см. Их «подложили» под компьютерную эталонную статую. Вес самой статуи удерживал бревна точно на месте. От 15 до 20 «роликов» помогали движению, осуществлявшемуся с помощью канатной тяги.

Чешский инженер Павел, заинтересовавшийся словами туземцев, утверждавших, что «статуи шли сами», организовал эксперимент по транспортировке гигантов в вертикальном положении, просто кантуя их, раскачивая и поворачивая статую взад и вперед, подобно тому, как грузчики кантуют тяжелую мебель. И снова эксперимент увенчался успехом!

Наиболее сложным аспектом транспортировки моаи была установка статуи на аху. Статуи, как бы они ни лежали на санях – лицом вверх или вниз, – вероятно, перевозились вперед ногами. Оставленную на санях статую подравнивали так, чтобы ее основание было перпендикулярно площадке. Затем ее подтягивали вверх по плавно покатою земляному склону длиной около трех-четырех размеров статуи. Основание поднимали примерно на 1,2 м и устанавливали на гладкий пьедестал на вершине площадки. При помощи камней, земли, веревочных опор, клиньев и рычагов каменного исполина затем медленно приводили в вертикальное положение. Раскачиванием добивались более точной корректировки. Любые неровности на гладко отполированной поверхности пьедестала зачищали кусками кораллов или пемзы.

Теперь оставалась лишь одна загадка практического характера: как поднимались круглые пукао на макушку стоящих фигур? Но ответить на этот вопрос было уже нетрудно. Башня из камней, с помощью которой великан становился на ноги, поднималась, как готовые леса, до самой головы, и красную «шляпу» можно было либо вкатить, либо поднять с помощью того же простого способа. Когда украшение занимало свое место, все камни удалялись.

Каменные изваяния создали неповторимый пейзаж острова Пасхи и продолжают удивлять и восхищать мир. Но неумолимое время безжалостно к древним памятникам. Вулканический туф, из которого сделаны статуи, содержит куски твердого минерала – ксенолита. Когда туф выветривается, минерал выпадает и остаются трещины. Многие из гигантов уже покрыты ими как татуировкой. И, если не предпринять самые серьезные меры по консервации статуй, со временем от них ничего не останется.

Ветряные мельницы Киндердейка

Вклад, сделанный жителями Нидерландов – «низкой страны» – в развитие водного хозяйства, огромен. Еще в Средние века люди начали здесь наступление на море, отвоевывая шаг за шагом кусочки суши, осушая их и превращая в плодородные поля – польдеры. Расположенные ниже уровня моря и огороженные дамбами, польдеры требовалось постоянно поддерживать в должном порядке и отводить от них излишки воды, чтобы предотвратить заболачивание. И в этом деле голландцам помогли ветряные мельницы.

* * * Нигде в мире вы не увидите так много ветряных мельниц, как поблизости от голландской деревни Киндердейк: 19 мельниц, сооруженных здесь около 1740 г., хорошо сохранились по сей день.

Мельницы Киндердейка откачивали излишки воды из полей Альблассерваарда, которые расположены ниже уровня моря. Их мощные паруса служили для того, чтобы передать силу ветра на большие колеса с лопастями, которые зачерпывали воду и через систему дренажных каналов отводили ее в реку Лек. В настоящее время эту работу делают насосные станции, где установлены двигатели с механическим приводом. В их число входит расположенная здесь одна из самых больших насосных станций в Европе.

В Альблассерваарде – местности к западу от Киндердейка – проблемы с заболачиванием почв появились еще в XIII столетии. Чтобы избавиться от излишков воды в польдерах, были вырыты длинные каналы, отводящие воду в реку Лек. Подобные каналы называются «ветеринген», их можно видеть в любом уголке Голландии. Но этот метод был достаточен только в течение нескольких лет. Поля снова стали заболачиваться из-за подъема уровня воды в реке, и потребовался дополнительный способ поддержания нормального уровня воды в польдерах. Тогда было решено построить ряд ветряных мельниц, которые будут выкачивать воду в специальный резервуар до тех пор, пока уровень воды в реке не понизится и в нее снова можно будет отводить излишки воды из полей.

Однако полностью контролировать воду было невозможно, и в прошлые столетия Голландия пережила более 30 катастрофических наводнений, несущих угрозу для людей и животных. Самое сильное наводнение, получившее название «Элизабетс-флоод», случилось в 1421 г. Сильный шторм прорвал дамбы, и вода хлынула на польдеры. По преданию, именно тогда случилось событие, давшее название этой местности: колыбель с новорожденным была подхвачена волнами, а затем невредимой выброшена на берег. Место, где это произошло, получило название Киндердейк – «детская колыбель».

В 1869 г. ветряные мельницы Киндердейка получили помощь в виде паровой насосной станции, которая в 1927 г. была заменена дизельной насосной установкой. Но когда началась Вторая мировая война и Голландия была оккупирована гитлеровцами, насосная станция перестала функционировать из-за недостатка нефти. И снова в дело вступили ветряные мельницы, доказавшие свою работоспособность и безотказность во все века.

В 1970-х гг. в Киндердейке вступила в строй новая дизельная насосная станция, которая эксплуатируется и сегодня. Ее три больших «штопора» качают воду из польдеры в реку. Полная пропускная способность станции составляет 1350 кубометров воды в минуту. В 1981 г. в дополнение к ней была сооружена электрическая станция, имеющая пропускную способность 1500 кубометров в минуту.

А что же ветряные мельницы? Благодарные голландцы не забыли о них. Они до сих пор содержатся в исправности, и в июле – августе, а также в Национальный день голландских ветряных мельниц – праздник, отмечаемый 2 мая, мельницы спускают с тормозов, 76 их лопастей начинают вращаться, приводя в действие старинные деревянные колеса,

вычерпывающие воду. А когда темнеет, мельницы освещаются прожекторами. Это зрелище оставляет незабываемое впечатление.

В 1997 г. ансамбль ветряных мельниц Киндердейка включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Специально для туристов сюда организованы экскурсии на прогулочном катере. С 1 апреля по 30 сентября в одной из мельниц ежедневно работает музей, посетители которого могут воочию познакомиться с бытом старых мастеров и увидеть незамысловатую, но крайне любопытную механику этих уникальных технических сооружений.

Айронбридж

Чугунный мост Айронбридж через реку Северн под Колбрукдейли (Шропшир, Англия) – первая в мире конструкция подобного рода. Для своего времени это был неслыханно смелый проект, осуществление которого потребовало от его авторов большой изобретательности. Изящные пропорции моста еще типичны для архитектуры XVIII столетия, но тем не менее он стал символом уже другого времени – английской промышленной революции XIX в.

* * * Мысль о создании сборного моста из чугунных деталей впервые была сформулирована архитектором Томасом Ф. Причардом из Шрусбери. Эта идея очень понравилась Джону Уилкинсону – богатому фабриканту, владельцу чугунолитейного завода, который был настолько влюблен в железо, что даже получил прозвище «Айрон Мэд» (Iron Mad) – «Железный сумасшедший», «Железный безумец». Уилкинсон действительно отличался весьма экстравагантными поступками: свято убежденный в том, что люди недооценивают всех возможностей стали и чугуна, он демонстративно носил чугунную шляпу, без конца изобретал всевозможные чугунные и стальные конструкции, построил первые корабли со стальным корпусом и в конце концов был похоронен в чугунном гробу и на его могиле был установлен чугунный обелиск. Трудно сказать, знал ли Уилкинсон о том, что еще в XII–XIII вв. китайцы сооружали из чугуна самые причудливые конструкции, вплоть до знаменитой 13-метровой Железной пагоды. Как бы то ни было, мысль о сооружении чугунного моста его увлекла, и он привлек к ее реализации Абрахама Дерби III, потомственного предпринимателя-металлурга, внука Абрахама Дерби I – того самого, который в 1709 г. произвел первые успешные опыты по плавке железа с коксом. Именно он в результате стал «мотором» и душой всего дела.

В 1777 г., после нескольких неудачных проб, на заводе Дерби были отлиты первые детали моста. Все конструкции монтировались на месте и доставлялись к месту строительства уже в собранном виде. В 1779 г. мост был установлен, причем для этого понадобилось несколько месяцев. Длина пролета моста составляет 30,6 м, его вес – 384 т.

В первый день 1781 г. мост был торжественно открыт. Он быстро стал главной местной достопримечательностью. Сразу после открытия к мосту зачастили туристы, его избрали своим излюбленным местом художники. У северного конца моста возник небольшой рынок – он, кстати, функционирует до сих пор.

В 1795 г. чугунный мост подвергся первому серьезному испытанию на прочность – Северн вышел из берегов, и все каменные мосты были

снесены небывалым паводком, однако Айронбридж устоял. Это стало маркой высокого качества, лучшей рекламой заводам Дерби и принесло им новые строительные подряды. Дело стремительно расширялось, вокруг заводов и чугунного моста вырос целый город, получивший название Айронбридж и ставший первым центром массового производства железа в Англии и родиной английского машиностроения. Эта роль Айронбриджа в истории развития промышленности в Англии признана настолько значительной, что сегодня весь комплекс айронбриджских железоделательных заводов – кстати, на удивление хорошо сохранившийся, – признан памятником истории и культуры, и здесь создан обширный музейный комплекс, включающий в себя девять музеев и растянувшийся на целых две мили. В ноябре 1986 г. Айронбридж внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Айронбридж называют «родиной промышленности», «колыбелью промышленности». Еще в начале 1970-х гг. чугунный мост и большинство заводских сооружений было умело, с большим тактом и воображением, реставрировано, и сегодня многочисленным туристам демонстрируются целые цеха, где стоят старинные станки и машины, которые до сих пор находятся в исправном состоянии. В полной неприкосновенности сохранились плавильные печи, домны, мастерские. А естественным фоном для них служит живописное ущелье Айронбридж со знаменитым чугунным мостом, с которого когда-то началась мировая промышленная революция.

Бруклинский мост

Бруклинский мост в Нью-Йорке – гимн человеческому гению и терпению. Его монтаж длился почти 15 лет. К моменту окончания строительства растянувшийся на полкилометра Бруклинский мост был самым длинным подвесным мостом в мире.

* * *

*Я горд вот этой стальной милей,
Живьем в ней мои видения встали —
Борьба за конструкции вместо стилей,
Расчет суровый гаек и стали.
И если придет окончание света,
Планету хаос разделяет в лоск,
И только один останется этот
Над пылью гибели вздыбленный мост —*

так писал восхищенный Владимир Маяковский в стихотворении «Бруклинский мост». Этот грандиозный мост через реку Ист-Ривер, соединяющий Манхэттен с Лонг-Айлендом, до сих пор поражает своими масштабами.

Впервые мысль о строительстве моста через Ист-Ривер была высказана в 1802 г. За этим последовало почти полвека финансовых и технических обсуждений (включая шесть вариантов туннеля под Ист-Ривер), и только в 1857 г. законодательное собрание Нью-Йорка приняло к рассмотрению законопроект о строительстве моста, а решение о его сооружении было принято лишь в 1866 г. Автором проекта моста стал Джон Огастус (Иоганн Август) Роблинг – немецкий эмигрант, уроженец города Мюльхаузен в Тюрингии. К тому времени Роблинг уже прославился

как строитель моста в Цинциннати.

Идея Роблинга была для своего времени революционной: он предложил построить над Ист-Ривер подвесной мост, используя в качестве опор стальные тросы. Это было чрезвычайно смело: сталь в те времена считалась более хрупким материалом, чем простое железо, и в Великобритании было даже запрещено использование стали для любых видов мостовых конструкций. Между тем Роблинг еще в 1840-х гг. организовал производство стальных тросов и после ряда экспериментов разработал чрезвычайно прочные изделия собственной конструкции. Основу моста, по его замыслу, должны были составить четыре стальных троса диаметром 40 см. Для защиты от коррозии они были оцинкованы. При этом Роблинг, во многом являясь первопроходцем и не зная, как поведет себя его конструкция в реальности, заложил в эти тросы шестикратный запас прочности – этим во многом объясняется тот факт, что Бруклинский мост без особых проблем сегодня справляется с многократно возросшими на него нагрузками.

До окончания строительства моста Джон Роблинг не дожил – 22 июля 1869 г. он погиб в результате несчастного случая. Ему было 63 года.

После гибели отца строительство возглавил его сын Вашингтон Роблинг. Сооружение моста было сопряжено с большими трудностями и, как и на других подобных грандиозных стройках XIX в., не обошлось без человеческих жертв: не менее (точное число неизвестно до сих пор) 27 рабочих погибли во время строительства. Настоящим бичом оказалась кессонная болезнь – дело в том, что при строительстве Бруклинского моста впервые были применены воздушные кессоны, позволившие монтировать опоры моста на дне реки Ист-Ривер. По крайней мере, три человека умерли и около 15 % рабочих тяжело заболели, прежде чем догадались использовать метод декомпрессии, позволяющий поднятому с глубины человеку постепенно адаптироваться к нормальному атмосферному давлению.

Руководитель стройки Вашингтон Роблинг провел под водой самое большое количество часов. Он вообще любил находиться на месте самых ответственных работ и часто даже бросался сам монтировать конструкции. Увы, он стал одной из жертв кессонной болезни и оказался парализованным. С лета 1872 г. Роблинг был прикован к койке, но руководства работами не оставил. Его прозвали «человеком в окне» – он наблюдал за строительством из окна своей квартиры в подзорную трубу и посылал поручения через свою жену Эмилию. Пользуясь фактическим отсутствием главного строителя, подрядчики обманывали Роблинга, и по ходу строительства ему пришлось менять тонны тросов, на которых держался мост, а часть этих тросов упала в реку.

Несмотря на все трудности, работы были закончены в рекордно короткие по тем временам сроки. Бруклинский мост стал первым в мире подвесным мостом, сооруженным из стальных тросов, а до сооружения Ферт-оф-Фортского моста он вообще являлся самым длинным мостом в мире. Длина его пролета составляет 486 м. Протянутые через реку стальные тросы «держат» две гранитные башни-опоры высотой 66 м, при строительстве которых впервые были применены воздушные кессоны.

Открытие моста состоялось 24 мая 1883 г., и уже в первый день им воспользовалось 150 тысяч человек и 1800 транспортных средств. А честь первого перехода через Бруклинский мост была предоставлена Эмили Роблинг, почти 10 лет являвшейся «глазами и руками» своего парализованного мужа.

Бруклинский мост с первых дней своего существования стал одной из главных достопримечательностей Нью-Йорка, излюбленным местом поэтов и художников, туристов и философов, влюбленных и... самоубийц. Десятки людей прыгали отсюда в воду. Причем кончали с собой не только неудачники и безработные, но и вполне благополучные люди: они внезапно сходили с ума, их неодолимо притягивала бездна. Воистину, «если долго вглядываться в бездну, бездна начнет вглядываться в тебя».

С 1960-х гг. первенство перешло к мосту, перекинутому через вход в нью-йоркский залив и названному именем Джованни Веррецано. Эта легкая, изящная дуга имеет длину более километра, и две ее опорные башни высотой в 80-этажный небоскреб – настоящая триумфальная арка, скроенная по меркам Нью-Йорка и поставленная там, где кончается океан и начинается город. Под ним проходят самые большие в мире океанские лайнеры.

А Бруклинский мост по-прежнему, уже второе столетие, исправно служит огромному городу. Расширенный до трех полос движения в обоих направлениях, он сегодня ежедневно пропускает около 144 тысяч транспортных средств. И по-прежнему является предметом восхищения многочисленных туристов, на разных языках, подобно Маяковскому, повторяющих: «Бруклинский мост – да. Это вещь!»

Американские небоскребы

Самым первым небоскребом на Земле могла бы стать Вавилонская башня, которая, если верить старым легендам, должна была возвышаться до самого неба. Впрочем, в ту пору самого слова «небоскреб» еще не знали. Оно родилось в США в 1870 г., когда здесь приступили к строительству административного здания для страховой компании высотой 130 футов (около 45 м). Согласитесь, не столь уж и большой «скребок» для неба...

Строительство более высоких зданий стало возможно лишь благодаря революционной технологии, внедренной чикагскими инженерами. Они разработали строительные конструкции, где основную нагрузку стали нести не стены, а стальной каркас, передававший ее непосредственно на фундамент. Это позволяло существенно уменьшить вес сооружения, куда меньше ограничивало его высоту. Вот тогда высотные дома и стали расти в Америке, словно грибы.

К XX столетию население Нью-Йорка начало увеличиваться быстрыми темпами. В связи с этим поднялась стоимость участков земли, а это, в свою очередь, привело к увеличению этажности зданий. Именно первые десятилетия XX в. следует считать началом эры небоскребов.

К началу нового столетия американские инженеры и архитекторы уже накопили достаточный опыт сооружения высотных зданий с металлическим каркасом. Если первые высотки еще декорировались стилизованными элементами готики, ренессанса или классицизма, то с начала 1920-х гг. в их облике возобладала простота и прямолинейный рационализм. Подобное простое архитектурное решение характерно для

построенного в 1929–1931 гг. знаменитого небоскреба Эмпайр стейт билдинг (проект разработан фирмой Шрив). Серый каменный фасад этой 102-этажной башни украшают уходящие ввысь полосы нержавеющей стали и три выступа в верхней части здания.

Здание Эмпайр стейт билдинг расположено на Пятой авеню – одной из главных улиц Манхэттена. В течение 40 лет оно удерживало за собой звание самого высокого здания мира. Первоначальная высота небоскреба составляла 381 м, а после установки на нем в 1950-е гг. телевизионной башни она увеличилась до 449 м.

С Эмпайр стейт билдинг связан и рекорд скорости возведения подобного рода построек. Закладка небоскреба состоялась в октябре 1929 г., и в мае 1931 г., т. е. спустя 20 месяцев, оно было уже завершено. Таким образом, скорость его возведения в среднем составила один этаж в неделю, но в самый разгар строительства возводилось даже по четыре этажа в неделю. Первоначально крышу и последний этаж здания предполагалось использовать в качестве площадки для приземления дирижаблей, однако потом от этой затеи отказались.

Подсчитано, что общий вес здания составляет 365 тыс. т. На его сооружение пошло 10 млн кирпичей, 700 км кабеля, 60 тыс. т стальных конструкций. Строительство Эмпайр стейт билдинг обошлось в 40 млн долларов.

О том, чем для современников являлся этот огромный небоскреб, лучше всего свидетельствуют украшающие холл здания семь панно с изображениями семи древних чудес света. На восьмом панно – силуэт Эмпайр стейт билдинг.

Многочисленные офисные помещения небоскреба вмещают 15 тыс. человек, а 73 лифта могут одновременно поднять 10 тыс. человек. Лестница Эмпайр стейт билдинг, насчитывающая 1860 ступенек, по традиции служит местом ежегодных соревнований по ее преодолению. Пока рекорд составляет 20 минут.

На протяжении почти полувека строительство небоскребов оставалось локальным явлением, характерным только для США. В Европе и на других континентах время от времени появлялись лишь экспериментальные постройки подобного рода. Широкое строительство небоскребов за пределами США развернулось только после окончания Второй мировой войны. Впрочем, как показал опыт эксплуатации высоток, жить и работать в них не столь уж комфортно, а порой (как показали события 11 сентября 2001 г.) и просто опасно. Не потому ли американцы предпочитают селиться в пригородных коттеджах, оставляя небоскребы лишь для деловой жизни?

Дарджилинг-Гималайская железная дорога

Не секрет, что строительство железных дорог в XIX столетии оказало глубокое влияние на социальное и экономическое развитие всех без исключения стран мира. Железные дороги прокладывались через ландшафты любой сложности: леса и болота, пустыни и озерные пространства. Но наибольшей трудностью отличалось строительство горных железных дорог. Узкоколейная Дарджилинг-Гималайская железная дорога в Индии – первый и наиболее выдающийся пример горной пассажирской железной дороги. Открытая в 1881 г., она воплотила в себе

смелые и чрезвычайно изобретательные технические решения. Дорога функционирует до сих пор и в целости сохраняет большинство своих оригинальных особенностей.

* * * Все началось в 1878 г. Энергичный и предприимчивый мистер Франклин Престедж в ту пору служил агентом Восточно-Бенгальской железной дороги. Мысль о том, чтобы проложить рельсовый путь в Дарджилинг – высокогорный курорт на северо-западе Бенгалии, – уже давно не давала ему покоя, но руководство компании в ту пору не имело никаких планов на этот счет. Горы считались недоступными для железнодорожного строительства, и уважающая себя корпорация не могла идти на подобную авантюру. Престедж, однако, решил действовать на свой страх и риск.

В 1878 г. Престедж представил детальный проект высокогорной железной дороги правительству Бенгалии. Вицегубернатор сэр Эшли Иден санкционировал проект, и 8 апреля 1879 г. был подписан контракт, согласно которому Престеджу отводилась земля для строительства железной дороги с шириной колеи 2 фута (60,96 см) и предоставлялось право беспошлинного пользования существующими дорогами для гужевого транспорта.

Для строительства дороги Престедж создал «Дарджилингскую компанию парового трамвая» с основным капиталом 28 млн рупий – почти 60 тыс. рупий на милю дороги. Локомотивный и вагонный парк стоили еще около 10 тыс. рупий. 15 сентября 1881 г. название компании было изменено: она стала именоваться «Компания Дарджилинг-Гималайской железной дороги».

Задача перед компанией стояла очень непростая: требовалось проложить однокорейный путь от г. Силигури, находящегося на высоте 500 футов (152 м) над уровнем моря, до расположенного в горах на расстоянии 50 миль (92,6 км) Дарджилинга (6850 футов над уровнем моря), на пути к которому железная дорога поднимается до высоты 7407 футов (2 257 м). Сравнительно небольшая протяженность линии при небывало крутом подъеме – эта коллизия ставила множество задач, казавшихся неразрешимыми. Надо сказать, что при решении этих задач строители дороги проявили удивительную изобретательность.

Решение ключевой проблемы история приписывает жене одного из инженеров, строивших железную дорогу. Желая помочь своему мужу, на протяжении многих дней вместе с коллегами ломавшему голову над тем, как преодолеть крутой подъем, на который не в силах вползти ни один локомотив в мире, она спросила: «Но если вы не можете идти вперед, то почему бы вам не пойти в обратном направлении?» Эврика! И строители дороги решили «пойти в обратном направлении»: проложить путь зигзагами, когда поезд полого поднимается вверх до определенной точки, затем разворачивается, снова полого идет вверх, но уже на несколько метров выше, затем снова разворачивается и опять ползет вверх и так далее, пока высота не будет преодолена. Кроме того, маршрут включает в себя спиральные подъемы, когда поезд описывает полный круг, чтобы закончить его в той же самой точке, но приблизительно на 20 футов выше. В самой верхней точке горного хребта дорога делает эффектную «петлю Батасия», откуда открывается панорама Дарджилинга и горы

Канченджонга – третьей по высоте горы в мире.

23 августа 1880 г. открылось движение на участке Силигури—Курсеонг (протяженностью 31 миль), 2 февраля 1881 г. – на участке Курсеонг – Сонада (10 миль), а 4 июля 1881 г. был завершен последний, самый высокогорный участок Сонада– Дарджилинг (9 миль). С открытием Дарджилинг-Гималайской железной дороги время путешествия от Калькутты до Дарджилинга сократилось с 5–6 дней до 24 часов.

Для необычной железной дороги требовались и необычные локомотивы. После нескольких лет экспериментов был принят проект шотландской фирмы «Шарп Стюарт». В 1889–1929 гг. «Компания Дарджилинг-Гималайской железной дороги» приобрела 33 паровоза этого типа и еще три построила в своих собственных мастерских. Эти локомотивы – крошечные, с четырьмя колесами – до сих пор находятся в эксплуатации.

Первые паровозы появились на Дарджилингской дороге уже во время ее строительства. На последнем этапе стройки они подвозили строительные материалы на верхний участок пути. Затем эти мини-паровозики стали таскать пассажирские вагоны – четырехколесные, с крышами из холста и деревянными скамьями. Все первые транспортные средства импортировались из Англии, и только с открытием собственного вагоноремонтного завода «Компании Дарджилинг-Гималайской железной дороги» в городке Тиндхарья стали формироваться составы из вагонов 1,2 и 3-го класса. Несмотря на свою «классность», эти вагончики, влекомые мини-паровозом, получили название «Игрушечный поезд». Сегодня поездка на нем – излюбленный аттракцион для многочисленных туристов, желающих воочию увидеть это чудо техники XIX в. и получить изрядную порцию адреналина.

Дарджилингская дорога сегодня берет свое начало в Нью-Джапайгури, в 3 милях от Силигури. Путь в 51 милю (такова современная протяженность линии) «Игрушечный поезд» преодолевает за 8 часов.

Поезд традиционно отправляется из Нью-Джапайгури в 9 часов утра. Сначала узкоколейка тянется параллельно «большой» железной дороге через Силигури – крупный экономический центр штата Западная Бенгалия. За городом рельсовый путь пересекает реку Маханди по мосту длиной 213 м, хотя русло реки по большей части сухое – только в период дождей его заполняют потоки воды. Вокруг – открытая местность, кое-где встречаются первые плантации чая. Одно время отсюда от Дарджилингской железной дороги ответвлялись пути на юг в Кишангундж (теперь заменен стандартной колеей) и на северо-восток, в живописную долину Тееста. К сожалению, эту последнюю линию смыло муссоном в 1950 г., и она так и не была восстановлена.

Впереди – предгорья Гималаев, окутанные таинственным голубым туманом. Первая остановка – станция Сукна, где паровозик долго «пьет», прежде чем начать набор высоты.

Продираясь через лес, «Игрушечный поезд» поднимается на горный хребет Сингалела – отрог великой Канченджонги. На протяжении всего своего пути линия, зигзагообразно извиваясь, не менее 100 раз пересекает грунтовую дорогу, ведущую в Дарджилинг. Через 8 миль за станцией Сукна – чтобы преодолеть их, паровозу потребовался почти час – «Игрушечный

поезд» минует место, где когда-то находился первый поворот «большого зигзага». Этот участок был подвержен размывам, и в 1991 г. его спрямили.

Станция Рангтонг расположена на высоте 1400 футов (426 м) над уровнем моря. Пока паровоз «заправляется» водой, пассажиры «Игрушечного поезда» любуются живописным лесом Тераи, простирающимся внизу. Паровоз дает свисток и трогается. Поезд довольно резво бежит через густой лес, но скоро замедляет ход: впереди – первый поворот. Осторожно развернувшись, поезд карабкается через джунгли по склону горы в обратном направлении. Снова разворот – подъем, разворот – подъем... Пассажиры утешают себя тем, что до Второй мировой войны здесь существовал еще более крутой и сложный цикл, спрямленный для того, чтобы можно было пропускать тяжелогруженные поезда.

«Игрушечный поезд» в очередной раз пересекает грунтовую дорогу – как раз в том месте, где некогда находился постоянный двор, где давали отдохнуть измученным подъемом лошадям. Виток вокруг горы – и справа открывается живописнейшая панорама долины Маханди. Однако долго любоваться этим видом не приходится: поезд делает очередной разворот. На склоне горы появляется большое здание – это вагоноремонтные мастерские «Компании Дарджилинг-Гималайской железной дороги» в Тиндхарье. Здесь, на высоте 2822 футов (860 м), – очередная остановка.

«Игрушечный поезд» карабкается все выше и выше. Визжат колеса на разворотах, под рельсами разверзаются настоящие бездны. Поезд кружится по склону горы, у пассажиров захватывает дух: вагончики вот-вот покатаются вниз! Неудивительно, что этот участок пути носит название «место мучений».

Разъезд Гайябари находится на высоте 3400 футов (1036 м). Уставшие от ярких впечатлений пассажиры терпеливо ждут, когда станцию пройдет встречный поезд из Дарджилинга. Компанию им составляют многочисленные обезьяны, которые хорошо знают расписание обоих поездов и собираются здесь, выпрашивая подачки. От Гайябари хорошо виден большой шрам на склоне горы, который носит название «Пагла Дхора» – «Безумный Поток». В сезон муссонов здесь в месяц выпадает более 700 мм осадков, и неудивительно, что наполненный водой «Безумный Поток» уничтожает железнодорожный путь во многих местах, прерывая связь с Дарджилингом на несколько дней.

Поезд поднимается вокруг горы по спирали. С левой стороны открываются захватывающие перспективы. В ясную погоду отсюда видна вся равнина Западной Бенгалии, включая расположенный далеко внизу Силигури, который мы оставили всего четыре часа назад. Температура воздуха заметно меняется, становится холоднее: поезд прибывает в Курсеонг, расположенный на высоте 4864 футов (1482,5 м).

Станция Курсеонг одновременно служит местом очередного разворота. С давних времен склоны Курсеонгской долины используются для культивирования чая. Здесь производится один из самых известных сортов дарджилингского чая – «Надежда Маргарет».

Две следующие остановки – Тунг и Сонада, где сохранились здания станции, относящиеся к первым годам строительства Дарджилингской железной дороги (начало 1880-х гг.). Местные дети некоторое время преследуют поезд и, подпрыгивая, висят на буферах – развлечение

опасное, но поезд ползет здесь довольно медленно, так как впереди – самая высокая точка маршрута, станция Гхум – 7407 футов (2257,6 м) над уровнем моря. Гхум является второй самой высокогорной железнодорожной станцией в мире после Куско в Андах (Перу).

Поездная бригада проверяет тормоза у вагонов: впереди – крутой спуск к Дарджилингу. За Гхумом «Игрушечный поезд» в очередной раз пересекает грунтовую дорогу и некоторое время движется по небольшому горному хребту, чтобы достичь наиболее захватывающего места на линии – «петли Батасия». В ясную погоду отсюда хорошо виден массив Канченджонги.

Здесь рельсовый путь делает стремительный разворот и начинает спускаться вниз.

На станции Батасия паровоз «пьет» воду в последний раз: предстоит последний бросок к Дарджилингу. Утомленные ощущениями и впечатлениями, пассажиры уже предвкушают скорый отдых. Поезд снова начинает выписывать кренделя, музыкально визжа на поворотах, но это последние испытания для путешественников по этой самой странной в мире железной дороге: впереди появляются огни Дарджилинга – на высокогорье темнеет быстро. И вечером, за ужином, пассажиры уже не так эмоционально воспринимают ощущения, испытанные ими во время удивительной поездки по самой известной в мире высокогорной железной дороге...

Строительство Дарджилингской железной дороги стало одним из самых выдающихся технических свершений XIX столетия. Сегодня эта дорога привлекает туристов со всех континентов. А в 1999 г. Дарджилинг-Гималайская железная дорога включена в перечень памятников, имеющих всемирное культурно-историческое значение – в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Эйфелева башня

Ажурный силуэт Эйфелевой башни известен во всем мире. Вот уже более ста лет она является символом Парижа. Но Эйфелева башня – это еще и символ новой индустриальной эпохи, наглядная иллюстрация небывалых прежде технических возможностей конца XIX в.

*** Ускорение технического прогресса повлекло за собой революционные изменения в архитектуре и строительстве.

В различных странах мира во второй половине XIX столетия один за другим появляются проекты грандиозных сооружений высотой несколько сот метров. Однако многие из этих начинаний терпят крах, и сама возможность осуществления подобных проектов ставится скептиками под сомнение. Но французский инженер Гюстав Эйфель твердо верил в победу технического прогресса.

В 1886 г. в Париже был объявлен конкурс архитектурных проектов для Всемирной выставки 1889 г. По замыслу организаторов, выставка должна была продемонстрировать успехи промышленной революции. Спустя некоторое время организационный комитет уведомил общественность, что среди более чем 100 конкурсных проектов имеется и проект башни из стальных конструкций высотой в 1000 футов (304,8 м).

Этот проект был разработан Гюставом Эйфелем еще в конце 1884 г. До этого он уже построил несколько железнодорожных мостов и был известен умением находить неординарные инженерные решения сложных технических проблем. Его проект в итоге был признан лучшим, и теперь, за два года до открытия выставки, ему предстояло возвести башню, которая на века прославила его имя. Гюстав Эйфель, как говорят, начертил ее необыкновенный силуэт не только на бумаге, но и на самом небе. Но эти высокопарные оценки появились только много лет спустя, а сначала инженеру пришлось встретиться с непониманием и открытой враждебностью. Парижане далеко не сразу признали его творение. В дирекцию Всемирной выставки обратилась группа деятелей искусств с манифестом «Работники искусств против башни Эйфеля». В нем, в частности, говорилось:

«Мы, писатели, художники, скульпторы, архитекторы, страстные любители не нарушенной до сих пор красоты Парижа, протестуем во имя французского вкуса, искусства и французской истории и выражаем свое сильнейшее негодование проектом возведения в центре нашей столицы чудовищной и бесполезной Эйфелевой башни... Мы имеем право сказать во всеуслышание, что Париж до сих пор оставался городом, не имеющим себе равных в мире, и неизменно вызывал у людей со всех концов света любопытство и восхищение. А Эйфелева башня, от которой отказалась даже коммерческая Америка, несомненно, обесчестит Париж. Иностранцы будут вправе потешаться над нами. В течение многих лет мы будем видеть падающую на город, наподобие чернильного пятна, одиозную тень одиозной башни».

Тем временем работы по строительству башни уже начались. 12 тысяч деталей для башни изготавливались по точнейшим чертежам. Для закладки фундамента был вырыт котлован на 5 м ниже уровня Сены. Основу четырех «ног» башни составили бетонные блоки 10-метровой толщины. 16 опор, на которых держится башня (по четыре в каждой из четырех «ног»), были снабжены гидравлическими домкратами, чтобы обеспечить абсолютно точный горизонтальный уровень первой платформы. И хотя нивелировка потребовалась незначительная, без этих домкратов поставить башню не удалось бы никогда.

Самая высокая по тем временам башня в мире была смонтирована 250 рабочими в поразительно короткий срок – 26 месяцев. Только благодаря способности Эйфеля правильно организовать работу и вести ее с максимальной точностью башня была построена столь быстро.

В горизонтальной проекции Эйфелева башня опирается на квадрат площадью в 1,6 га. Высота башни составляет 320 м, вес – около 7500 т. В процессе ее постройки было использовано 2,5 млн заклепок. Башня имеет три яруса, расположенные на высотах 60, 140 и 275 м соответственно, куда посетителей доставляют пять вместительных лифтов. Четыре лифта внутри «ног» поднимаются до второго этажа, пятый ходит от второго до третьего этажа. Первоначально лифты были гидравлическими, но уже в начале XX в. их электрифицировали. На первом этаже был открыт ресторан, на втором газета «Фигаро» оборудовала свою редакцию, а на третьем был устроен небольшой кабинет Эйфеля.

Несмотря на опасения современников, башня очень удачно вписалась в исторический центр Парижа. За время работы Всемирной выставки ее посетили 2 млн человек. Они могли воспользоваться лифтами, чтобы подняться на первую, вторую или третью платформы, и даже забирались пешком на верхушку башни.

После выставки башню решили демонтировать, и спасло ее только появление радио. На башне были установлены антенны для радиовещания, а через несколько десятилетий – телевидения и радарной службы.

Эйфелева башня оставалась самым высоким сооружением в мире до 1931 г., когда в Нью-Йорке был построен небоскреб Эмпайр-стейт-билдинг.

Сегодняшний облик Парижа невозможно представить себе без Эйфелевой башни. Ее запечатлели на своих полотнах такие художники, как П. Пикассо, А. Марке, Утрилло. Ее воспевали поэты – Ги Аполлинер, Прево, В. Маяковский, Ж. Кокто, который назвал ее «Королевой Парижа».

На Эйфелевой башне находится уникальная метеостанция, где ведется измерение степени загрязнения и радиации атмосферы. Отсюда транслирует свои программы парижское телевидение. Башню используют и городские службы: на ней установлен передатчик, который обеспечивает связь полиции и пожарных.

Статуя Христа Искупителя в Рио-де-Жанейро

Огромная статуя Христа Искупителя, увенчивающая 710-метровую гору Корковадо, давно стала неотъемлемой частью великолепного пейзажа Рио-де-Жанейро. Распростертыми в благословляющем жесте руками Христос осеняет огромный 10-миллионный город, раскинувшийся у его ног.

* * * Статуя Христа Искупителя в

Рио-де-Жанейро – один из самых известных и популярных в мире монументов. Ежегодно миллионы туристов поднимаются к его подножию, откуда открывается ошеломляющая панорама города и бухты с живописной горой Сахарная голова (португальское – Pan de Asugar), знаменитыми пляжами Копакабана и Ипанема, огромной чашей стадиона «Маракана». На вершину Корковадо ведет железная дорога с курсирующим по ней миниатюрным поездом. Она была построена инженерами Перейрой Пассосом и Терсейрой Соарешем задолго до статуи Христа – в 1882–1884 гг., и впоследствии сыграла большую роль в сооружении монумента: по ней вверх доставлялись строительные материалы.

В 1921 г. близящаяся столетняя годовщина национальной независимости Бразилии (1822) вдохновила отцов города (Рио-де-Жанейро тогда являлся столицей Бразилии) на создание монумента Христа Искупителя (O Cristo Redentor). Журнал «О Крузейро» объявил сбор средств по подписке на сооружение памятника. В результате этой кампании было собрано 2,2 млн реисов. К сбору средств подключилась и церковь: тогдашний архиепископ Рио-де-Жанейро дон Себастьян Леме принял большое участие в деле создания монумента.

Первоначальный эскиз памятника разработал художник Карлос Освальдо. Именно он предложил изобразить Христа с распростертыми в благословляющем жесте руками, отчего издали фигура выглядела бы как огромный крест. В первоначальном варианте пьедестал для статуи должен был иметь форму земного шара. Окончательный проект монумента был

разработан бразильским инженером Эйтором да Сильва Коста.

Точные размеры статуи Христа Искупителя: высота – 38 м, в том числе пьедестала – 8 м; вес – 1145 т; размах рук – 30 м.

Так как по ряду причин, в том числе технологических, создать такую огромную скульптуру в Бразилии было тогда невозможно, все ее детали, включая каркас, изготавливались во Франции. В 1924 г. французский скульптор польского происхождения Павел (Поль) Ландовский закончил моделирование головы (высотой 3,75 м) и рук статуи. В разобранном виде все детали монумента доставлялись в Бразилию и по железной дороге транспортировались на вершину горы Корковадо. От конечного пункта рельсового пути к подножию статуи была устроена извилистая лестница из 220 ступенек, получившая прозвание «Караколь» («Улитка»), а в толще мраморного цоколя – маленькая часовня.

12 октября 1931 г. состоялось торжественное открытие и освящение монумента, ставшего символом Рио-де-Жанейро.

Останкинская башня

Башня в Останкино знаменита тем, что, являясь одной из самых высоких в мире, представляет собой еще и самое уникальное железобетонное высотное сооружение. Конструктор башни Николай Васильевич Никитин однажды сказал, что башня будет стоять на земле, пока не надоест людям.

*** Необходимость строительства в Москве огромной «антенны» возникла в 1955 г. из-за множества насущных задач, требующих решения. Требовалось увеличить радиус телевизионного приема (Московский телевизионный центр на Шаболовке обеспечивал радиус только в 60 км), обеспечить междугородний и международный обмен телевизионными программами (в том числе по линиям космической связи), организовать систему УКВ радиотелефонной связи с подвижными объектами и др.

Прежде чем обосноваться в Останкине, башня в проектах «поблуждала» по Москве – в одном из вариантов ей даже предназначалась самая высокая точка Москвы за МГУ.

На первоначальной стадии проектирования были разработаны десятки вариантов металлических антенных опор высотой до 500 м. Как правило, это были более или менее традиционные конструкции мачт с многоярусными наклонными оттяжками. Предлагались и металлические башни решетчатых конструкций. Но все они не отличались оригинальностью архитектурного решения. Только в начале 1958 г. появился проект свободно стоящей предварительно напряженной железобетонной башни оригинальной конструкции Н. В. Никитина. Этот проект был принят и впоследствии доработан.

Ствол башни не должен был сильно раскачиваться под давлением ветра, потому что в противном случае антенна рассеивала бы волны и телеэкраны не давали бы устойчивого изображения. Для решения этой задачи проект Н. В. Никитина предусматривал натянутые внутри ствола башни стальные канаты. Архитектор Л. И. Баталов сформировал облик бетонного каркаса: две трети высоты башенного ствола будут неделимы и свободны от всяких подвесок, далее – первая площадка. За ней бетонный ствол поднимался еще на 70 м, чтобы завершиться куполообразным

сводом, под которым шли застекленные ярусы площадок обзора, службы связи, ресторан.

Проект башни сначала испугал строителей из-за отсутствия привычного для высотного сооружения фундамента глубокого заложения: подошва толщиной всего 3,5 м! Даже для обычной заводской трубы фундамент заглублялся не менее чем на 5 м. Фундамент всегда выступал противовесом наземной части всякого сооружения, а здесь роль фундамента исполняла наземная нижняя часть башни. Именно это труднее всего укладывалось в сознании.

Предмет гордости Никитина – идея превратить четыре опорные ноги башни в «когти», которыми башня «вцепится» в грунт. Сухожилия стальных тросов заставляют каждую опору вжиматься в землю с такой силой, что опоры никогда не расползутся под гигантским давлением бетонного ствола. Сбалансированное натяжение тросов организует работу опор и связывает в единую систему всю конструкцию башни. Такой принцип строительства еще не применялся.

27 сентября 1960 г. в основании башни был заложен первый кубометр бетона. В 1966 г., когда строители вышли на отметку 385 м и закончили монолитную часть башенного ствола, над Москвой проносился сильный ветер. Верхняя площадка ходила под ногами, как палуба при сильной качке. Но едва к внутренней стене ствола башни прижались стальные канаты, для сохранности покрытые пушечным салом, башня замерла.

Опыта эксплуатации подобных сооружений тогда не существовало, поэтому еще в период строительства Останкинской башни было решено начать исследования, чтобы понять, как поведут себя конструкции на практике. Главный конструктор Н. В. Никитин, абсолютно уверенный в том, что башня выстоит в любой ураган, разработал программу наблюдений за башней.

С того момента как в эфир из Останкина пошли первые сигналы, начались непрерывные наблюдения специально созданной службы. Каждый день определяется воздействие температуры, ветра, солнца. Специалисты считают, что железобетонные конструкции испытывают большие напряжения не только от ветра, но и от солнца. В соответствии с его суточным циклом и проводятся наблюдения. Большая часть наблюдений проводится автоматически – приборами. Результаты заносятся в журналы. Наблюдатели уверены, что заполненные цифрами и графиками страницы журналов заинтересуют инженеров будущего. Здесь отражены точные сведения о поведении бетона и стали на больших высотах и при самых сильных нагрузках, собран опыт эксплуатации сверхвысотных сооружений.

4 ноября 1967 г. государственная комиссия подписала акт о приемке 1-й очереди Останкинского общесоюзного телецентра имени 50-летия Октября. Высота башни в момент окончания ее строительства составила 533,3 м. (В 1999 г. Останкинская башня немного «подросла» – до 540 м.) Вес ее фундамента – 55 тыс. т. Допустимое отклонение вершины под действием ветра – 11,65 м.

Когда в апреле 1971 г. над Москвой пронесся сильнейший ураган, какой бывает раз в сто лет, амплитуда колебаний башни достигла

максимальной зарегистрированной величины – 3,5 м. Тем не менее на конструкциях это никак не сказалось, и это дало повод строителям башни утверждать, что она простоит 500 лет и больше. Эти слова полностью подтвердились во время катастрофического пожара в августе 2000 г.: несмотря на то что даже лопнула часть держащих башню тросов, она устояла. Мрачные прогнозы не оправдались.

В башне 44 этажа – больше, чем в любом здании Москвы. Общая полезная площадь внутренних помещений составляет более 15 тыс. кв. м. Часть из них находится в фундаменте сооружения, другая – в коническом основании высотой 63 м.

Важной частью конструкции является ее железобетонный фундамент. Он позволил понизить центр тяжести башни почти до уровня земли. Общий объем фундамента – 7800 куб. м. Главным его элементом является 10-угольная плита, размещенная на глубине 3,5 м. Толщина плиты около 3 м, диаметр – 70 м. Эта плита армирована 1040 предварительно напряженными проволочными пучками. Кроме того, фундаменты подведены под витражную часть, железобетонный центральный стакан и главную лестницу.

В коническом основании телебашни на 17 этажах до высоты 63 м размещаются вестибюль, аппаратные радиотелевизионных передающих станций, встроенные трансформаторные электроподстанции, различные технические этажи, включая кухню и подсобные цеха ресторана «Седьмое небо». Между отметками 117 м и 147 м находятся аппаратные радиорелейных линий связи и вспомогательные технические службы. На 10 этажах самой верхней обстройки вокруг железобетонного ствола на высоте 321–360 м располагаются смотровая площадка, круглые залы ресторана «Седьмое небо», высотная трансформаторная подстанция и различные технические помещения. Внутри железобетонного ствола находятся вертикальные шахты четырех скоростных лифтов, электрокабели, кабели связи и антенные фидеры, сантехнические трубы и магистрали. Для подъема посетителей высотного ресторана и смотровой площадки, размещенной на высоте 337 м, используются три лифта грузоподъемностью до 1000 кг.

С самого начала Останкинская телебашня стала объектом, привлекающим туристов. Со смотровой площадки открывается прекрасная панорама города.

До 1975 г. Останкинская башня являлась самой высокой телевизионной башней в мире, уступив первенство канадской «С. N. Tower», построенной в Торонто в 1973–1975 гг. Ее высота составляет 553,3 м, и на сегодняшний день «Канадиен Нэшнл Тауэр» является рекордсменом высоты среди сооружений подобного рода.

Туннель под Ла-Маншем

Когда-то, еще в ледниковый период, Британия была связана с европейским континентом сухопутным мостом. Но на исторической памяти человечества Британия всегда была островом. Сейчас уже трудно определить, кому принадлежит приоритет в идее о наземной связи между Великобританией и континентальной Европой. Важно другое – в 1994 г. эта старая мечта была воплощена в жизнь.

* * * Первая попытка связать Англию и Францию сухопутным «мостом» была предпринята в 1880 г. Но тогдашнего английского премьер-министра Уильяма Гладстона советники убедили в том, что реализация подобного проекта обернется большим риском для национальной безопасности Англии, и идея была отложена в долгий ящик.

Любопытно, что инициаторами проекта всегда выступали французы – англичане не спешили расстаться со своим статусом островной державы. В 1750 г. Амьенский университет даже выделил специальную премию тому, кто разработает проект тоннеля под Ла-Маншем. В 1802 г. французский инженер А. Матье подал императору Наполеону проект строительства 15-километровой тоннельной секции. Другие 15 км должны были прокладываться со своей стороны англичане, а обе секции соединялись бы в центре Ла-Манша. В 1832 г. другой французский инженер, Тома де Гамон, предлагал прорыть под Ла-Маншем тоннель с 13 вентиляционными трубами, или построить мост, который опирался бы на насыпные острова. Спустя 30 лет Наполеон III и английская королева Виктория рассматривали новый план туннеля, предусматривавший его сборку из кессонов, установленных на морском дне. В конце XIX в. на обоих берегах даже начали что-то копать, но, прокопав километра два, бросили эту затею.

В 1975 г. Франция предприняла новую попытку добиться от англичан согласия на реализацию проекта. В итоге в 1986 г. британский премьер-министр Маргарет Тэтчер и президент Франции Франсуа Миттеран подписали соглашение, известное как Соглашение Кентербери.

Первоначально рассматривались 10 вариантов маршрута 109-километровой железной дороги, которой предстояло соединить английский г. Фолкстон с французским Па-де-Кале через туннель под Ла-Маншем. Основными критериями оценки проектов являлись стоимость, возможное воздействие на природную среду и экономическая выгода. В течение долгого периода консультаций состоялось более 2000 встреч членов строительного комитета с представителями местных властей и общинных советов, членами правительств и парламентов обеих стран, коммерческих фирм и государственных организаций. В результате этого в выбранный проект было внесено более 100 локальных изменений.

Подземные работы начались с британской стороны 11 декабря 1987 г. Туннель через Ла-Манш строился три года. За время строительства было извлечено 8 млн кубометров грунта – 2400 т в час. В разгар строительства здесь работало около 15 тысяч инженеров, техников и рабочих. Увы, не обошлось без жертв – при сооружении туннеля погибли 10 человек. На сооружение туннеля и железной дороги было затрачено 10 млрд фунтов (15 млн долларов).

В 1991 г. проходка туннеля была завершена. Еще три года ушло на его техническое оборудование, и 6 мая 1994 г. туннель был торжественно открыт в присутствии английской королевы Елизаветы II и президента Франции Миттерана. С конца 1994 г. началось регулярное транспортное сообщение Британии с континентом.

Туннель под Ла-Маншем, за которым закрепилось название Евротуннель, в настоящее время является одним из самых важных элементов транспортной инфраструктуры Европы. Его общая протяженность составляет 50,45 км (31,35 мили), в том числе под морем –

38 км (24 мили). Самая нижняя точка туннеля располагается на 114, 9 м ниже уровня моря.

Туннель состоит из трех взаимосвязанных труб: по одной на каждый рельсовый путь плюс сервисный туннель. Общая протяженность подземных сооружений составляет 95 миль.

Эксплуатацию туннеля осуществляет совместный англо-французский консорциум. После открытия туннеля путешествие между Великобританией и континентом намного удешевилось. Поезда курсируют между Фолкстоном (Англия) и Па-де-Кале (Франция), пересекая канал за 20 минут, а путешествие от Лондона до Парижа теперь занимает только три часа. Специальный высокоскоростной поезд «Евростар» (французская разработка) предназначен для перевозки пассажиров, в то время как поезда типа «Шаттл» («Челнок») перевозят автомобили.

Службы Евротуннеля функционируют круглые сутки. С начала коммерческих перевозок в 1994 г. через туннель перевезено более 3,5 млн легковых автомобилей и почти миллион грузовиков. Кроме того, поезда «Евростар» перевезли через туннель около 8 млн пассажиров, а товарные поезда – 4 млн т товаров.